

La Critica

(первая книга казанской трилогии)

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

V.S.

V.S.

**La Critica (первая книга
казанской трилогии)**

«Автор»

2013

V.S.

La Critica (первая книга казанской трилогии) / V.S. — «Автор»,
2013

История о любви и дружбе на фоне авантюрного производственного
триллера. Содержит нецензурную брань.

© V.S., 2013
© Автор, 2013

V.S. La Critica (первая книга казанской трилогии)

**Что бы вы ни делали на сцене Карнеги-Холл,
в зале всегда найдётся несколько человек,
которые будут считать это искусством**

В. Аллен

Предисловие (последняя зима

)

Вы когда-нибудь стояли вблизи горящего дома? А? Если нет, то я вам немного расскажу об этом ощущении. Вообще-то это практически невозможно, я имею в виду стоять вблизи горящего дома, – даже на приличном расстоянии ощущается нестерпимый жар, особенно если ветер дует в вашу сторону. Ещё очень тяжело дышать, потому что окружающим воздухом дышит пожар, и вам ничего не остаётся. А если на вас надето что-то легко воспламеняющееся (пуховик, шуба, растительность на лице и теле), можно вспыхнуть и разделить печальную участь постройки. Да, уж... Все эти впечатления от пожара имеют несомненно негативный характер, физический негативный характер. Но, эстетическое удовольствие от созерцания полыхающего четырехэтажного коттеджа затмевает весь физический негатив. Или нет? И да и нет. Всё-таки горящий четырехэтажный коттедж с хорошим ремонтом до сегодняшнего вечера принадлежал мне, и последние почти два года мы – я и двое моих партнёров – называли это место своим домом.

– Ох, еб...ская сила! – воскликнул Стальский, срывая с себя очки в металлической оправе. – Накались, как у Джордано, что б его, Бруно!

Этот парень справа от меня – мой партнёр. Член нашего двух с половиной члена. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что наша команда состояла из трёх полноценных членов, не считая внештатных «агентов» и экономки. Просто, одним из членов команды была...

– Фу, чёрт! «Бим» стал тёплым, – брезгливо прошипел Стальский, однако отвинтил крышку и сделал добрый глоток.

Видимо, придётся сначала коротко рассказать о том члене команды, который находится в непосредственной близости от меня в данный момент. Лучше начать с его внешнего вида: два с лишним метра ростом, то с дефицитом, то с избытком веса; усищи как у Фредди Меркьюри – «трагическая константа человеческого лица» и последний взвизг его собственной моды, кальсоны чебоксарской «фабрики изделий лёгкой промышленности для сильно пьющих лиц» (он не успел надеть что-либо другое), пальто расцветки клетчатый «жираф», стоящее невероятных денег, бутылка «Джим Бима» в кармане пальто расцветки «жираф». На ногах ботинки из кожи продажного капитана полиции, а, если по правде: из кожи продажного страуса. В присутствии Г. Стальского у юных девушек истончаются девственные плевы, а у пожилых девушек отступает климакс, сухие салфетки становятся влажными. Глеб Егорович Стальский – электромагнит для женщин, девушек, бабушек, тёток, тёлок, дам, леди, фрау, самок; словом для всех носителей двух «X»-хромосом; это его дар, в этом один из его талантов, это часть его судьбы.

Я познакомился со Стальским на первом курсе Университета, на факультете журналистики. Меня вышибли в середине второго курса, а Стальского на год позже, что даёт ему моральное право чувствовать себя большим профессионалом, чем я. Впрочем, он этим правом не злоупотребляет. Воинственную целеустремлённость наших одноклассников Стальский счи-

тал наихудшим заблуждением в жизни. Мы оба с презрением смотрели на тех, кто ковал счастье своим трудолюбием, поскольку знали, что слишком многое зависит от случая; обремененные такими выводами, мы являлись адептами теории «Большого Куша», и не предпринимали никаких шагов до времени. Что касается меня, то я обычный неприметный шуплый интеллигентшишка в очках в пластмассовой оправе, поэтому я не собираюсь с криком срывать эти самые очки с себя; ношу я именно эти очки именно в этой оправе уже столько лет, что они дважды выходили из моды и дважды снова становились модными. Очки как у Аллена Кенигсберга. Неважно. Что действительно важно в моём облике, так это застывшая гримаса сомнения на лице; сомнения в широчайшем смысле этого слова: от сомнения, что есть на завтрак, до сомнения касательно теории происхождения вселенной. Оба – и я, и Стальский, – прошедшие через этап бездейственной злобы в ранней молодости и уверовавшие в пользу кипячения воды перед завариванием чая, достигли предела человеческого рассудка, и зашли за этот предел.

– Весна!.. – промолвил Стальский и глубоко вдохнул.

В радиусе тридцати метров от горящего дома наступила суррогатная весна. «Радикальная расчистка снега», – подумал я. Кстати, сейчас декабрь. И ещё ночь. «Декабрьская ночь», – назовём это так.

Стальский снова извлёк из кармана прямоугольную бутылку, отвинтил крышку и отпил. Я укоризненно посмотрел на Стальского, но, не потому что был против алкоголя, а потому что боялся, что бутылка может взорваться от жара. С физикой у меня всегда было плохо, а то, что учительница по физики меня ненавидела – всего лишь совпадение. Стальский достал из другого кармана шкатулку с курительными принадлежностями, присел на корточки и стал пытаться скрутить сигаретку.

– Что? – спросил он и протянул мне пойло, чтобы я подержал, пока у него заняты руки.

Я скривил рот, воткнул бутылку в осевший от жара сугроб и снова повернулся к пожару. Стальский Глеб Егорович, сегодня в образе недодавленного Даниила Хармса: пальто, табак, литературные амбиции.

– Опять «сорок блять», – прервал нашу медитацию сосед, на ограду которого Стальский только что накинул пальто. – А эт.. чо?!

– Что?! – раздражённо повернулся я к нашему соседу.

– Эт... чо?! – повторил свою полумысль сосед. – Горит!..

– Горит, Валерий Валерьянович, гори-и-и-т, – тоном сумасшедшего проговорил я. – Теперь никакие пьяные крики и музыка не будут мешать вам спать! Теперь никакие «проститутки» и «сутерёны» (как вы их изволите называть) не поколеблют ваш благородный алкопокой. Не будет больше дискотеки восьмидесятых и наркоманов!.. Не видать вам более ни «педрил», ни «бандюков», ни прочей «мразоты столичной». Ни тебе забитый дорогими тачками проезд, ни фейерверки в будние ночи, ни колдовские обряды в полнолуния. Словом, ничего... – последние слова я проговорил, совершенно откровенно шмыгая носом; настроение скакало от восторга до нервозности туда и обратно.

Сейчас я был настроен игриво, как всегда перед предстоящим приключением.

– Давай, Валерьянович, – протянул «пять» нашему соседу Глеб. – Будь здоров.

Сосед не удовольствовался рукопожатием и заключил Стальского в объятия. Когда объятия завершились, Валерий Валерьянович ретировался.

– Несчастный обыватель, жестоко покалеченный суррогатами алкоголя, – проговорил Стальский, снова отвинчивая крышку.

Стальский – человек, отвечающий за порочные и порочащие связи с общественностью, агент по продажности и liar-liar специального пошиба, он придумал себя сам, и постоянное наличие не менее трёх промилле в крови никак не мешало его работе. Основное направление Стальского: рекламный бизнес и всё что связано с развлечениями. Журналист оригинального жанра, духовный сын мистера Рауля Дюка, отец русской... и двух евреек (шутка), всё это о

нём. Автор таких идиом как: «Чисто по-человечески» – это слишком жестоко», «Терпение» и «Труд» пиши через «Тр», «Звони бабушке каждый день; она на даче» и других, автор рекламных слоганов и причин вести себя возмутительно. Смысл некоторых его фраз (и поступков), уверен, останется загадкой на века; но, так называемый истеблишмент нашего региона ловил каждую фразу этого лжеца, неизменно выискивая в каждой глубочайший смысл. Стальский, снова отпив «Бима», издал ужасающий гортанный звук, обозначающий: «Да, друзья мои, мир рушится на глазах, всё в десятой степени плохо, но высочайшая мудрость в том, чтобы держать себя в руках и оставаться собой даже пред ликом дьявола, поскольку...» Он, конечно, преувеличивал. Зазвонил телефон. Я машинально похлопал себя по карманам, прежде чем понял, что звук исходит из недр пальто расцветки «клетчатый жираф». Стальский, по всей видимости, потерял интерес к мобильной коммуникации. Я посчитал себя вправе забраться в карман его пальто и ответить на звонок.

*«Уаураптабуриурам... Я налию собі, я налию тобі вина
А хочеш із медом,
Хто ти є? – Ти взяла моє життя,
І не віддала
Хто ти є? – Ти випила мою кров
І п'яною впала».*

Я в тёмно красном смокинге и цилиндре стою на крыше нашего полыхающего дома. На ногах ботинки на огромнейшей платформе, чтобы быть вровень с Мартой, которая кружит вокруг меня в вечернем платье. У меня в руках, разумеется, трость. Я так круто двигаюсь, что и передать словами невозможно.

*«Твої очі, кличуть, хочуть мене,
Ведуть за собою,
Хто ти є? Й ким би не була ти...»*

Прямо из ночного неба, раздувая пламя и вздымая снег, спускается вертолёт.

*«Я не здамся без бою!!!
Я не здамся без бою!..»*

Платье Марты развеивается от лопастей вертолёта как «Флаги наших отцов». Я скидываю пиджак, и он летит с крыши. Вслед за пиджаком отправляется трость... Вслед за этим бараклом падают ботинки на монструозной платформе и платье Марты.

«Я налию себе я налию тобі вина, а хочеш и з...»

- Ты опять представил, что живёшь в мюзикле? – Стальский с усмешкой смотрел на меня.
 - Не знаю. Может быть, – потупившись, ответил я.
 - Пора бы реабилитироваться, – он снова надел очки.
- Телефон перестал звонить. Я решил задать Глебу ничего не значащий вопрос:
- Давно хотел спросить, а как по документам зовут Джессику?
- Телефон снова запел.
- Нормита Самбу Арап, – без запинки ответил Стальский.
 - Мм... Занятно. Теперь понятно, почему мы её называли Нормой.

– Может, ответишь на звонок? – спросил Глеб.

– Плюс 3 (141) 592... – пробормотал я и провёл по экрану. – Да!

.....

– Точно, по расписанию... – я сделал несколько шагов от огня. – К сожалению да, твой братец пьян.

.....

– Марточка, мой телефон в сумке в машине.

.....

– Рад тебя слышать. Нет, у нас всё нормально, – я заткнул пальцем другое ухо, потому что в горящем доме начало что-то свистеть и хлопать; не знал, что кирпичи могут так здорово гореть; может алкозаначка Глеба полыхнула.

.....

– Что уж там говорил Уайльд про триумф воображения над интеллектом? Я всегда больше полагался на воображение. Нет повода для беспокойства.

.....

– Я тоже.

.....

– Не без этого, конечно. Я не «бодрый кабанчик», Василиса!

.....

– «Я не Василися-я-я». А я не «бодрый кабанчик»! Мы приедем раньше, чем планировали. Всё хорошо, но... по-другому хорошо. Что само по себе не совсем не плохо.

.....

– При встрече расскажу. Когда сам осознаю.

.....

– Стоим около костра, греемся.

.....

– Не совсем пикник.

.....

– Я больше не хочу быть журналистом.

.....

– Как насчёт проката катамаранов?

.....

– Отель?

.....

– Да. На твой вкус, Крошка.

.....

– Я знаю. До скорой встречи.

.....

– А ты не вывихни запястье, когда будешь вспоминать обо мне! Пока, – только я скинул вызов, как грянул небольшой взрывчик, и сноп искр и каких-то полыхающих кусков вылетел из окна четвёртого этажа. Один из огоньков приземлился где-то за соседской баней.

– Как у них дела? Супер-гуд? – спросил Стальский.

– Да, – ответил я. – Говорит, что нашла подходящий для нас дом, – послезавтра собирается посмотреть. И тебе по соседству, но ты уж сам решишь, когда приедешь.

Глеб покивал. Я весело прокричал:

– Давай-ка валить отседа, Глеб Егорович!

– А как же вертолёт?

– Не будет никакого вертолёта, я пошутил.

– Провёл меня?

– Точно.

– Выходит, обманул меня? – продолжал сыпать синонимами Стальский.

– Да, друг.

Мы со Стальским с секунду смотрели друг на друга, а потом рассмеялись, а потом синхронно погрузнели.

– Обожди, дай насладиться зрелищем. Не каждый день горит дело твоей жизни, – Стальский положил руку на горлышко бутылки как мушкетёр на эфес шпаги. – К тому же пожарные ещё не скоро приедут.

Стальский, конечно, расстроен.

– Ладно, – я вернул Стальскому его телефон. – Я вот о чём подумал: мой папаша как-то сказал: «Богатые люди прикуривают от костра...» Интересно, что он имел в виду? Он ведь не курил даже.

Я посмотрел на пламя в окнах четвёртого этажа и в очередной раз вспомнил о том, как оттуда, в июле девяносто четвёртого года, выпал мой отец. Он бы наверняка разбился насмерть, если бы к моменту приземления уже не был мёртв. Подойдя к окну спиной, глядя в лицо двум пистолетам, уже имея в теле три пули, он заполучил четвёртую в голову и выпал в незастеклённый оконный проём. «Афтошка! Афтошка!!!» – иступлёно закричала мать из гаража. На её крики прибежал третий мокродел и сделал меня круглым сиротой. Сразу хочу сказать, что эта история не про месть. Я вполне осознаю, что моих родителей убил плохой бизнес-климат.

Кстати, я только что разговаривал с родной сестрой Стальского – со Стальской. Это она звонила. Она и есть тот самый третий член, замешанный в нашем ошеломительном успехе. Я бы охарактеризовал её как человека с равным количеством правых и левых рёбер. Тьфу! Надоел этот дешёвый жёлтогазетный стёб! Я уже думать начал подзаголовками нашей поганой газетёнки! Нашей обожаемой газеты. Марта Стальская, – родная сестра Глеба, к счастью совершенно ничем не похожая на Стальского, кроме баскетбольного роста. Марта – восходящая, но не взошедшая звезда женской волейбольной сборной Университета, красавица-блондинка, в равной степени умная и злая, как будто наивная, но на самом деле коварная. Марта – работник и кулис и витрины нашей газеты. Технический специалист и автор нетривиальных концепций, адепт идеи заработка, а не игр. Марта – адаптивный свет очей моих. Девушка – мечта монтажника высотника. Страсть и любовь моей жизни. Единственный разумный человек из нас троих; не употребляет, не привлекалась, не замечена. Она всегда-всегда потешалась над нашими с Глебом утопическими идеями, а потом вдруг влилась в нашу команду. «Потому что без меня, вам не...» – пространно объяснила она, а может она так не говорила, и я сам придумал эти слова. А может это я сказал полтора года назад что-то вроде: «Марта, Крошка, без тебя нам не...» Столько всего произошло с тех пор. Всегда, когда в наших со Стальским руках оказывался козырь, – это Марта вкладывала его туда. И да, Марта очень похожа лицом на Гвинет Пэлтроу.

– У вас энто... – из темноты снова появился наш сосед.

– Что «энто», дядя Валера? Дом горит? – я приготовился ругаться.

– Неа, машина... – Валерьянович показал куда-то в сторону аллеи напротив его ворот.

– Твою-то мать! – прошептал я и рванул в сторону припаркованной на безопасном (как мне казалось) расстоянии от пожарища BMW единички; Стальский побежал за мной.

Одна из головешек при взрыве упала на тканевый верх кабриолета, и брезент начал тлеть. Через минуту мы остановили тление, набросав снега. Я был готов расцеловать старого алкаша, который спас от гибели мою машину.

– Даже не насквозь... Дай ему что-нибудь, – сказал я Стальскому, когда не обнаружил в своих карманах ничего, что могло бы понравиться деревенскому пьянице.

Стальский сосредоточенно начал рыться у себя в карманах, потом достал свой телефон, по которому я только что разговаривал с его сестрой, и прощальный взглядом посмотрел на его стекляннo-аллюминиевую поверхность.

– Нет! – остановил я этот бессмысленный акт жертвенности. – Телефон нам ещё понадобится, может, придётся сдать в ломбард или позвонить. Отдай бутылку, в багажнике ещё найдётся.

Уважаю Стальского за то, что он наплевательски относится к вещам, однако... Дядя Валера, следивший за перипетиями нашего диалога, явно одобрил моё последнее предложение и его глаза заранее наполнились слезами благодарности.

Да, пора бы уже раствориться в ночи, как бордовый Volvo в романах Уилки Коллинз. Я, оставив дарителя и одариваемого наедине, снова вернулся на смотровую площадку перед коттеджем, который давал нам крышу над головой и чувство защищённости, а по бумагам являлся редакцией нашей газеты. Редакция. Место, из которого мы отправлялись на нашу, как посчитают многие, сомнительную (а для нас несомненную) работу. Чем занималась наша газета не рассказать в двух словах. Начав с ежемесячного обзора заведений общепита, довольно скоро мы начали писать обо всём подряд. «Не что писать, а кто пишет...» Потом поймёте. Писали обо всём, о чём хотели, а потом, как-то неожиданно, поймали себя на том, что пишем обо всём, за что нам заплатили, а ещё немного позже, нам начали платить за то, что мы хотели продать. Мы дерзнули заломить высокую цену за воздух, сотрясённый нашими бредовыми идеями, а люди, имеющие свободные средства, посчитали особым форсом платить за это. Мы стали тем «необязательным», без которого «не круто», и вполне удовлетвоились данным качеством, усугубляя накал и расширяя сферу приложения усилий. Но это не сразу. Одним из направлений нашей деятельности была продажа людям ощущения движения времени. Точнее не скажешь. Самый лёгкий способ почувствовать себя счастливым – быть (или казаться) лучше других. Лучше – это богаче, сильнее, красивее, удачливее. Счастье довольно сомнительного качества? Но, вы же иногда пьёте растворимый кофе? Может и так. Удачливее. Касательно последнего – удачливости – нужно сделать некую оговорку. «Удачу» – как товар во все времена дефицитный – мы придерживали для себя. Кто-то считал нас своим личным «ручным крокодилчиком», а мы кого-то читали отчаянным идиотом, и никто не остался внакладе. События последних двух лет, события как нашей (Стальские и я) жизни, так и жизни нашего города, так или иначе, прошли под всё возрастающим сиянием звезды «La Critica». Если в городе и был человек, который не читал «La Critic»у, то уж точно слышал это слово, а чего ещё желать двум недоучившимся журналистам с маниями величия?!

Книга с названием «Этический кодекс журналиста» с первого дня существования La Critic'и не позволял нашему рабочему столу раскачиваться, подпирая одну из его ножек. Наш приятель Шуба, Марсельчик и Яков Семёнович (оба ныне покойные), Всадница Красного Ягуара, Сицилия Владимировна, Ксю, Бедвезагёрл и даже Мастер, а также клубная шушара, секс-маньяки всех сортов и расцветок, молодые богатенькие буратинки, состоятельные домохозяйки с княжескими амбициями и интеллектом гипсокартона, все были составными частями La Critic'и, все-все-все стали героями La Critic'и, превратившейся из брошюры (за двенадцать тысяч рублей – тираж) в Сверхидею. Идею выбирает каждый сам; в меру своего кругозора. Герои комикса, но всё же герои. Плати за свои Пятнадцать Строчек Славы! Желаете причаститься La Critic'ой? Какой разговор! Плати, уважаемый (...ая)! Слава – это наркотик. Единственный наркотик, к которому привыкаешь, даже не попробовав. И уж конечно, мы не давали первую дозу бесплатно, как и не делали скидок постоянным клиентам. Снизу или сверху, справа или слева, как канцелярские кнопки и скрепки, по своей воле или выполняя служебный долг, люди тянулись к магниту по имени La Critica.

Стали ли мы состоятельными людьми? С оговорками. Были ли мы парнями (девушками) при деньгах? Пожалуй. Спросите в нашем городе у любого: кем был до революции Паников-

ский? – Вам не ответят. Спросите: «Знаешь La Critica?» – Да! La Critic’у в нашем городе знает каждый. Представляем вашему вниманию авантюрно-познавательную рекламную брошюру «La Critica», в которой не будет пощады никому.

– Всё, уезжаем, – на Стальском теперь были брюки, а под пальто поддет джемпер; не иначе наведалься в багажник «единички».

Мы погрузились в машину и, не включая фар (хоть это было и не обязательно), начали движение прочь из посёлка. Стальский надел очки и приспустил спинку кресла, – приготовился ко сну. На холме перед выездом на трассу я остановил машину, чтобы последний раз взглянуть на наш дом, на наш милый Аламо. Я повернулся к Стальскому, чтобы перекинуться парой эпических фраз «за жизнь», но он уже спал. В стёклах очков Стальского отблесками потухающего пожара промелькнуло наше прошлое. Будущего, как известно любому практикующему алхимику, не существует. Итак.

*...They say a city in the desert lies
The vanity of an ancient king
But the city lies in broken pieces
Where the wind howls and the vultures sing
These are the works of man
This is the sum of our ambition
It would make a prison of my life
If you became another's wife
With every prison blown to dust
My enemies walk free
I'm mad about you
I'm mad about you*

Нулевая зима

Каждая смерть упрощает нашу жизнь

М. Пруст

Глава о Ладе модели «шестьдесят девять», игривом чиновнике, круге, становящемся круглее и эффекте Даннинга – Крюгера в контексте уловки двадцать два

– На газете труднее всего заработать деньги. Да и что такое «газета» в эпоху электронных средств массовой информации?!.. Да, конечно, главное не на чём написано, а что... – я не смог подобрать слова и замахал руками в пространстве.

– Кто.

– Что? Что «кто»?

– Не что написано, а кто написал, – сказал Стальский.

– Ну, это уже следующий этап... – я понимал, к чему ведёт Стальский. – И вообще, газета – это только одно название. Можно выпускать что угодно и называть это газетой. Чёрт с ней, пусть она будет и в бумажном виде и в электронном. Но, как культурный объект, лучше, чтобы она была в бумажном виде.

Мы ещё немного посидели молча. Стёкла у машины запотели, наверное, антифриз снова утёк.

– Смотри-смотри, еле идёт. Уработался, бедный. Ха! Сколько сейчас? Половина двенадцатого. Тяжёлые рабочие будни. Конечно, подаренный алкоголь надо вовремя выпивать, – он же портится.

Стальский открыл новую упаковку табака и машинальным жестом попросил разрешения закурить.

– Да-да, – ответил я и продолжил комментировать события, которые разворачивались за окном машины. – «Трам-тарам-там-там, сейчас я поеду в сауну к проституткам, там будут двойняшки, тройняшки и сиамские близняшки, а также мулатки-с коньяком шоколадки».

– У тебя осталось что-нибудь во фляжке?

– День, когда я не смогу скроить хоть пятьдесят грамм виски к концу рабочего дня, станет моим последним днём на посту целовальника, – я протянул Стальскому фляжку.

Стальский отхлебнул и задумался. Затем отхлебнул ещё и понюхал. Ещё раз понюхал и сказал:

– Jameson?

– И...

– Что ещё за «и»!

– Джеймсон и...

– Ты что смешал два сорта?! Ты что, дурак?! – Стальский изобразил крайнее разочарование, однако отхлебнул ещё.

– Однохренственно, одногодственно. Они ровесники. Выдержка почти одинаковая, давай обратно, эстет чёртов. Ты уже отхлебнул четверть стоимости машины, в которой мы сидим.

– Ладно-ладно, не так уж плохо, если начать с портвейна. Смотри, – уезжает, – Стальский проводил взглядом служебный автомобиль чиновника министерства культуры нашего субъекта.

– Вот вроде «Российская Федерация», да? А как будто «Российская Конфедерация», да? – изрёк я не до конца оформившуюся мысль.

– Что?

– Ничего. Хорошая, кстати, погода. Люблю такое сочетание: ночь, зима, чуть ниже ноля, снег, центр города, министерство культуры, Кремль в конце улицы виднеется, – я отвинтил окно и вдохнул полной грудью.

– Ладно, тебя домой, потом себя домой. Главное: ничего не перепутать, – Стальский запульнул окурки в сторону консерватории и завёл «шесть девять».

– Она потеряла память во время аварии, ещё у неё случился выкидыш. Это она так думает! На самом деле ей сделали «кесарево». А тот её бывший парень абсолютно случайно познакомился с её мужем, и... Кстати, забыла сказать, что она не была уверена в том, кто на самом деле является отцом её выкидыша! Прошло двенадцать лет, ребёнок вырос и устроился на работу в российскую армию. Ой, что-то мне дышать тяжело... Ты ведь знаешь, что вот этот сервант и буфет на кухне – антиквариат.

– Ты мне об этом через день говоришь.

– Что-то трудно дышать...

– Главное: не забывай дышать. Вот у нас на работе один мужик прямо около стойки рухнул и лежал не шевелился. Оказалось – забыл дышать.

– Ой, ну ты скажешь! И что ты думаешь?! Эта мерзавка сказала ребёнку, что его мать умерла, а отец...

– Ты же знаешь, что мне это неинтересно, – как можно мягче сказал я.

Бабуля замолчала, но почти сразу переключилась на пересказ другого сериала.

Из кухни раздался свист, и бабуля поднялась с дивана.

– Чайник вскипел, сейчас-сейчас...

Бабуля ушла на кухню, а я осушил остатки жидкости во фляжке.

– Тебя Глебушка встретил с работы? – прокричала бабуля с кухни.

– Ага, – крикнул я. – Он сегодня привозил кое-какой алкоголь в нашу рюмочную. По понедельникам всегда привозит.

В нашем доме такие толстые стены, что можно орать даже ночью, не опасаясь разбудить соседей. Кто знает, может соседи в данный момент тоже орут.

Мне нравилось приходить поздно вечером домой и слушать бабулю. Ещё мне нравилось, что бабуля меня сразу принималась кормить ужином: приносила всё на подносе, а хлеб с маслом разрезала на мелкие кусочки, чтобы их не жевать, а сразу глотать.

С кухни раздался звон упавшего металлического подноса и тарелок. Я не торопился вставать и помогать бабуле. Через несколько секунд раздался звук падающей бабули.

– Чтоб я ещё раз с тобой таскал гроб! Ты высокий, как детская смертность в Западной Африке! – едва дыша от усталости, сообщил я Стальскому, когда мы уже сидели в «шесть девять» около ворот кладбища. – Давай так: в этой истории больше никто не умрёт.

– Давай.

Я приготовил ужин на скорую руку, а Стальский раздобыл бутылку кальвадоса. Ещё, на всякий случай, у меня был полный холодильник пива.

К десяти часам вечера мы уже прикончили благородный напиток и нагужались пивом.

– Красивый вид из окна, – констатировал Стальский, отодвинув занавеску. – В нашем городе, наверное, единственный жилой дом, из окна которого не видно Кремль, потому что кремлёвская стена его закрывает. Хм... Кремль.

– Ага, – с набитым ртом пробормотал я. – Официально самый близкий объект жилой недвижимости к Кремлю. Улица Красного Октября, дом три. А дом «один» – это вот тот храм.

– Колокола бьют? Что-то я раньше не слышал, когда ночевал у тебя.

– Бьют. Ты не слышал, потому что всегда был в таком состоянии, что тебя не поднимет даже... даже...

– Трамвайный парк? – подсказал мне Стальский.

– Точно. Ещё точнее будет сказать, что ты напивался до положения риз.

Мы ненадолго примолкли. Стальский видя моё подавленное состояние, хотел что-то сказать, но я его опередил:

– Знаешь, что пела мне бабуля, вплоть до четырнадцати лет?

– Что?

– Песню «У фонтана, где растёт каштан». Там такие слова: «У фонтана, где растёт каштан, чернобровый мальчуган, рядом с девочкой стоит, тихо шепеляво говорит...»

– Ты сейчас начнёшь лить слёзы? – поинтересовался Стальский.

– Нет, но и на искромётный юмор с моей стороны можешь сегодня не рассчитывать.

– Договорились.

– А знаешь, что мне говорил отец, когда я спрашивал «Куда?»?

– Что «Куда»?

– Просто. Хоть что. Просто. Почти всегда, когда я задавал вопрос «Куда?»

– И что он тебе отвечал? – Стальский поёрзал в кресле.

– На мой детский вопрос «Куда?», отец отвечал: «Ебать верблюда».

– Смешно, – отреагировал Стальский.

– «Пока лежит, а то встанет – убежит».

– А! Там ещё продолжение.

Мы снова погрузились в молчание. Отпивали потихоньку пиво. Ели корейскую морковь пластмассовыми вилочками. Морковка упала мне на футболку.

– Ну, ладно, теперь о деле. У меня острое желание воспринимать кончину моего единственного оставшегося родственника, как веху в моей жизни. В связи с этим чувством, я бы хотел предпринять что-то из ряда вон выходящее. Давай снова вернёмся к обсуждению идеи открытия газеты. Я думал над её возможным содержанием, и то, чему мы хотели посвятить её всю, на самом деле уместится всего в один номер, а дальше мы должны выбирать другие темы.

– Давай продолжим обсуждение после того, как прогуляемся до магазина, – у меня кончилась папиросная бумага, – придётся купить вульгарных сигарет, – Стальский поднялся с кресла.

– Сиди, сейчас кое-что покажу, – я устремился в сторону «антикварного предмета мебели» и, спустя две минуты извлёк оттуда ящичек (как мне казалось) красного дерева. В таких коробочках в кино хранят огнестрельное оружие.

– Что это такое, – заинтересованно спросил Стальский, приподнимаясь на подлокотниках кресла, – бабушкин наградной пистолет, или трофейный.

– Нет, мон фрер, это... – я открыл коробочку.

– Ого! – Стальский смотрел на содержимое, не решаясь дотронуться.

– Эту курительную трубку я нашёл ещё в детстве. Знаю, ты любишь подобные штуки. Я, признаться, про неё забыл. Бабуля никогда толком не могла объяснить откуда она у неё. Но я уверен, что она принадлежала какому-нибудь археологу или профессору, который увивался за моей бабулей. Дедушка-то умер рано. Знаю наверняка, что она...

– Форма называется «bent», что переводится как «изгиб», – Стальский наконец вынул трубку из шкатулки и крутил в руках.

– А-а! Как Бендер – робот из мультфильма, что значит «сгибатель».

– Тут какая-то гравировка. Очень тонкая работа, – ничего не разглядеть. Есть увеличительное стекло? – Стальский понюхал трубку.

– Её никогда не курили, насколько мне известно. Лупа нужна, да? Сейчас принесу.

Пока я ходил в бабушкину комнату за увеличительным стеклом, Стальский передвинул своё кресло поближе к бра и продолжал рассматривать трубку. Аксессуары для чистки трубки были выложены из коробочки на стеклянный столик.

– На, держи, – протянул я Стальскому увеличительное стекло.

Стальский углубился в изучение гравировки. Через какое-то время я попробовал возобновить разговор:

– За сигаретами пойдём, табака для трубки всё равно нет.

– Тихо, – прервал мои рассуждения Стальский.

– Ладно.

Через минуту напряжённого молчания, Стальский, наконец, оторвался от изучения гравировки, аккуратно положил трубку в нишу шкатулки, взял новое пиво, осушил его до половины одним залпом и заговорил:

– А где ты планируешь взять деньги на газету, она ведь даже в лучшем случае не станет приносить доход сразу?

– Бабуля оставила мне кое-что, но я не планирую влезать в эти деньги. Видишь вон этот сервант? Он антикварный. Ещё на кухне стоит буфет, – из той же серии.

– А как насчёт вступления в наследство этой квартирой? – Стальский выглядел каким-то отвлечённым, и я не воспринял его вопрос.

– Что?

– Что? – повторил Стальский.

– А? Квартира. Она уже полгода как моя, бабуля мне её продала, как бы. По символической цене. Ну, знаешь, чтобы не морочить голову с процедурой наследства.

– Ага-ага, – мысли Стальского витали где-то далеко. – Дом?

– Дом? Дом пока в процессе. Владеть домом слишком дорого, поэтому дом был оформлен на бабушку-пенсионерку ветерана труда. Дом пока в процессе.

Глеб по-прежнему был как бы не здесь.

– В чём дело-то?! – я заволновался.

– Где вы взяли эту трубку? – Стальский явно был отрешён, но и сосредоточен тоже.

Я хотел было повторить сказанное ранее, но вместо этого взял со стола лупу и трубку из коробки. Надел очки. Стальский освободил мне кресло под лампой. Надпись была чёткая, но мелкая. Я прочитал вслух:

– «И. В. Сталину от трудового коллектива завода «Серп и Молот» г. ...»

– Интересно, почему вождю не успели подарить эту трубку? – спросил Стальский, хотя у него, кажется, имелось предположение.

– Я знаю, где находился этот завод. Остановка общественного транспорта так и называется: «Завод «Серп и Молот».

– Наверное, потому что Сталин умер, – ответил сам на свой вопрос Стальский.

– Чёрт возьми, сколько же стоит такая штукавина сейчас?! – я почувствовал озноб.

– Не знаю. Я только сразу вспомнил одного московского адвоката, который коллекционирует советское искусство. А если поискать по сервантам твоей бабушки, не найдётся чёлка Гитлера или нос Черчилля? А?

– А-ха-ха-ха! Что-то я резко протрезвел. Мы идём за сигаретами или ты бросил курить?

– Или сифилис Аль Капоне?..

Через неделю обязан был наступить Новый Год.

Следующие два дня я продавал сервант и буфет. Антикварщик – хитромордый мужчина лет семидесяти; конечно, с шейным платком и очками в золотой оправе. Он долго рассматривал фотографии моих предметов мебели, затем пожелал увидеть их воочию.

– Вы на машине, молодой человек? – спросил он меня, когда мы вышли из его магазина-офиса на улицу.

– Нет. Тут недалеко. В гору только подняться, а потом налево ещё немного.

– Я не осилю, – сказал он и свернул во двор дома.

Его Мерседес пискнул, когда мы к нему приблизились.

– Мой водитель приходит только к семи вечера, – пояснил старик, когда уселся на пассажирское сиденье. – Вы умеете управлять автомобилем, молодой человек?

– Умею, давайте ключ, – сказал я, садясь на водительское сиденье.

– Просто нажмите кнопку «Пуск», – ответил благородный старец.

– Сто пятьдесят тысяч за каждый, – безапелляционно заявил старец, после внимательного осмотра буфета на кухне и серванта в зале, и, предвидя возражения, пояснил, – Мебель в плачевном состоянии. Цена, которую вы просите, молодой человек, – вы, верно, осведомились у Всемирной Сети Интернет, – справедлива для подобного комплекта в идеальном состоянии, в котором данный комплект будет только после дорогостоящей реставрации.

– Триста пятьдесят за два и по рукам, – я протянул руку благородному старцу.

Старец медлил с ответом и смотрел на меня поверх очков. Наконец произнёс:

– По рукам. Вы же отвезёте меня обратно? Нам нужно подписать бумаги.

– Непременно. Когда вы пришлёте грузчиков за комплектом?

– Завтра утром.

Утром меня разбудил звонок в дверь. Я спросил: «Кто?» С другой стороны двери грянуло: «Аронов?» «Да», – ответил я. «Мы из антикварного».

Задачей этих троих молодцов была упаковка, заблаговременно мной освобождённых от вещей, буфета и серванта. Как раз к тому времени, когда они закончили, подъехал благородный старец и, в режиме реального времени, перевёл мне на счёт триста пятьдесят тысяч российских рублей.

– Пришло подтверждение? – вежливо поинтересовался старец.

– Да, спасибо, – я убрал смартфон в карман.

– Выносите, – скомандовал старец молодчикам. – А апартаменты, позвольте полюбопытствовать, вы намерены сдать в аренду?

– Всенепременно, – без всякой иронии подхватил я стиль общения антикварщика. – Как только найду арендатора для столь специфичного объекта недвижимости.

– Понимаю-понимаю, – понимающе закивал старец, подняв взгляд на потолок. – У меня имеется ваш прямой телефон, я позвоню, если в моём окружении сыщется потенциальный арендатор.

– Буду безмерно признательным, – с полупоклоном ответил я.

«Прямым телефоном» благородный антикварщик видимо именовал сотовую трубу, или мобилу.

Когда я провожал антикварщика до машины, решил задать ему вопрос:

– Чисто гипотетически, сколько бы сейчас стоила трубка Сталина? А то мы с другом на днях в качестве шутки обсуждали... Ха!.. А я ему говорю (другу), что спрошу у компетентного человека, когда буду продавать буфет и сервант. Ха!.. – я попытался выдать всё за глупую шутку.

Антикварщик пронзительно на меня уставился, и мне показалось, что он точно знает, что у меня есть трубка Сталина, и даже где она спрятана.

– Если эта трубка действительно принадлежала Сталину, – то стоит она весьма дорого, если Сталин курил эту трубку, то стоит она в десять раз дороже. А если Вождь засовывал эту трубку в ж..., – то она бесценна.

Я смутился.

– Простите молодой человек, мне пора, – старец сел на переднее пассажирское сиденье, и машина тронулась с места.

Вечером пришёл Стальский, и мы подводили итоги двух минувших дней.

– Не жалко тебе бабушкину мебель? Ты ведь, можно сказать, вырос в этом буфете. – Стальский расплылся в улыбке от своего удачного каламбура. – Ты ещё не стал наркоманом, а уже начинаешь распродавать обстановку.

– Нахрен мне антиквариат, – я граблю заправочные станции! – тоном деревенского бандита просипел я.

– Ты спросил у антиквара... антикварщица... у того, кто купил мебель, сколько может стоить трубка, предназначенная в подарок самому вождю племён? Самому, чьё имя мы не называем.

Я задумался, анализируя ответ благородного старца.

– Он затруднился ответить. Не его профиль. Что ты будешь делать на Новый Год? С сестрой будете встречать или как?

– Марта едет со своим адвокатом в Таиланд, – Стальский показал куда-то пальцем в сторону реки, – по его мнению, видимо Таиланд был где-то там.

– Ладно, я к тебе тогда приду. А? Приду?

– Приходи, только позвони сначала, – Стальский хрустнул пальцами.

– Эй! – крикнул я, стоя в опустевшей квартире.

«Эй... Эй... Эй...», – ответило мне эхо.

– Маза фака! – крикнул я, перейдя из прихожей в гостиную.

«Фака... Ака... Маза...», – пронеслось по восьмидесяти метрам помещения. Мурашки пробежали у меня по всему телу. Меня обуял смертный страх. Если сейчас что-то скрипнет или щёлкнет, я умру от разрыва сердца. Иногда накатывают минуты, когда мне трудно воспринимать себя как всего лишь одного из человечков. Индивидуальность моего существования лезет холодной рукой под одежду. Мне везло и не везло приблизительно в равных пропорциях. Моих родителей убили, а меня не тронули. Меня исключили из института, но и не взяли в

армию. Я близорукий интеллигент, но не еврей. Я посмеялся своей последней мысли. Меня немного отпустило. Я обрёл способность двигаться и подвигал в свою комнату. Проходя мимо бывшей бабушкиной комнаты, я на секунду замер и прислушался, – если там и обитал дух бабули, то он вёл себя спокойно. Я уже собирался зайти в свою комнату, но резко развернулся и вбежал в комнату бабули.

– Выходи! Ты не могла меня оставить! Ты ведь знала, что у меня больше никого нет! Чёрт!! Чёрт!!!

С книжных полок на меня смотрели многочисленные книги по психиатрии и ни одной по психологии. Моя бабуля была заведующей отделением в психиатрической больнице. Стены были обклеены постерами христианских святых; это были календари, начиная с девяносто четвёртого года и по этот. До девяносто четвёртого бабуля в Бога не верила. Бабуля имела циничность врача-психиатра, но потом циничность её оставила.

– Поэтому ты стала такой шизанутой?! – прокричал. – А?!

Я снова перепугался. Может мне пойти в кабак. Но моё правило гласит: «Пить только тогда, когда хорошо».

– «Исчезла, ушла во мрак...» – проорал я. – Я – номер один!!!

«Один... Один...»

– Я номер один! – не сдавался я.

– Ты – не номер один, ты пгосто один, – безапелляционно заявил мне в самое ухо картавый голос моего двойника.

Я, как всегда в таких случаях, коснулся ухом плеча. Но в этот раз голос не собирался так просто отставать, и в следующее мгновение он материализовался в копию меня масштаба две третьих от оригинала только без ног, но зато с чёрными, коптящими как горящие автомобильные покрышки, крыльями и, схватив меня за шею и горло, заорал в самое ухо:

– «У мёгтвых кгатов сгок:

Они у нас в сегдцах скогее истлевают,

Чем в глубине могил».

«Могил... Могил...» – раскатилось по квартире. Когда эхо стихло, джин со злостью толкнул меня так, что я упал.

Шампанское и мандарины текли рекой. Потом мы поплелись на Центральную Ёлку. Через полчаса созерцания пьяных рож, мы переглянулись и вернулись домой.

Квартира Стальского и его сестры всегда вселяла в меня оптимистический настрой. Здесь было множество точечных светильников, встроенной техники, натурального дерева, а также тёплые полы и два санузла. Это был один из первых элитных домов в историческом центре. Мансарда. Парковочное место в подземном гараже. В полукилометрах в сторону Кремля вниз по улице жил я. Родители оставили Стальскому и его сестре всё это великолепие и уехали куда-то за границу. На мой давнишний вопрос о том, когда они планируют вернуться, Стальский отвечал: «Никогда». «Круто!» – помнится, ответил я. «Кажется, они живут в Прибалтике?» – припоминаю, что спрашивал я. «Кажется, да. Там, где много коттеджей с синими крышами», – неуверенно отвечал Стальский.

– Ты тоже мог бы сдать квартиру, а на сэкономленные деньги, мы бы делали газету, – завёл я старую пластинку.

– Это дохлый номер, – нехотя парировал Стальский.

– Ну, какие у тебя идеи?! – меня раздражало упрямство Стальского, хотя, конечно, это было никакое не упрямство, а здравый смысл. – Тебе не кажется, что нашему городу не хватает независимой, циничной, диссидентской, немного гламурной, анти-псевдо-супер-пафосной газеты?

– Нашему городу хороших дорог не хватает, – упражнялся в остроумии Стальский.

- Послушай, мужчина...
- Ладно, давай, – неожиданно сказал Глеб.
- Ведь мы могли бы войти в историю...
- Сказал же, давай, – повторил Стальский.
- Что «давай»? Газету делать?
- Да! Газету делать! На сколько тебя самого хватит?!
- И ты сдашь свои хоромы?! Мы переедем на рабочую окраину и будем делать газету?!

А твоя сестра? Она согласится сдать квартиру? – я не верил в то, что Стальский не шутит.

– Ей всё равно. Она уже полгода здесь не появлялась. Если ещё полгода не появится, то хорошо.

- Вот и славно, – я потянулся к шампанскому и мандаринам. – Вот и славно.

Пятого января я показывал четырём иногородним студентам Авиационного Университета свою квартиру. Вопрос одного из них о том, можно ли жить вшестером, остался без ответа, поскольку в этот самый момент мой «прямой телефон» зазвонил, а на том конце провода был антикварщик Яков Семёнович, который сказал: «Господин Аронов, я нашёл вам квартиросъёмщика. Вы ещё не сдали апартаменты?»

Квартиросъёмщиком оказался молодой военный прокурор, который искал квартиру в непосредственной близи от, как ни странно, военной прокуратуры. Так как все правительственные конторы находятся в непосредственной близости от Кремля, и моя квартира тоже обладала этим свойством, то молодому военному прокурору подошло моё жилище. Жить он собирался с женой и её родителями, – странное сочетание, но дело не моё. Но без сучка не обошлось. Пообщавшись две минуты с господином военным прокурором на отвлечённые темы пока мы поднимались на мой пятый этаж без лифта, я решил во что бы то ни стало с ним распрощаться, и впредь с ним дел не иметь. Я бы охарактеризовал его одним ёмким, многозначным и многозначительным словом – говно. Я даже сейчас, когда всё уже давно позади, не хочу вспоминать этого человека; не хочу раскрывать граней его характера и выписывать его образ на страницах этого повествования; просто прочитайте последнее слово предыдущего предложения и поверьте на слово. В тот момент я не смог сказать ему, что не заинтересован в деловых отношениях, поэтому решил просто изменить условия сделки в одностороннем порядке, чтобы господин прокурор сам отказался от аренды.

Провырнувшись с видом завоевателя по моей недвижимости, господин военный прокурор изрёк:

– Сколько говоришь? Тридцать? Мне сказали, что тридцатка, – голос этого человека заблокировал работу моего желудка.

- Яков Семёнович располагал устаревшей информацией. Цена – тридцать пять.

- Сколько?! Ты что, совсем что-ли?!

– В каком смысле, уважаемый? Не подходит цена? Это не единственная свободная квартира в центре города. Наверняка, ближе к реке вы найдёте прекрасные варианты по... по... – я начал заикаться от отвращения; в мыслях я уже разрывал его плоть голыми руками. – Плюс за месяц вперёд, плюс залог – сто процентов квартплаты. Итого: тридцать пять плюс тридцать пять... Итого: сто пять тысяч. Бланк договора у меня с собой. Можно банковским переводом, можно наличными.

– Тут в соседних домах «двушки» по семьдесят штук сдаются. Сплошь элитное жильё понатыкали, – как бы мыслил вслух военный прокурор. – У меня максимум через год новая квартира достроится на улице Поперечно-Ленской. Знаешь такую?

– Знаю. А до туда аромат водоочистных станций с водохранилища не долетает? – мне хотелось унижить этого ублюдка, как он унижал своим присутствием на Земле всё человечество.

Этот червь скорчил капризный еблитушник и отмолчался. Прошёлся ещё по прихожей. Опасайтесь взрослых людей, которые ведут себя как дети, ибо они неадекватны.

– Тридцать пять, говоришь? – прогнусавил военный прокурор.

«Чёрт! – подумал я, – надо было ломить сорок, пятьдесят, миллион!»

– Ладно, хрен с тобой. Контора платит... Половину.

– И коммунальные платежи, – поникшим голосом добавил я.

– Представляешь, Стальский: чтобы стать так называемым «военным прокурором» не надо быть ни сука-военным, ни сука-прокурором!.. – задыхаясь от гнева и бессилия, жаловался я партнёру, сидя на его кухне.

– Как морская свинка, – прокомментировал Глеб.

– Вот именно.

– А что ты не выставил его за дверь? – спросил Стальский, глядя на меня через плечо, помешивая овощное рагу.

– Не знаю! Я слаб! Слаб! Теперь он осквернит своим присутствием моё убежище. Я там потом не смогу ни спать, ни играть на пианино, ни на скрипке...

– Но, ты же не играешь ни на чём, – Стальский заулыбался и стал доставать тарелки.

– Спать не смогу, не смогу думать, сосредотачиваться.

– Откажи ему, – сказал Стальский.

– Я уже деньги взял. Сто пять, наличные. С понедельника он заезжает, с послезавтра. Так что пока не найдём квартиру под редакцию, и пока не сдашь свою, я у тебя. Ладно?

– Ладно.

– «Шесть девять» на ходу?

– Триста метров до тебя доедет. Что не ешь? – сочувственным тоном спросил Стальский.

– Не лезет ничего. Я бы выпил сначала.

Первая весна

**Главное, чтобы о La Critic'e непрестанно говорили,
пусть даже и хорошо**

Г. С.

Глава, события которой начинаются с пятнадцатого ноль третьего

Один из февральских снегопадов припозднился и начался в марте. Как раз в этот вечер Стальский и я запланировали автомобильную прогулку в северо-западный город-спутник нашего мегаполиса, чтобы в журналистских целях посетить одно крупное развлекательное заведение. Стальский несколько раз созванивался с арт-директором этого заведения, чтобы оговорить все нюансы нашего предстоящего визита. Было около девяти вечера, когда мы погрузились в «шесть-девять» и с третьего раза завели мотор. Вдруг Глеб вышел из машины и подошёл к капоту.

– Что там? – спросил я, отвинтив окошко водительской двери.

– Одна фара не горит, – ответил Глеб.

«Чёрт!» – мысленно произнёс я.

– Вот ты не оптимист вообще, – заметил я. – Будь ты оптимистом, ты бы сказал, что одна фара горит. Для таких, как ты, стакан всегда наполовину... не горит!

– Хватит гнать пургу, – устало проговорил Стальский, снова усаживаясь на пассажирское сиденье. – Давай заедем в автомагазин, купим лампочку.

– «Sterva»? Нет. «Kurva»! Нет, не то... «L'arva»! Опять не то!..

– Может «Narva», молодой человек? – флегматично поинтересовался консультант.

Стальский прищёлкнул пальцами.

Изрядно перепачкавшись при установке лампочки, мы, наконец, тронулись в путь. Время поджимало.

– Клуб-то ночной, – в него никогда не поздно приехать, – сказал Стальский, догадавшись о моей тревоге по поводу времени.

– В твоей мысли определённо есть какая-то философская глубина, – отреагировал я.

Мы двинулись в путь сквозь пургу и ночь.

С середины пути меня начало овеять вдохновение, выразившееся в пересказе текущих событий в виде поэмы; рифмы так и ложились на язык (под язык). К тому времени как мы в условиях снежного бурана с трудом отыскивали клуб, сочинилось стихотворное нечто, что в последствие стало статьёй-поэмой в первом выпуске La Critic'и (названия у нашего СМИ тогда ещё не существовало). Что характерно: о самом клубе там было всего несколько слов. Слова эти коротко и хлёстко описывали убожество данного заведения досуга (внутри которого мы даже не попали), а причиной стал факт того, что Глеб по телефону договорился о нашем визите в одноимённое заведение в другом городе-спутнике, – получается восточном. Короче, Стальский-Стальский... Когда охранник-фейсконтролист увидел в наших руках видео и звукозаписывающее оборудование, он отказал нам во входе и вызвал по рации администратора и двух коллег-вышибал. Мы конечно не собирались так легко сдаваться, но когда перед нашим взором предстали электрошокеры размером с палку для лапты, наши журналистские амбиции поубавились. Не сказав боле ни слова (только продемонстрировав средние пальцы), мы сели в шесть-девять и, заведя мотор с первого раза, поехали домой. «Коне фильмац».

**«Жизнь – двойственность таких соединений,
как вещь и тень, материя и свет...»**

Э. По

Глава о марте, апреле, Марте

Середина апреля застала меня лежащим на диване. Диван этот располагался в трёхкомнатной квартире кирпичного дома на верхнем – третьем – этаже в Вертолётостроительном районе. Когда я узнал цену за эту квартиру, то подумал, что нам повезло, а когда увидел квартиру, то подумал, что повезло хозяевам, что они нашли нас. Как бы то ни было, основными достоинствами эти апартаменты обладали: были трёхкомнатными, дешёвыми, с газовой колонкой и газовой же плитой. Гостиная, которая именовалась в данном случае залом, служила нам со Стальским конференц-залом, а две оставшиеся комнаты были отдельными каютами экипажа новой газеты, названия которой мы долго не могли придумать, а потом – как-то вечером – под водку и скользкие луговые опята, Стальский и я подняли мозговой вихрь, целью которого было (ни много ни мало) дать имя, а с ним и судьбу, нашему делу, нашей газеточке, дитю нашей любви к словотворчеству. Имя, которое бы отразило все переливы наших явных и невыраженных чувств к мирозданию. Ну, и чтоб звучало. И вот, когда мы уже прошли стадию горячего обсуждения и, прикрыв глаза, отпустили фантазию в свободный алкополёт, в наши мозги (ударение на «о») одновременно пришло слово! Слово, которого нет ни в одном языке мира (кроме, как позже выяснилось, итальянского, испанского и немного португальского), но которое понятно любому цивилизованному человеку на Земле, слово, не обозначающее что-то конкретно, но охватывающее всё сущее!.. Вначале было Слово! И Слово это было: La Critica; ударение на второе «i». «Ла», а не «Ля». «Ла КритИка»! Вообще, «La Critica», граждане. Ощувив счастье, мы со Стальским допили ноль семь и доели маринованных опят.

В ближайший рабочий день мы устремились к нотариусу, который заверил копии наших паспортов, затем оплатили пошлину за регистрацию информационно-аналитического (а не рекламного или порнографического) средства массовой информации в виде газеты с территорией распространения «наш город и субъект федерации». Заполняя заявление-анкету, кото-

рую мы распечатали со специального сайта, мы затруднились с переводом на русский язык названия газеты; в буквальном переводе получалось «Критика», но мы не чувствовали себя учредителями «Критики», и, ещё немного поразмыслив перевели «La Critica» как «Критичность»; а что? Очень похоже на «Критику», однако слово «Критичность» имеет совершенно иное значение. Если честно, мы не слишком думали над этимологией, нам нравилось звучание.

«Мы вам хотели сначала отказать в регистрации, потому что название уж больно провокативное», – хитро подмигнув, сказала ответственная за эту работу чиновница Россвязькомнадзора. Полное наименование этой правительственной лавки звучало так: «Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций», ёпт. «А вы не будете критиковать действующую власть?» – как к маленьким детишкам, обратилась чиновница (Елена Дмитриевна) к нам. Мы отрицательно закрутили головами, а сами быстренько переглянулись, раз и навсегда для себя решив, что, во что бы то ни стало, будем ругать «орудующее в регионе и в федеральном центре» правительство! И как мы раньше об этом не догадались. «Вот и славненько!» – резюмировала Елена Дмитриевна, ставя свою подпись и печать. – «Поздравляю господ Аронов и Стальский – учредители информационно-аналитической ежемесячной газеты La Critica, можете поцеловать друг друга... Простите, я раньше работала в ЗАГСе. Вот вам памятка о правилах выпуска газеты; в ней вы найдёте всю информацию о том, какие выпускные данные должны содержаться в каждом номере; информация об обязательном экземпляре для библиотеки и прочее. Льготный налоговый период – два года. Вроде всё. А вот ещё: визитка типографии в соседней республике, на случай, если в нашем городе вы не найдёте нужной... нужной... да хоть бумаги».

Я, по велению подброшенной накануне монетки, стал главным редактором La Critic'и, в чём, по впечатлительности натуры, узрел провидение Божье, такое же провидение я узрел бы, если редактором стал Стальский. На скорую, но талантливую руку, было составлено коммерческое воззвание к потенциальным рекламодателям, которое мы распечатали на жёлтой бумаге, – именно этому цвету было суждено стать символом нашей газеты, поскольку в канцелярском магазине закончилась белая бумага.

Естественно рекламное предложение было отправлено и по электронной почте тоже, а жёлтые листки с тем же текстом расфасованы по почтовым ящикам трёх десятков организаций.

Первый удар (первый номер) решено было нанести по заведениям досуга нашего города: кафе, рестораны, клубы, массажные салоны, кинотеатры и всё в том же духе. Следовательно, рекламное предложение было направлено, прежде всего, на них.

Вертолётостроительный район. Наш автомобиль марки «шесть девять» резко контрастировал с окружающими объектами инфраструктуры центра города, но в местный пейзаж вливался, как недостающий мазок на картине сюрреалиста-шизофреника. Ванная комната отличалась недостатком уюта, возможно, в связи с обилием необязательных в данном месте вещей, таких как полки, антресоли, запасы порошка послевоенного времени, зубного порошка, жидкого хозяйственного мыла в полиэтиленовом пакете (уворованного с мыловаренного завода на промежуточной стадии производства), а также банок и склянок разных форм. Принимая душ, тапочки снимать не хотелось. Мы конечно же продезинфицировали (и не раз) все «рабочие» поверхности (мы же не дураки какие!), но ванна, раковина и унитаз не изменили цвета. Вода, после открытия крана, текла не сразу; текла откуда-то издалека, нехотя и раздражённо. Ещё в ванной водились какие-то насекомые похожие на мини-сколопендр; они мне напоминали ювелирные изделия; я их боялся и в то же время любовался их грацией. Все антресоли во всех комнатах были забиты театральным реквизитом; в основном хламом, за исключением одного чёрного цилиндра с павлиньим пером, который мне очень нравился; этот головной убор был настолько безвкусен и претенциозен, что живо напоминал мне автомобиль сестры Глеба, хотя на тот момент я ещё толком не знал ни сестры Стальского, ни её средства передвижения. Мы

оказались ближе к искусству, чём хотели. Хозяева, оставляя нам ключи, разрешили выкинуть всё что пожелаем, кроме стен.

Чуть больше месяца назад я, каким-то право чудом, устроился на работу в журнал, который писал о строительстве в нашем субъекте. Нет, я не мыл там полы, меня взяли журналистом. Естественно, я туда пошёл на работу, чтобы хоть что-то узнать о журналистской деятельности; и так, как в Rolling Stones меня бы всё равно не взяли, то я отправился на собеседование в это сомнительное издание. Уверен, что владельцы этого СМИ тоже считали это издание сомнительным. Так вот, на собеседовании, где помимо меня находилось ещё человек пятнадцать разных возрастов, пола, и психического состояния, работодателем в лице девушки-главного редактора было предложено написать пробную статью на широкую тему «Актуальные проблемы строительства в городе... и республике». Я сразу заметил, что на меня смотрит девушка, которая тоже желает устроиться в этот журнал журналистом, она отдалённо походила на актрису из сериала «Секретные материалы» Джилиан Андерсен. Помимо претендентов на должность журналистов, в помещении сидели претенденты на должность так называемых менеджеров, в обязанности которых входило вести переговоры с потенциальными заказчиками статей в этом журнале среди управляющих строительными фирмами. Журнальчик предполагался сугубо рекламный; фирмочка заказывает нам статью о том, какая она хорошая и передовая во всех планах. Так вот: эти менеджеры ищут заказчика, договариваются о статье, назначают время встречи с журналистом, – с кем-нибудь из нас. Все претенденты кроме меня или имели журналистское образование или учились на последних курсах. Сложность выполнения задания заключалась в том, что необходимо было проинтервьюировать несколько не последних людей в мире строительства нашего города, а добраться до них простому стажёру было так же невозможно, как искренне полюбить работу кондуктора. Я честно предпринял робкую попытку договориться насчёт интервью с секретарём какого-то строительного босса, даже приготовил список, как мне показалось неглупых, вопросов, но меня отшили. На всякий случай, я скинул на адрес электронной почты этой строительной фирмы список вопросов и заранее поблагодарил за внимание. Затем, не мешкая более ни секунды, я полностью придумал ответы на свои «неглупые» вопросы, а также предварил это «интервью» текстом околостроительного содержания. Спустя три дня мне на «прямой номер» (понравилось мне это словосочетание) позвонила главная редакторша – юная очкастая девушка – и попросила разрешения напечатать мою статью в первом номере журнала. Я великодушно разрешил. Признаться, я подумал, что меня будут уличать во лжи. Естественно, вопрос о моём трудоустройстве был решён. Помимо меня взяли ещё какого-то парня и «Джилиан Андерсен», имя которой по российскому паспорту звучало как «Ksiusha», Ксюша. Ещё они взяли троих менеджеров, – как раз всех, кто пришёл на должность менеджера. Ах, да!.. Главная редакторша просила соизволения немного изменить текст моей статьи, поскольку он был слишком «острый» что-ли... «Вадим, вы, наверное, раньше работали в каком-то модном издании, где был принят такой стиль написания?.. У нас, видите ли, задуман немного иной тон, как бы... Я, конечно, очень извиняюсь, что прошу вас о таком, но позвольте нашему выпускающему редактору сгладить некоторые острые места... Тысяча извинений!» Так как я был в тот день чрезмерно великодушным, то благословил их на эту «кастрацию моего творчества». Редакторша, не веря своему счастью, кинулась стоять над душой у верстальщика, а мой банковский счёт пополнился на три тысячи российских рублей, о чём и возвестил мне смартфон посредством смс-сообщения.

Я писал о строительстве! Более узко не скажешь. Казалось бы, где я и где строительство?! Но я писал о строительстве. Не менее одного раза в неделю мне звонил менеджер и сообщал место и время. На проходной я светил своим ламинированным «не пойми чем» с названием журнала, моей должности и фоткой три на четыре без уголка, и охранник меня ориентировал в пространстве. Кстати или нет, но, прежде чем написать первую строчку для второй статьи

(если считать пробную за первую), я вступил в интимную связь с Андерсен-Ксюшей на её территории.

Как я уже сказал в начале главы, была середина апреля, и я лежал на диване и думал о высоком... Точнее, о высокой. Здесь я желаю сделать небольшое отступление. Я всегда про себя думал следующее: я не могу не только что-то изменить в чьей-то жизни, но даже стать случайным свидетелем какого-либо более или менее значительного изменения. Считаю важным упомянуть об этом моём предрассудке в данный момент. Итак, была середина апреля, я лежал на диване и думал. Уже как три ночи в нашей штаб квартире ночевала сестра Стальского – Марта. Осторожно выпросив как такое могло случиться, и не получив сколько-нибудь вразумительных объяснений от Стальского, я пришёл к выводу, что у Марты с её женихом (парнем, бойфрендом, папиком, партнёром, второй половиной) случилась размолвка, и она вернулась туда, куда всегда возвращаются в таких случаях, а именно на свою жилплощадь. Если дальше тянуть за эту ниточку, то мы придём к выводу, что Марта явилась вполне по адресу, учитывая тот факт, что их совместная с братом квартира была успешно сдана внаём этим самым братом за солидную сумму в сорок пять тысяч рублей плюс коммунальные услуги. Интересно, Стальский поставил в известность Марту, когда сдавал их квартиру? Наверное, поставил, иначе риэлтор не смог бы оформить сделку. Я так думаю. Меня тревожила неопределённость: как поступит Марта? Захочет вернуть всё, как было, или вообще решит разменять их с Глебом квартиру. Ведь если продать их сверхкомфортабельную «трёшку» в центре, можно купить две «двушки» около конечной метро в новом скромном доме, да ещё и на парковочные места останется, и на хорошую сантехнику.

Смутно помню: нервный звонок в дверь; открываю в одних кальсонах, смотрю наверх; девушка некоторое время смотрит вниз, затем говорит: «Вадим, кажется?..» Я неуверенно пожимаю плечами, что означает: «Смотря, кто спрашивает». Я узнаю в девушке сестру своего компаньона и распахиваю перед ней дверь, приглашая зайти. Она одним шагом оказывается на середине прихожей; на её предплечье висит сумка. «А Глеб?..» – начинает она. «Его нет», – отвечаю. «А он?..» «Да-да, он здесь живёт, просто его пока нет дома». Звонок мобильного телефона:

*«Я выбираю лес, чем больше, тем веселей
Там будет жить медведь и куча всяких зверей.
Там летом будет снег, зимой придёт весна,
Весной сезон дождей, а осенью...»*

Она достала телефон и кармана жакета и скинула вызов. «Вот комната Глеба, – сказал я, указывая в конец коридора и налево. – Зал, кстати, свободен. В смысле, гостиная», – уточнил я и поспешил в свою комнату, чтобы скорее написать смс-ку Глебу

В следующие дни я не слишком много находился с сестрой Глеба в одном помещении, но успел для себя отметить, что жутко стесняюсь в её обществе, как, наверное, стесняется каждый слабохарактерный бездельник в присутствии сильного духом и телом увлечённого профи. Марта Стальская имела в моих глазах реноме профи; неприятности в личной жизни, казалось, только прибавили ей устойчивости. Опять же: такое у меня сложилось о ней мнение, или она так (не отдавая себе отчёт) вела себя в моём присутствии. Когда Марта – а это произошло в первый день её вселения – узнала, чем мы здесь занимаемся, она, довольно бестактно, спросила: «А на работу устроиться не хотите?» «Я работаю», – бесстрастно ответил Глеб и удалился в свою комнату. «А я... Я хотел бы хотеть работать, но в силу особенностей моего характера...» – лексический ступор, как часто бывает, когда я пытаюсь без подготовки вскарабкаться на сложную вербальную конструкцию, не позволил мне закончить моё витиеватое

объяснение. Я устыдился, уполз в свою комнату, и только там вспомнил, что формально-то я всё-таки работаю в журнале; ну, в журнале про строительство.

Да, Марта определённо была из того меньшинства, которое задумывается о смысле жизни, но, как большинство из этого меньшинства, откладывает разрешение этого вопроса на потом; а пока... пока просто по-максимуму осознанно существует.

Обдумывая всё это, я крутил пальцами в воздухе и беззвучно шевелил губами. Неопределённость меня выматывала. Мы ведь так мало сделали из того, что задумывали. Наша кооперация не принесла никаких видимых плодов. Пока, по крайней мере. Да, я набирался практического опыта, хотя и медленно. Это даже не опыт как таковой, а скорее уверенность в своих силах. Глеб Стальский работал там же, где и всегда: торговым представителем на алкоголе.

Пить стали реже, но сразу по многу, – это факт.

Может, всё утрясётся и Марта снова отбудет к своему сожителю, я слышал, что он человек при деньгах. Да уж... Марта имеет полное право поселиться на нашей территории; это был уникальный случай, когда моральное право совпало с юридическим.

Немного поворочавшись и найдя более удобную позу, я продолжил чтение с планшета о новых материалах отделки помещений. Шум за окном не давал сосредоточиться, мысли разбредлись, я впал в лёгкий послеобеденный ступор. К уличным шумам добавился внутриквартирный назойливый звук вперемешку с жужжанием. Закрыв глаза. Машинально запустил руку в штаны и стал перекачивать свои тестикулы, как будто это специальные тибетские шары для медитации; без всякой определённой цели, поверьте. Надо же было такому случиться, что в этот самый момент – момент задумчивости и тихой грусти – в мою келью зашла Марта, держа на вытянутой руке источник раздражавшего меня внутриквартирного звука. Этим источником оказался, предназначенный для нужд газеты, дешёвенький телефон, раньше принадлежавший моей бабуле, звонок которого не ассоциировался у меня ни с чем таким, на что я должен реагировать; признаться: я вообще не знал какой звонок у этого аппарата. Руку я вытащить не успел.

– Мастурбируешь? – бесстрастно спросила Марта своим сиплым голосом, пытаясь вложить трубку в мою свободную руку.

– Я?!.. Нееет! Я просто задумался. Я?! Нет!..

– Что трубку не берёшь, не слышишь что-ли?

– Я не мастурбировал. Я не занимаюсь подобными вещами, а если и да, то не признаюсь в этом.

Телефон меж тем заливался двухголосной полифонией. Марта нажала ответить, кинула телефон на диван и начала выходить.

– Я не занимаюсь мастурбацией оффлайн, это мой принцип! – крикнул я Марте вдогонку и, взяв телефон, произнёс: «Главный редактор слушает».

«Надеюсь, вы не заняты?» – спросил глубокий женский голос, тоном, который означал: «Я тут дело делаю, а вы там в игры играете».

– Извините, новая секретарша... Всё нужно объяснять по сто раз, – я повёл свою игру. – Вы насчёт размещения рекламы?

«И да, и нет...» – этот вопрос, казалось, смутил собеседницу.

– В смысле? – не понял я.

«Вы не могли бы подъехать ко мне в офис, если это вас не затруднит?» – казалось, эта тётенька наверняка знает, что меня это не затруднит.

Я решил не перегибать палку и ответил:

– Конечно, диктуйте адрес.

«Улица Потёмкина, дом шестнадцать. Ресторан «Фанерный “Пейзаж”».

– Да. Знаю такой. Когда к вам подъехать?

«Послезавтра. В пятницу. К восьми вечера».

– Так-так. Секунду... Нужно заглянуть в ежедневник, – я не собирался стелиться перед первым и пока единственным потенциальным рекламодателем. – Всё в порядке, или я сам подъеду или мой партнёр, или мы оба. Кого спросить?

«Сицилию Владимировну».

– Простите? Кого?

«Моё имя Сицилия... Владимировна».

Спустя два часа после звонка Сицилии Владимировны я направился на кухню в целях пропитания. Проходя мимо открытых дверей конференц-зала, который теперь превратился в комнату сестры Глеба, я скользнул взглядом по сидящей на диване и делающей педикюр Марте. Проследовал на кухню. Кинул на хлеб ветчину и включил под чайником огонь. Моё внимание привлекла лежащая на кухонном столе общая тетрадь. Я сполоснул руку от ветчины, вытер кухонным полотенцем пальцы, прислушался к тишине и открыл первую страницу. Не слишком разборчивым почерком, что косвенно указывало на неправильный выбор Мартой профессии (если это её рука), было написано: «В жизни имеет значение лишь одно – насколько хорошо ты делаешь своё дело. Больше ничего. Только это, а всё остальное приложится. Это единственное мерило ценности человека. Все те моральные кодексы, которые навязывают, подобны бумажным деньгам, которыми расплачиваются мошенники, скупая у людей нравственность. Кодекс компетентности – единственная мораль, отвечающая золотому стандарту. А. Р.» Это была эпиграмма. Дальше шла первая глава. Я наискосок скользнул взглядом по тексту, – вроде какой-то военный рассказ. Солдаты. Госпиталь. Медсестра... «И кто в наши времена использует бумагу для записок!» – подумал я. Лёгкий сквознячок заставил меня обернуться. Прямо перед моим носом оказалось декольте Марты Стальской.

– Суешь свой непропорционально большой нос в чужие дела? – задала Марта риторической вопрос и взяла с кухонного стола тетрадь.

– Я... Просто кухня... М-да... Я тут подумал, что...

Марта, не став дожидаться внятного оправдания, развернулась и направилась к выходу из кухни. Я, оставив попытки сформулировать ответ, сосредоточился на изящных движениях уходящей Стальской. И вдруг я, неожиданно для самого себя, сказал:

– У меня не только нос непропорционально большой, Крошка.

Первая ласточка моего домогательства до Марты вылетела. «Что это со мной? Я же не такой!»

Марта остановилась, как вкопанная в дверном проёме кухни. «А высоко ли падать с окна?» – промелькнула у меня мысль. Время замедлило свой бег как для участника автостаффы. Сквозь пелену критического момента я услышал выстрелы выхлопной трубы автомобиля марки «шестьдесят девять». Марта медленно развернулась и приблизилась ко мне на расстоянии вытянутого... лица. Моя поясница упёрлась в столешницу, а взгляд в декольте домашней кофты Марты. Она подчёркнуто сверху вниз смотрела на меня и, наверное, раздумывала. Я старался не дышать. Марта положила тетрадь на стол за моей спиной, и, освободившейся рукой коснулась моего локтя. Если она не начнёт прямо сейчас говорить, то я упаду без чувств.

– Ты – бодренький кабанчик, да? – второй рукой, фамильярным уверенным жестом (который так нравится всем мужчинам), Марта взялась за мой подбородок и заставила взглянуть в её тёмно-тёмно синие глаза.

Эти глаза выражали насмешку и любопытство примерно в равных пропорциях; ещё в них была какая-то обреченность вперемешку с досадой, уравновешенные философией нигилизма. Насчёт последнего слова не уверен, может, правильно писать «фатализм». Ко мне неожиданно вернулся дар речи и, как это чаще всего бывает в таких случаях, я понёс чушь:

– Фу, какое вульгарное выражение!.. Ну совсем не свойственное литературной речи. И вовсе я не бодрый, – промямлил я изменённым от деформации рта голосом. – И уж тем более не кабанчик.

– Хорошо, посмотрим, – выдохнула она, как будто что-то решив для себя.

В этот момент щёлкнул замок входной двери и появился локоть Стальского. Я несколько раз быстро моргнул, чтобы убедиться, что Марта действительно испарилась, как будто её и не было на кухне ещё секунду назад.

– С глушителем надо что-то делать. Мне надоела эта канонада, – проворчал Стальский, закрывая дверь на засов.

Я всё ещё стоял спиной к кухонному столу и молчал.

– Что?! – скорее сказал, а не спросил Стальский, стоя в дверях и тряся ногой, чтобы отвалился ботинок.

– Рояль через плечо! – напустив на себя деловой вид, с досадой ответил я. – У меня сегодня расчётный день, я немедленно выдвигаюсь в сторону квартиросъёмщиков. Через несколько часов они серьёзно задолжают, и дух бабушки выйдет на охоту.

– Ну так иди. У нас сегодня вечеринка, стало быть. В каком «стайле»? – Стальский вешал шарф на деревянные олени рога и вопросительно смотрел на меня через плечо.

– В южно-американском, – напомнил я. – Сегодня чествуем Маркеса так, как умеем только мы – русские, русские душой. «Сто веков алкоголизма» – подходящее название для сегодняшнего фестиваля. Может, подкинешь меня до метро?

– Ладно. Вообще-то я вынашивал чИстолюбивые планы: помыться, – Стальский снова снял шарф с «олених рогов». – Кстати, «вспоминая» наших «грустных шлюх»...

– Они не придут.

– Уверен?

– Нет.

– А как надолго в нашем скрытом от посторонних глаз убежище обосновалась твоя сестра, – спросил я, когда мы уселись в «шесть девять».

– Надеюсь, что ненадолго, – ответил Стальский, нажимая прикуриватель (единственная деталь нашей машины, которая ни разу не подвела). – Хотя не припомню, чтобы она раньше ругалась со своим аккуратным человеком. Как бы их семейной жизни не пришел конец.

– Ага! Тогда плакал наш сосредоточенный на творчестве покой! Надо поспособствовать их замирению, – сказав эти слова, я почувствовал досаду, природу которой не понял в тот момент.

Глеб усмехнулся и сказал:

– Она говорит, что мы переквалифицировались из бездельников из центра города в заводчиков тараканов с окраины.

– Остроумно, – похвалил я чувство юмора глебовской сестры.

К водительскому окну подошёл наш сосед и жестом попросил опустить окно. Это был неопределённого возраста алкаш-сосед, который постоянно стрелял у всех сигареты. У Стальского как раз имелась запасная самокрутка за ухом, поэтому он отвинтил окно и дал закурить, а потом и прикурить соседу. Но мужчина, помимо материальных благ, требовал ещё и духовной пищи в виде разговора. Он вальяжно облокотился на оконный проём водительской двери и задал алко-риторический философский вопрос. Стальский что-то ответил и выжал сцепление.

– Я вас чиню, чего же боле... – проговорил Стальский и повернул ключ зажигания.

Раздался оглушительный взрыв, после которого я на некоторое время потерял ориентацию в пространстве и времени. Я видел лицо Стальского. Его губы шевелились, – он яростно и грязно ругался, но никаких звуков я не слышал. Потом я начал слышать какой-то писк, похожий на венский хор мальчиков-дельфинов. Лицо Стальского отвернулось, затем снова

повернулось. Стальский смеялся. Я, продолжая ничего не слышать, тоже заулыбался. Наконец, отдельные звуки начали достигать моего сознания. Через тридцать секунд я уже отчётливо слышал саркастических горький смех Стальского.

– Что, чёрт возьми, произошло?! – спросил я, схватив за рукав Стальского. – На нас покушались?!

– Как бы не так! У нас глушитель взорвался! – ответил Глеб.

– Я чему ты радуешься, – на всякий случай спросил я.

– Посмотри в окно с моей стороны, а лучше выйди из машины и подойди к двери.

Я решил выйти. Когда я подошёл к водительской двери, увидел следующую сатирическую зарисовку: наш сосед-алкаш лежал, видимо без сознания, в жёлтом апрельском снегу Вертолётостроительного района, презентованная Стальским папироска тлела в его сомкнутых губах. Я поднял глаза на наши окна, – из окна гостиной выглядывала Марта, лицо ещё было нахмуренным.

– А что с ним? – спросил я, смутно догадываясь о причинах.

– Глушитель взорвался как раз с его стороны, – подтвердил мою догадку Стальский.

– Ладно, поехали.

Перебивая крики сирен карет скорой помощи и звуки шумных опасных дворовых игр детей заводских рабочих, гротескное транспортное средство марки «шестьдесят девять» с двумя главными героями на борту устремилось в сторону метрополитена имени Грунтовых Вод.

Через полтора часа, с безнадежно испорченным настроением от встречи с господином военным прокурором, я стоял в очереди на кассе ближайшего к нашему логову супермаркета.

«Платишь налоги с честно заработанных рентных денег?» – вспоминал я вопрос военного прокурора, который он мне задал, когда отдавал деньги. «Отношения налоговой и налогоплательщика – как и врача с пациентом, – третий в них лишний», – ответил я.

В магазине. В моей тележке было огромное количество полуфабрикатов, которыми мы со Стальским питались. Всё продукты и блюда, время приготовления которых не превышало пятнадцати минут, входили в наш рацион. Если подумать, то большая часть французской сезонной кухни готовится не более пятнадцати минут. Иногда на Стальского находило вдохновение и он готовил что-то сложное и долгое. Итак: в моей тележке лежали пельмени с мясными начинками для всех религиозных подгрупп (даже для тех у кого мать наполовину арабка, а отец на четверть еврей), фаршированные мясом блинчики, фаршированные тыквой блинчики, фаршированные вареньем блинчики, фаршированные блинчиками блинчики и даже фаршированные творогом блинчики, которые никто не любил, и поэтому они скапливались в морозилке. Также мы покупали разную недорогую икру, как то: икра мойвы в сливочном соусе, икра кильки в винном соусе, икра сайры в икре шпроты, икра Мойши в игре Гейши и прочие икры. Ветчина и сыр. Куриные крылья. Само собой: стейки, уже нарезанные и готовые к броску на сковороду. У нас имелась и специальная сковорода для стейков, которая была настолько внушительная, что если решиться ею кого-нибудь прибить, то пришлось бы ждать анализа ДНК для опознания личности жертвы, потому что от головы ничего не останется. Ещё в тележке лежало несколько упаковок куриных яиц. Само собой соусы и приправы. Сезонные овощи и фрукты. Сладости и вкусности. Бытовая химия, губки для мытья посуды, салфетки, тряпки, полироль (мания Стальского). Отдельное внимание всегда уделялось покупке такой категории продуктов как закуски к водке, – это всевозможные разносолы и маринады: корнишоны, пикули, филе селёдки, маринованный чеснок, солёные красные и зелёные помидоры, и, конечно, маринованные грибы, которые нам время от времени осточертевали, и тогда мы покупали другой вид маринованных грибов. Да, мы любили пить водочку как в сказках Пушкина, – с разносолами. Зазвонил телефон:

– Привет, Ксения, – чинно приветствовал я.

.....

– Боюсь, что праздник отменяется. Мой ублюдочный квартиросъёмщик задержал выплату.

.....

– Всё бывает в первый раз.

.....

– Потом тоже не получится. К нам переехала сестра Стальского. Пьянкам пришёл конец.

.....

– Увидимся у тебя. Когда-нибудь...

.....

– Да, позвони своей... как её там?... да, Насте. Скажи, что она задушит Стальского в своих объятьях в следующий раз.

.....

– Да, я тоже тебя целую.

.....

– Нет, я сильнее целую. Пока. Пока. Всё. Чёрт!

Появление в убежище сестры Стальского являлось главной причиной отказа в аудиенции нашим собутыльницам. Второстепенной же причиной было то, что они, как правило, не могли от нас выехать ещё два-три дня после праздника, что нас сильно нервировало. «Чёртовы фрилансеры!» – ругался Стальский и, весь дрожа от похмелья (какого там похмелья! просто пьяный), уходил поутру на работу, а вечером приходил и быстро догонял уже пьяных нас. Мы посасывали водочку, «загоняли дурачков», пели под гитару или караоке, а время утекало сквозь пальцы. Однажды мы не могли спровадить наших дам пять суток. Надо было давно положить этой практике конец. Работа – на первом месте, глупости – на втором и всех последующих.

Помимо непосредственно русского традиционного напитка, сейчас в корзине позвякивала бутылка белой текилы, – тематический напиток. Если бы так преподавали географию, – по алкогольным напиткам – то я бы полюбил её гораздо раньше. Тележка ломилась от яств, а люди в очереди за мной ненавидели меня за задержку.

– Ты бы видел эту мерзость! После того, как подышал одним воздухом с ним, хочется прополоскать носоглотку водным раствором соли и йода. Фу, блять! А как это ничтожество отзывается о женщинах! Мол, все они недостойны его светлости. Я прямо ненавижу его!.. – не смог не упомянуть квартиросъёмщика я, когда мы со Стальским готовили праздничный ужин.

Точнее он готовил, а я сидел на кухонной табуретке, положив ногу на ногу, и матерился на действительность.

– Да оставь ты его в покое. Платит же! И ладно.

– Ладно. Конечно.

– Ты, наверное, завуалировано оскорблял его в ходе беседы? Как ты умеешь, – спросил Стальский.

– Будьте покойны, коллега, он не избежал этой участи. Едва ли понял, но не избежал. А мне ведь это и не надо вовсе, само собой выходит. Когда человек ничего не знает, когда противоречит самому себе на каждом шагу, – его легко поймать. Хватит о нём, – я выдавил улыбку.

Стальский тоже попробовал беззаботно улыбнуться, но у него плохо получилось; очевидно, моя жалоба оставила след в его сознании. Я знаю, что Глеб, как и я, ненавидит и боится облечённую властью посредственность.

– Вам помочь с... чем-нибудь? – спросила, появившаяся на кухне Марта.

– Нет. Изydi, пожалуйста, – наполовину серьёзно сказал Стальский.

Марта театрально пожала плечами и собралась выйти из кухни.

– Слушай, Марта, – остановил я её. – Ты не будешь против, если наш «фестиваль расчётного дня» пройдёт у тебя в комнате?

– Не буду, – любезно согласилась Марта.

– Ты как сама?.. Употребляешь алкоголь (ударение на «А»)? – я на автомате начал флиртовать с Мартой; так всегда получается, когда алкоголь и женщина встречаются в одном предложении.

– От текилы не откажусь, – Марта скользнула взглядом по отвернувшемуся к плите Глебу.

– Здорово, – как будто спросил я у воздуха.

Mil novecientos setenta у...

Mil novecientos setenta у...

Мы сидели втроём, как рыцари придиванного стола, и чинно пили текилу; Марта ни на шаг не отставала. Я исподтишка её разглядывал. За все годы общения со Стальским, мне довелось видеть его сестру только однажды, на день города, кажется; в тот день я был так пьян, что не запомнил, как она выглядит, но зато запомнил её странный голос; сиплый такой, как у британской певицы The Sonic.

Итак, мы вели шуточный разговор.

– Ждёте не дождётесь, наверное, когда правительство разрешит вам пожениться?! – сказала Марта

– Эх, ты!.. Ну, как язык поворачивается!.. Мы сожительствуем исключительно для пользы творчества, – манерно парировал я, скрытно подыгрывая Марте.

– Оскар Уайльд то же самое говорил в своё оправдание, – сказала она.

– И он не врал, Крошка, – ответил я, польщённый, что кого-то из нас сравнили с Уайльдом.

Чтобы сменить тему, я спросил:

– Слушай, Марта, тебе говорили, что ты очень похожа на...

– Говорили! – перебила меня Марта. – Ненавижу эту актрису.

– Просто ты не смотрела хороших фильмов с ней. Нельзя судить о её таланте по «Железному человеку», также как о Джонни Деппе по «Пиратам Карибского моря», или о Джефффри Раше по... «Пиратам Карибского моря»! К примеру, ты смотрела «Country Strong»?

Марта на секунду задумалась, потом отрицательно покачала головой.

– Где мой планшет, я тебе сейчас покажу трейлер этого фильма, – я потянулся за планшетом.

– Ой, давай не сейчас, – запротестовал Стальский.

Я оставил затею с демонстрацией трейлера и разлил по новой.

Mil novecientos setenta у...

Mil novecientos setenta у...

Благодать разлилась по телу. Как по южно-американски будет «Благодать».

– Чуть не забыл, – защёлкал пальцами я, – звонила какая-то тётя по имени Сицилия Владимировна, хочет переговорить с нами насчёт размещения рекламы в нашей газете.

Nací un día de junio del año 77, planeta mercurio y el año de la serpiente, signo patente tatuado y en mi frente que en el vientre de mi madre marcaba el paso siguiente.

- О! Правда! – не скрывая радости, отреагировал Глеб. – И что?
- Послезавтра в восемь вечера. Рюмочная под названием «Фанерный Пейзаж».
- Знаю такое. Пафосное заведение.
- Ты туда не поставляешь алкашку?
- Нет. Туда нет.

Меж тем, текилу мы прикончили. Я принёс из холодильника запотевший пузырь и три пива. Детские забавы кончились.

– Как тебе наш быт? – с неуместной гордостью в голосе спросил я Марту.

– Да, так... – сделала вид, что задумалась Марта, – не мешало бы почистить сантехнику; поелозить щёткой по ней, – стереть налёт.

«На бчки», – про себя проговорил я пришедшее на ум армейское жаргонное выражение, услышанное когда-то от одного знакомого.

– Наряд на бчки, – сказал Стальский и потянулся за гитарой.

Я мигом отбросил все мрачные мысли и приготовился к веселью; хотя, признаюсь, немного стеснялся петь песни и валять дурака при Марте. Я принял единственно верное решение: разлил по новой; Стальскому в высокий стакан с тоником, пока что.

– El stukali v tri rumochki!... Belaya Sauza! El kapli o b'ilom!... – пропел Стальский с наркоиспанским акцентом.

Мне понравилось начало водочной стадии. Однако мы были ещё слишком трезвыми для настоящего концерта, поэтому разговор возобновился:

– Что ты знаешь о Мексике? – спросил Стальский.

Я задумался.

– Лас Бандитос, эль канабис, «Хорхе, поркэ?» и, конечно, Троцкого, – выдал я разрозненные сведения.

– Не так уж мало, – заключил Стальский и перевёл взгляд на Марту.

Марта посмотрела в потолок. На потолке были следы протечки и отвалившаяся штука-турка.

– Ривера, Кало, – ответила Марта и погрузилась в планшет.

Я обратил внимание Стальского на всестороннюю эрудицию его сестры.

– И вы так частенько напиваетесь, – поинтересовалась Марта.

Я решил, что мне, а не Глебу, стоит взять на себя вежливую беседу с Мартой.

– Не так часто, как хотелось бы. Раз в две недели, – когда мой квартирант расплачивается, и когда его квартирант... ваш квартирант, я хотел сказать.

– Понятненько, – протянула Марта, вскинув брови.

«Интересно, – подумал я или водка во мне, – она считает меня привлекательным человеком?»

– Пятьдесят грамм водки? За знакомство? – задал я сакраментальный вопрос, с которого начинались слишком многие ячейки общества в нашей стране.

– Почему нет. Иногда... Наверное... – Марта подыскивала оправдание желанию начать нажираться водкой.

– Наливать или нет? – форсировал я.

– Да. Определённо да, – сдалась Марта. – Да.

Nacer, llorar, sin anestesia en la camilla, mi padre solo dijo es Ana María, si sería el primer llanto que me probaría, quemando las heridas y dándome la batería.

«Говорят, что красота – это залог счастья. А может быть, и наоборот: возможность наслаждения есть начало красоты».

– Где твой нос?! – в какой-то момент вскричал я, выпучив глаза на Стальскую.

– А это тиктоник! – орал я.

– Зацени-зацени! Я робот! Стиль робот! – не отставал в проявлении безумия Стальский.

– Разложи большой стол! – скомандовал я и сам же разложил стол. – Это брейкданс, господа.

«Ахахахаха» – раздавался чей-то одобрителный пьяный смех.

Solía ser entonces como un libro abierto, pero leí la letra pequeña del texto, como un arquitecto construyendo cada efecto, correcto, incorrecto, se aprende todo al respecto.

– Это белая горячка, – дамы приглашают кавалеров! – сказал кто-то кому-то.

Saber que algunas personas quieren el daño, subir peldaño toma tiempo, toma año, con mi peluche mirando lo cotidiano, dibujos transformaban el invierno en gran verano, papá me regaló bajo mi insistencia, un juego que trataba de ocupar la resistencia, pero en la patio quisieron la competencia, fue cuando sentí mi primera impotencia, Mil novecientos setenta y shh...

– Белый медведь, слушай внимательно, медведь, меня... Себя! Медведь?!.. – говорил Стальский кому-то по телефону. – А-ха-ха-хи-хи-ххии-хи! Кха! Кх!.. Х-х-х... Тьфу!

Mil novecientos setenta y shh...

Mil novecientos setenta y shh...

– Господи, как же ты похожа на неё! Ты уж извини!.. Женщины не любят быть на кого-то похожи, как и люди, ик!.. Прости, Стальская, ик!.. Ик!.. Ой, ё!.. Ик... А!..

*«Я лечу в тумане капризной птицей,
Я молчу, мне сверху не видно лица.
Знаю я, что будет туман не вечно,
Знаю я, что ты мне летишь на встречу.
Может быть, с тобой на пути столкнётся,
Может быть, на землю вдвоём вернёмся.
А пока дорожке всего на свете
Для меня свобода и быстрый ветер!»*

– ... Он мне такой заявляет... – что-то рассказывала мне Марта, но мой мозг отказывался понимать.

Mil novecientos setenta y siete, no me diga no, ya no lo presente, todo lo que cambia lo hará diferente, en el año que nace la serpiente shh...

– Пять минут до цели. Ты готов? – бородатая морда орёт мне прямо в ухо.

– Да, чтоб тебя, всегда готов, – злобно отмахиваюсь я от напарника-незнакомца.

– Минута до цели! – снова тот же голос из той же морды.

– Готов! – я сосредотачиваюсь.

В моих руках штурвал самолёта. Облака расступаются, и моему взору предстают два одинаковых небоскрёба.

– Давай, брат, Шварцкопф и Хенкель! – фанатично орёт напарник.

– Шварцкопф и Хенкель, брат! – ору я и направляю самолёт на ближайший небоскрёб. Сто метров, семьдесят метров, пятьдесят метров... Какая скорость!
«Нет, здесь что-то не так... Я не могу...» – проносится у меня в голове.
– В чём дело, брат?! – снова бородатый напарник. – Держи курс! Что ты делаешь?!
– Я не могу врезаться в них! Эти небоскрёбы... Я знаю эти небоскрёбы! Это Стальские! – я пытаюсь отдёргнуть руки от штурвала, но они прикованы наручниками.
– Давай, брат! За Родину! За «Серп и Молот»! Шварцкопф и Хенкель, брат! – не унимается бородатый напарник.
– Нет!!! – я увожу самолёт в последний момент перед столкновением с головой Стальской, и беру курс на Статую Свободы; оба небоскрёба провожают самолёт взглядами.
В лобовом стекле увеличивается изображение упитой и обрюзгшей рожи Статуи Свободы. В последний миг перед ударом Статуя Свободы замуривает глаза.

*«Allez venez, Milord
Vous asseoir à ma table
Il fait si froid dehors
Ici, c'est confortable
Laissez-vous faire, Milord».*

*«Vous marchiez en vainqueur
Au bras d'une demoiselle
Mon Dieu! qu'elle était belle
J'en ai froid dans le cœur...»*

– Аллю! – охрипшим голосом отвечаю я.

*«Allez venez, Milord
Vous asseoir à ma table
Il fait si froid dehors
Ici, c'est confortable
Laissez-vous faire, Milord...»*

Я откидываю пульт от телевизора от уха и дотягиваюсь до телефона.
– Да...
– Вадим? – приятный-неприятный женский голос.
– А?
– Вадим Афгандилович? – всё-таки неприятный женский голос.
– Не знаю... Извините... – я всё ещё сидел за штурвалом самолёта. – Самолёт разбился, я прошу прощения...
– Что?! Что случилось, Вадим?! С вами всё в порядке?! – нежный и заботливый женский голос.
– Я ни в чём не виноват, меня заставили... Это страшные люди-ди... – прохныкал я в трубку.
– Вадим, это редактор. Алина. Неожиданно появилась работа. Заказчик привередливый. Я решила, что лучше отправить вас. Вы, кажется, немного не в форме... Я перезвоню через полчаса.
Как только голос собеседницы смолк, меня не на шутку затошнило. Я, борясь с вестибулярным аппаратом, зигзагами бросился к туалету. Дёрнул ручку: закрыто. От отчаяния я решил всплакнуть, но передумал. За дверью текла вода и что-то жужжало.

– Стальский, открывай немедленно! Меня сейчас вырвет... отовсюду! Стальскийий!.. Мне плохо!.. Открывай же! Чёртов смежный санузел! Стальский, ты что, электробритву купил?!.. Стальский, меня сейчас вырвет!

– Ты что скулишь под дверью? – Стальский подошёл из-за спины, завязывая халат и зевая.

– Стальский, ты что там закрылся и не открываешь, – прохныкал я, глядя в лицо Глебу.

– Ты совсем рехнулся. Там Марта, – Стальский проследовал на кухню.

– Кто? – простонал я, чувствуя горькую беспричинную обиду. – Кто?..

Дверь открылась, Марта стояла в проёме и смотрела на меня как на идиота.

– Утро в китайской деревне, – сказала Марта.

В мою кружащуюся голову ворвались воспоминания последних дней и часов жизни. Я больше не мог сдерживать эмоции, – кинулся к унитазу и начал самозабвенно блевать.

Квартира Ксюши была заполнена всяческими безделушками, которые с разным успехом – в зависимости от материала – собирали пыль. От всего этого нагромождения было трудно дышать, и чесались глаза; казалось, что все эти статуэтки и мягкие игрушки поглощают кислород, а выдыхают углекислый газ.

– Вот что ты врёшь! Вы же вчера с Глебом бухали на чём свет стоит! Признайся, – Ксюша полусидела в постели и курила.

– Да с чего ты взяла?!.. Выпили по чуть-чуть и разошлись по каютам. Сестра же приехала.

Я говорил, что Ксюша была похожа на Джилиан Андерсен, но сама она настаивала, что похожа на Мадонну. Да, у Ксюши была диадема, и это её делало более привлекательной, кажется.

– Признайся, мальчик. Серьёзно пил всю ночь? У тебя же все капилляры на морде полопались от...

– ...Морального напряжения.

– Ты блевал как сумасшедший! Зачем ты отрицаешь очевидное. Сестра Глеба красивая? Запал на сестрёнку? Её тоже, как и Глеба, с любой точки города видно? – Ксюша злобно прикурила новую сигарету.

Несмотря на все плюсы, у Ксюши был один серьёзный минус: она не была Мадонной. Но, кто из нас может похвастаться, что является Мадонной.

– Ксю...

– Ну, признайся-признайся...

– Ксю.

– Что?

– Помнишь, ты велела, чтобы я тебе немедленно рассказал, если влюблюсь по-настоящему? – я откинулся на подушку и прикрыл глаза; я ещё не был на сто процентов уверен, что переживу этот день; меня серьёзно лихорадило после вчерашнего зло-зло-злоупотребления.

– Ну и что?!

– Кажется, я влюбился, – сознание меня начало оставлять, и я впал в посталкогольную дрему.

В короткометражном сновидении мне пригрезились бесконечные ноги Марты Стальской; её длинные светлые волосы и скептическая усмешка. Потом красавица Марта в моём видении сложила губы и, отрицательно покачав головой, прошипела: «Щ-щ-щ...», – Ксюша затушила сигарету о мою грудь.

В восемь часов вечера я прибыл домой. Глеб ещё не пришёл, а Марта уже вернулась с тренировки или с работы, или ещё откуда-то. Я проследовал прямым ходом на кухню и заболтал себе отвёртку с огромным количеством льда. Выпил её залпом и в этот же лёд заболтал

новую. Меня начало отпускать. Я почувствовал себя выжившим. Почувствовал себя умиротворённым. Марта зашла на кухню.

– Рано или поздно от такой диеты ваш организм дрогнет, и вы начнёте быстро стареть, – сочувственно и проникновенно сказала она.

Я стоял и улыбался, затем сказал:

– Можно посидеть у тебя в комнате, поболтать с тобой?

– Конечно. Идём.

Подхватив в прихожей свой любимый цилиндр с пером павлина (он сам выбрал меня хозяином), и, водрузив его на голову, вошёл вслед за Мартой в гостиную и растёкся в кресле. Оглядел комнату; стакан с божественной отвёрткой поставил на подлокотник.

– А что это случилось со столом-бабочкой – приёмным ребёнком перестройки? – поинтересовался я, чтобы завести разговор.

– Ты не помнишь? – искренне удивилась Марта. – Ты же танцевал брейк-данс на нём.

– Ага, смешно... – я лениво хихикнул и сделал добрый глоток ледяной амброзии.

– Ты действительно не помнишь?! Ну, ты и алкаш!

– Да я даже хожу с трудом... Брейк-данс, скажешь тоже!.. Ещё скажи, что я раздевался и письку между ног зажимал, изображая девочку. Ха, – мне всё легчало, я снова отхлебнул.

Один рок-эн-рольщик сказал: «Жить правильно, – значит ничего не помнить». Мой разум впал в «волшебную задумчивость второго дня после пьянки». Марта пересела из кресла в атаманку; вытянула ноги.

Я люблю женские ноги, они для меня символизируют дорогу в удивительные края. А ноги Стальской были настоящим Транссибом. Я притих.

– О чём размышляешь, размыслитель? – иронически произнесла-просипела Марта.

– Думаю о твоих ногах, – без всяких эмоций ответил я.

– А?

– Если бы я начал целовать их с самых кончиков пальцев, поднимаясь вверх, то пришлось бы сделать как минимум три привала для отдыха в дороге, – я беззастенчиво рассматривал Марту.

Стальская отрицательно покачала головой, а в её глазах, поверх усмешки, блеснула заинтересованность. Я не смог в тот момент понять природу её реакции, а потом забыл об этом подумать.

Марта что-то сказала, но я уже не различал смыслов. «В её неблагозвучном голосе была своя прелесть». Она продолжила говорить, а я, закрыв глаза, вдыхал её голос, как вдыхают наркотический дым. Осушил стакан. Мне стало безразлично всё на свете. По-доброму, по-хорошему безразлично.

Мода основана на том, что кого-то обожают группа лиц

М. Пруст

Глава о Шубе (в широком смысле слова)

Живёт в нашем городе один интересный человек, – бизнесмен, тусовщик, скандалист, модник и фанфарон. На вид ему где-то тридцать пять лет, и по паспорту примерно так же. Его имя фигурирует во всех без исключения глянцевого изданиях нашей губернии; журналы про моду, журналы про досуг, журналы про автомобили, журналы про путешествия, – все обожают упоминать о нём на своих страницах; всякие разные ни к чему не обязывающие телепередачи на местных каналах тоже не прочь залучить к себе в эфир этого обаятельного балагура. Его манера держать себя и разговаривать до ужаса нравилась девятистам четырём процентам зрителей. Он с лёгкостью мог связать два слова, но три уже не мог. Зрители и читатели его любили, – листали журналы, нажимали кнопки на пультах.

По паспорту имя ему было (и есть) Егор, но всему праздному классу он известен под именем Шуба. Эта кличка почти не связана с его фамилией, а связана она с тем, что Егор – большой любитель... чего бы вы думали?.. Правильный ответ: шуб! Да-да, вы не ослышались. Именно шуб. Шуба – это верхняя одежда. Вот какую информацию предоставляет по данному запросу Википедия:

«Шуба (араб. ###) – верхняя одежда для защиты организма от переохлаждения.

Шуба бывает натуральной и искусственной. мех в этом изделии обращен наружу. Натуральная шьётся из меха животных, таких как норка, соболь, шиншилла, песец, ягуар, баран, тарбаган, медведь, волк, лисица, бобр, койот, горноста́й, сурок, опоссум, нутрия, котик, ондатра, кролик, белка, нерпа, заяц, тюлень, кошка, пёс, илька, енот, куница, скунс, росомаха, шакал, тюлень, енотовидная собака, северный олень, калан, выхухоль, хорь, колонок, барсук, крот, пони, рысь, лось, снежный барс и т. д.

Основным мехом для производства шуб в России является норка, соболь, каракуль и мутон».

Фотография портрета Ф. Шаляпина в данной верхней одежде работы Б. М. Кустодиева прилагается.

Теперь, когда мы разобрались в терминологии, вернёмся к персоне. У Шубы, то есть Егора, было большое количество шуб, в связи с чем он чувствовал себя намного лучше в холодное время года (домыслы редакции). Все шубы, в которых был замечен – на рабочем месте или на досуге – Егор, были из натуральных материалов. Свидетели утверждают, что материалы изделий следующие: норка (шуба со стоячим воротником, длинна – до колен), соболь (изделие ниже колен, с капюшоном из того же материала), баран (шуба в виде пальто с английским воротником, плечо – реглан), песец (изделие того же фасона, что и выполненное из соболиного меха). Список не полный; постоянно дополняется. Все перечисленные предметы гардероба были выполнены искусными мастерами строго на заказ.

На первый взгляд Егор любил в своей теперешней жизни всего две вещи: шубы и светиться в СМИ. Так как La Critica даже в УФ-диапазоне не выглядела как шуба, то оставался второй вариант привлечения потенциального колумниста Егора – La Critica как СМИ. «Зачем он нам с Глебом?» – спросит скептически настроенный слушатель. «А почему нет...» – неопределённо ответим мы. Итак: мы собирались использовать страсть персонажа к самому себе на страницах периодики, чтобы за символическую плату (с его стороны!) предоставить ему трибуну для ежемесячных словоизлияний. Не исключено, что и читателям могло подобное безобразие прийтись по душе. В качестве дополнения мы готовы были предложить рекламу одного из его многочисленных (в основном авто...) бизнесов на страницах нашей газеты; за отдельную плату. Не согласится, так не согласится. Но если да, то хорошо.

По правде сказать, всю информацию о Шубе я узнал от Стальского, которому оказывается была интересна светская жизнь нашего города. Сейчас мы едем к Шубе на работу. Минуту назад Стальский сказал, что у Шубы есть старший брат, который очень похож на серого кардинала всего его бизнеса, похож на человека с обширными связями и всё такое. Я задумался, потом спросил:

– А что из себя представляет его старший брат? Официальный статус при всём этом бабле у него имеется?

– Ну откуда ж я знаю!

– Может акционер? Хотя, родственники же...

– Короче, его старший брат своими эманациями заставляет выгорать любое дело, за какое бы ни взялся младший.

– Хм... Хм... – я включил фантазию. – Как мэр города для своей жены?

– Вроде того.

– Интересно... – мне стало интересно.

– Скажу тебе: нет такой раковины, в которую он бы не смог насрать.
Я заинтересовался этой вроде метафорой и со смехом спросил:
– Высокий такой?
– И ещё он очень высокий. Оба брата высокие и мощные аки БТРы.
– Что, выше тебя? – с сомнением спросил я.
– Представь себе.
– Предположим... А сам он – я имею в виду старшего – как обрёл такие сверхспособности?

– Этого я не знаю, – загадочно сказал Глеб. – Сюда, сворачивай направо; приехали.

Стальский весьма заинтриговал меня этой информацией, поэтому Шуба превратился для меня в героя авантюрного романа. Ещё я хотел спросить Глеба: почему сам старший не занимается бизнесом. А может занимается? А может он замещает госдолжность? А может у него нет собственных желаний и он живёт, исполняя желания своих родственников? Спрошу позже, если не забуду.

– Ещё я знаю наверняка, что Шуба – бывший тяжёлый наркоман, – напоследок сказал Глеб.

Почти на крыльце офисного здания была запаркована бордовая Bentley.

На доходы от такого автокомплекса можно и нужно вести хорошую и достойную жизнь. Да. И главное достоинство этой жизни должна быть скромность. Я хочу сказать, что Bentley – это нечто за гранью налогообложения. Вы меня поняли.

Мы зашли внутрь и поднялись наверх. Некое подобие рецепции с девушкой-секретарём, позади которой подсвечивался неонем логотип компании. Мы попросили позвать Егора. На удивление мы довольно легко получили доступ к телу. Похоже, что собственного кабинета у Шубы не было, а всё рабочее время он проводил стоя над душами мойщиков, давая советы электрикам, подавая ключи механикам, отвечая на звонки вместо секретаря в салоне поддержанных тачек, – короче всех доставал и не давал филонить. Шуба постоянно чавкал жвачкой, ржал над своими шутками, матерился через каждое ноль-ноль второе слово. Короче, Шуба нам подходил идеально.

Прямо в фойе автосалона Шуба нетерпеливо выслушал наш сбивчивый рассказ о том, что мы от него хотим, вполглаза глядя на видеопрезентацию пустого макета La Critic'и на моём планшете.

– Вот и за всё это великолепие мы просим всего п... – хотел было перейти к заключительной фразе я, но Шуба меня перебил.

– Вы что, ребята, говна вьёбали?! Я даже не слышал о вашей газете ничего? Как она называется?

– La Critica, – начал отвечать на последний вопрос я.

– Чё-ё? – сморщился Шуба.

– La Sti... – попытался её раз произнести я.

– Неважно. Вот когда я о вас услышу!.. От кого-нибудь, заслуживающего доверия... Об этой вашей «Критине». Тогда...

– Тогда нафиг ты нам нужен будешь?! – задал резонный вопрос Глеб.

Шуба потерял дар речи от такой наглости, потом нашёл слова:

– А на... уя вы вообще мне нужны, да ещё и за мои же деньги?! Глянцевые издания нашего города мечтают, чтобы я нарисовался на их страницах! Они готовы... Это кто? – Шуба ткнул пальцем в заставку на моём планшете, который я от волнения теребил в потных руках, то нажимая на «home», то на кнопку «сон». Фоновым рисунком последние несколько дней мне служила фотка Глеба и Марты, которую я сделал, когда они утром на нашей убогой кухне в одинаковых пижамах с кружками растворимой бурды в руках устало смотрели в мою сторону.

– Это я, – признался Глеб.

– Это он, – подтвердил я.

Шуба печально вздохнул и, как бы пересилив негодование, задал вопрос по-другому, тыча пальцами в экран планшета:

– Вот это кто? Вот это? Это? Эта девушка в пижаме? Вот?

– Это моя сестра Ма... – начал Глеб, но я его перебил.

– Это Гвинет Пэлтроу, актриса из США, – ответил я таким тоном, мол эту девушку должен знать каждый.

Повисла тишина. Каждый, скорее всего, думал о своём.

– Это же она снималась в «Железном Человеке»? – округлив глаза, спросил Шуба.

– Не лучший её фильм, – скрипучим голосом ответил я. – Но, да. Она снималась во всех «Железных Человеках»...

– Ради денег, – покивал Глеб.

– И это твоя сестра? – на всякий случай ещё раз уточнил наш собеседник.

– И это его сестра, – решил продолжить обсуждение этого вопроса я, раз уж начал. – А он – её брат. Брат знаменитой актрисы. Брат сестры. Как насчёт нашего предложения?

Шуба скорчил гримасу, которая должна была показать крайний «респектос» Глебу, как родственнику великой актрисы. Глеб мотнул головой, что означало: «Да ничего такого. Я привык». Эта благодатная почва должна лоббировать контракт. Что делать, когда обман раскрылся, я подумаю позже.

Мы ещё немного посидели молча. Позы были торжественные. Шуба закрыл глаза, начал тереть переносицу большим и указательным пальцем правой руки и смеяться. Мы с Глебом недоуменно переглянулись. Шуба уже просто таки хохотал. Мы с Глебом напряглись. Я взял планшет с журнального столика и положил к себе на колени.

– Ахахах! Ну вы даёте, ребята! Давно так не смеялся, – Шуба наконец разлепил залитые слезами глаза.

Я не знал что говорить. Оставалось ждать. Видимо, чтобы как-то форсировать развязку, Глеб спросил:

– А что тут такого смешного, дядя?

– А вы молодцы!.. – погрозив пальцем, сказал Шуба.

– В смысле? – спросил я, на всякий случай до ушей улыбаясь.

– Это, – Егор указал пальцем на планшет у меня на коленях. – Марта Стальская – девушка моего адвоката Марка Бимерзкого, юрист, – выбивала долги по КАСКО для моей мамы.

Установилась десятисекундная пауза.

– Ну, или так, – согласился я.

– «Или так», «или так»... – эхом повторил Шуба, потом спросил: – Так кто вы такие, чёрт бы вас драл?

– Всё за исключением «Железного Человека» остаётся так же, – ответил я наивным тоном.

– Не шутите со мной, – посоветовал Шуба.

– Покажи ему свои права, – обратился я к Глебу.

Глеб извлёк из внутреннего кармана пальто бумажник, достал оттуда автомобильные права и кинул их на середину столика. Шуба взял документ и приблизил к глазам. Прищуренным взглядом посмотрел на нас, затем на права, потом опять на нас, снова в права. Кинул их обратно на стол. Изрёк:

– Так что вы там рассказывали о новом журнале?

– Газете, – поправил я.

– Так что вы там рассказывали о новой газете? – поправился Егор.

У La Critic'и появился Шуба.

**После изобретения динамита, всё, что не взрывается,
оставалось незамеченным**

С. Дали

Глава о пятой поправке к не нашей конституции

Последние полчаса я говорил без умолку про преимущества размещения рекламы в нашей несуществующей газете. Я расписывал перспективы долгосрочного сотрудничества, широту будущей аудитории, нетривиальность концепции, профессионализм работников, авторское видение, качество полиграфии, наконец.

– Мы хотим сделать себе имя. Тот, кто поддержит нас на первоначальном этапе, будет нашим большим другом впоследствии, – я почувствовал, что хватил лишка, а потом сразу подумал, что скромность данному делу не помощник.

Сицилия Владимировна как-то нехотя выслушивала мои аргументы. Складывалось впечатление, что ей не слишком-то интересно. Тогда почему я ещё здесь?

– Кхе, – кашлянул я.

– Я понимаю-понимаю... – покачавшись из стороны в сторону на офисном кресле, промолвила Сицилия Владимировна.

От словесного извержения последних десятиминут в моём рту наступила засуха. Я представил себя в компании большого запотевшего бокала пива; это придало мне сил.

– Ну, так что? Что скажете? Пятнадцать тысяч рублей за приличный рекламный текст – не такая уж большая сумма, – я постарался расслабить мышцы лица. – В лучших традициях восточноевропейской продажной журналистики.

– Какой говорите тираж первого номера? Три тысячи?

– Да.

Сицилия Владимировна выглядела практически так, как я её и представлял, тем более что я посмотрел её фото в Интернете; судя по информации в Сети, она занималась раскруткой заведений досуга, но ни одного названия я найти не смог, только фотографии Сицилии на разных светских раутах. Ухоженная женщина сорока трёх – сорока пяти лет, платиновая блондинка со смуглым лицом, немного лишнего веса. Она не была похожа на идиотку, которых пруд пруди в этом бизнесе, но и мозги ниоткуда не торчали. Короче, она могла быть кем угодно.

– Что скажете? – не слишком подобострастно спросил я.

– Что вам для этого нужно?

– Для статьи?

– Да.

– Поужинать втроём в вашем заведении. Копию меню. Информацию о вашем шеф-поваре. Фото интерьеров. Фото экстерьера. И всё, что вы сами пожелаете сообщить о вашем прекрасном ресторане.

– У вас широкие скулы, – неожиданно сказала Сицилия Владимировна, как бы имея в виду нечто иное, чем моё лицо.

Она покачивалась вправо-влево на своём кресле руководителя, надеясь на то, что на меня произведёт сильное впечатление её зрелая сексуальность. Я не собирался выдавать своего глубокого впечатления её зрелой сексуальностью, потому что вслед за этим всегда следуют экономически невыгодные уступки. Впрочем, я ошибался, но это неважно. Я изобразил меланхолию и ответил на её замечание:

– По бабушке я – поволжский индеец.

На моём лице не было и тени иронии; не смотря на лицо собеседницы – как бы осматривая кабинет, – в отражении стеллажа я заметил искреннюю реакцию на мою остроту.

– Извините, мне надо выйти, – она поспешно вышла из кабинета.

Оставшись один, я, как всегда, находясь в новом для себя помещении, обследовал взглядом верхние углы на предмет камер наблюдения. На первый взгляд камер не было, и я немного поковырял в носу. Кабинет производил впечатление обычного помещения для директора небольшого общепита: стеллажи с мерной посудой, электронные весы, рекламные проспекты, бланки и прочее. Вернулась Сицилия Владимировна.

– Итак, Вадим, – она развела руками, но не хлопнула в ладоши, а медленно сомкнула их, – на первый взгляд вы нам подходите.

– Вам?

– Мне?!.. Нашему заведению... В качестве рекламного носителя, – Сицилия Владимировна так стушевалась, как будто я ворвался к ней в туалет.

– Рад. Не передать словами, как я рад, – немного иронично, чтобы она не поняла как на самом деле я рад, ответил я, вставая с кресла.

– Мы, непременно сработаемся, – протянула руку для пожатия Сицилия.

– Да, всенепременно, – я легонько пожал кончики её холодных влажных пальцев.

Наполовину я уже вышел из кабинета, когда она вдруг громко спросила:

– Для кого La Critica?

Я вздрогнул и обернулся.

– Для всех, – тихо сказал я.

– Как Айфон? – с усмешкой спросила Владимировна.

– Как сметана, – улыбнувшись, ответил я.

– «... Чувствую, как напитки маршируют сквозь меня, будто на параде, будто идут в атаку на тоску, будто идут в атаку на безумие...» – прохрипел Глеб, невидящим взглядом уставившись в спёртый воздух своей комнаты.

– Кальсоны и майка вкупе с крашенным коричневой краской деревянным настилом пола, на котором вы возлежите... Рад констатировать тот факт, что вы полностью освободились от бывшего снобизма. Народ вас полюбит, не сомневайтесь, – я ещё несколько секунд посмотрел на валяющегося на полу пьяного Стальского и пошёл на кухню.

Он сегодня, что называется, отталкивался от дна: падал на самый низ алкогольного злоупотребления, чтобы завтра, проклиная то, что родился, завязать на полторы недели. Ни дать ни взять, Пол Ньюман в образе Хладнокровного Люка, – такой же насмешливый, красивый, разбитной и непредсказуемый. До завтрашнего вечера он не работник.

– Что это с ним?! – испуганно спросила, вбежавшая на кухню Марта.

– Так бывает. Он в порядке, – как можно увереннее ответил я, всматриваясь в содержимое холодильника, скрывая тревогу.

– Он не уснёт с сигаретой? Как думаешь? – Марта присела на табуретку.

– Нет, не уснёт. Есть хочешь? Приготовить тебе что-нибудь? – я хотел отвлечь Марту от грустных мыслей о брате.

– Буду то же самое, что и ты, – ответила Стальская.

Я приготовил ужин, и мы поели в комнате Марты. После еды я решил немного выпить и замешал себе коктейль. Марта от алкоголя отказалась.

– Чтобы Глебу меньше досталось, – пояснил я. – Ты съездишь завтра с нами за компанию в несколько мест по делам газеты? Надо сфотографировать кое-кого. У тебя, кажется, фотоаппарат имеется. А вечером поужинаем на халяву в «Фанерном Пейзаже». Если ты не занята, конечно.

– Я... Я могу. После игры. Да. Глеб там не умер? – Марта пыталась проникнуть взглядом через стену в комнату Глеба.

– Он не умрёт в этот раз, не беспокойся. Он воплощает в жизнь принцип: «Завязывать нужно тогда, когда коснулся дна».

– Кто сформулировал этот принцип? Какой-то европейский писатель начала двадцатого века? – спросила Марта немного раздражённо.

– Нет. Так говорил Хэнк Муди – герой сериала «Калифорникейшн», – пояснил я.

– Всё-таки я схожу – проверю его, – начала подниматься Стальская.

Я наморщил лоб, чтобы казаться не менее обеспокоенным, хотя я прекрасно знал, что с этим алкоботом ничего критического не случится. В этот самый момент Глеб развеял сомнения в своём присутствии в мире живых громкой декламацией:

– «И я размазываюсь по стенам, заползаю в окопчик собственной Богом проклятой души!..»

Двадцать часов спустя.

Мы присутствовали на волейбольном матче, в котором участвовала Стальская. Так правильно говорить: «в котором участвовала»? Она играла за команду нашего Универа. На её футболке стояла цифра «5». После матча она обещала нас свозить в несколько мест и сделать на свой фотоаппарат несколько снимков. Фото людей – героев нашего первого номера, – в основном наших старых знакомых, подвизающихся в ресторанном бизнесе.

– «О Боже праведный, откуда этот рой прелестных девушек возник передо мной?» – нараспев продекламировал я классика.

Глеб покивал, соглашаясь с классиком.

Глеб переспал с третьей команды по волейболу нашего Универа. Просто, чтоб вы знали. Стальский старался уважительно отзываться о тех многочисленных девушках, которые падали ему на конец, но, сами посудите: трудно искренне уважать людей, которые на тебя молятся; в такой же ситуации пребывает Бог, (всё таки немного) свысока смотрящий на человечков.

Очень быстро моё внимание сосредоточилось на других вещах. Я любовался тонким станом Марты и находил в каждом её движении частичку вселенской гармонии и грации. Моё воображение рисовало волнующие картины, на которых была пустынная необитаемая Земля и последние два человеческих существа – Марта и я. Люди, обращённые в каменные статуи, безмолвно взирали на недвижный воздух. В сотнях невидящих глаз, как в зеркалах, отражался танец двух последних живых существ, становящихся одним.

– И вот ещё: под номером девять. Я бы сказал, что ей не хватает шестёрки перед девяткой. Это бы указало на некоторые её предпочтения, – Стальский достал свой курительный набор и начал крутить самокрутку. – Известно, что спортсменки утилитарно подходят к сексу.

Последние судороги преджизненной страсти. Затемнение. Занавес.

– Номер двенадцать... Они все как двухместные авто, – очень спортивные.

– А?... – очнулся я. – Я всё прослушал. Что ты там о нашей тачке говорил? Дай-ка бинокль.

– На.

Найдя невооружённым глазом Марту, я приложил к глазам оптику. Я всегда думал, что мне достаточно королевы, а теперь узнал, что мне нужна Богиня. И прямо сейчас я смотрю в бинокль на её попу.

– На попу моей сестры смотришь?

– Да, – не отрываясь от бинокля, ответил я.

Если уж была упомянута попа, то будет упущением не упомянуть си... грудь. Грудь Стальской по-моему была идеальной. Это были не «визгливые сиськи», как у некоторых временно-сексуальных актрис; не того рода сиськи, которые через какое-то время выходят из-под контроля, не те, под которые в жару хочется подложить промокашки; нет, господи! Это была (и останется) аккуратная грудь, которая и через тридцать лет будет выглядеть, как раньше!.. Останется той же горячо любимой «двоечкой». Кто знает Кристин Скотт Томас, тот сможет представить себе, о чём я толкую. У Скотт Томас похожие, хотя до двойки не дотягивают. «Не

преувеличивай», – проговорил в моей голове Глеб. «Не лезь в мои мысли! – возмутился я. – Ладно, не «двоечка», «полуторка». У Марты – «полуторка».

– Посмотри-ка в сторону дверей, – отвлёк меня от планов на будущее Глеб.

Я посмотрел в указанное место.

– Ага. Кто это?

– Марк Бимерзкий.

– Кто такой? Смешная фамилия. Типа: дважды мерзкий. На Жана-Луи Куллока похож.

– Ему и трижды не будет мало, – Стальский облизал папиросную бумагу, и засунул за ухо папироску.

– Мда... Что с ним не так, кроме того, что он еврей? – я рассматривал в бинокль указанного мужика, пока тот не заметил на себе солнечного зайчика и не начал произвольным движением стряхивать его со своего пиджака.

Он был одет в полосатый костюм-тройку, в двухцветную рубашку с однотонным галстуком. Здоровенный сукин сын в двубортном пиджаке. Вид довольно ушлый.

– Так кто этот мазафакер? Выглядит как чикагский гангстер в этом полосатом костюме; только автомата Томпсона не хватает, – прокомментировал я увиденное. – Половина рта золотая...

– Это, как ты правильно предположил, факер, Марта-факер. Пойдём отсюда. Или подождём пока у тебя стояк спадёт? – Стальский толкнул меня в плечо.

– Ах, вот это кто! – я снова приложил бинокль к глазам. – Так значит выглядит мартовский папик. Вид у него какой-то чересчур криминальный для адвоката.

– С кем поведёшься... – философски проговорил Глеб.

– А тебе он чего плохого сделал?

– Просто не люблю евреев, – Стальский снова толкнул меня в плечо, призывая покинуть данное спортивное мероприятие.

– Понимаю-понимаю... И что он? Ищет встречи с твоей сестрой? – меня охватила ненависть к этому мужику в костюме.

– Может да, а может у него просто абонемент на весь сезон. Я хочу курить. Я пошёл, – Глеб поднялся с места и, дежурно извиняясь, начал прокладывать себе путь сквозь зрителей, которых в данном случае правильнее именовать болельщиками.

После игры (не припомню, кто победил) мы втроём прокатились по нескольким местам, чтобы сделать фото наших героев. Ранний ужин в «Фанерном Пейзаже» в компании ненавязчивой Сицилии Владимировны, которой вроде бы очень понравилась Марта. Я был воодушевлён и уравновешен. Глеб тоже был в приподнятом настроении.

По возвращении домой мы все трое пытались разобраться в программе «Вёрстка и печать», пиратский диск с которой мы купили у... пиратов. Когда полторы недели назад мы с Глебом брали интервью для первого номера у одной олдскульной ресторанной директорши, на которую я некоторое время когда-то давно работал, она нам посоветовала не гнаться за объёмом и остановиться на одном газетном развороте. Мы решили, что это здравая мысль. Получается, что La Critica – газета всего о четырёх страницах. Примерно неделю назад мы заглянули в крупнейшую типографию города «Волга-Волга-Пресс», чтобы прицениться. Три тысячи экземпляров, которые мы посчитали достаточными для первого номера, в полный цвет на самой дешёвой бумаге (для первого номера) обходились в двенадцать тысяч рублей. Все предварительные договорённости вроде бы были заключены.

В среду тридцатого апреля мы напечатали наш тираж и ещё тепленьким погрузили в багажник «шесть-девять». Шесть стопок по пятьсот штук. «А, моя хорошая!...» – поглаживал La Critic'у Стальский. «Убери лапы, это моя чика», – в свою очередь говорил я.

Трудно привлечь к себе внимание даже ненадолго.

А я предавался этому занятию всякий день и час

С. Дали

Глава о тяжёлой судьбе первого номера

La

Critic

'и

– Держи морду кабачком! – бодро вещал я, руля в пробке вверх по одной из улиц центра города, которая вела в ресторан «Фанерный Пейзаж». – Сейчас отгрузим Сицилии её тысячу экземпляров и...

– Что «и»? – скептически парировал Глеб.

– И останется пристроить ещё две тысячи, – ответил я. – Ну разве не радость?

– Радость, – согласился Глеб.

– По двести пятьдесят штук в каждую рюмочную, про которую писала наша легендарная газета в этом месяце. А потом устроим праздничный ужин, – рисовал я перспективы.

Пробка двигалась очень медленно. Дорога вела в гору. Так и сцепление недолго сжечь. Справа – на пешеходной улице, которая вела от Кремля до ГУМа, под стенами православного храма – происходило какое-то сборище. Кто-то орал в мегафон, кто-то размахивал плакатами, пока ещё малочисленные полицейские нервно мялись в сторонке; местные телеканалы размазывали свои «удочки», чтобы начать трансляцию. По всей видимости, происходило какое-то гражданское волнение. Мы с Глебом как замороженные смотрели влево и не заметили, как машины спереди уехали. Нам засигналили сзади, но мы не перестали стоять и смотреть.

– Вот бы нам с нашей газеткой оказаться в центре событий, – вслух подумал Глеб; хотя впоследствии он отрицал, что вёл подобные речи.

Вряд ли я смогу вспомнить досконально то, что происходило в следующие пятнадцать-двадцать минут; какие-то обрывки фраз, типа: «Куда ты прёшь?! Это пешеходная зона!» и «Вы ещё из какой партии?!...» и прочие теги. Кажется, температура моего тела достигла сотни градусов, когда я ходил среди толпы и, повторяя за оратором его выкрики, совал в руки митингующих нашу газету. «Немедленно уберите машину с тротуара», – пока ещё вежливо просил служитель порядка. «Ага-ага, сейчас», – отвечал ему Стальский и продолжал с невероятно политизированной миной раздавать нашу газету людям. Краем сознания я понял, что большинство собравшихся – молодёжь. В какой-то момент к первому оратору присоединился второй, трибуной которому служил полицейский джип; этот второй в свой усилитель голоса с выражением проговорил: «Немедленно разойдитесь, иначе мы будем вынуждены принять меры».

Мы со Стальским настолько отрешились от реального мира, что никак не отнести сказанные слова к нашим персонам. Краем глаза я видел людей с микрофонами, видео и фотокамерами; некоторые из них были фрилансерами, но преобладали профессионалы. Краем другого глаза я видел мелкие телесные контакты молодых людей со служителями правопорядка. Нашу машину, запаркованную здесь же, теперь уже окружала толпа, через которую – если бы мы решили вдруг убраться – проехать было бы сложно. Меня кто-то дёрнул за рукав; довольно грубо – так, как будто этот кто-то чувствовал своё полное и безоговорочное право дёргать за рукав людей. Я сделал вид, что меня это не касается, а когда это повторилось, то толкнул «дёргальщика за рукав» в грудь и обозвал «гондоном». Всё, больше я ничего не помню.

– Это ваши пиздастрадальцы? – сверяясь с документами, спросил у Стальской старший лейтенант.

Мы с Глебом как две шимпанзе из вольера с грустью смотрели на Марту и старлея, одной рукой держась за решётку, а второй поддерживая штаны; ремни у нас отняли, чтобы мы не повесились.

– Да, мои, – с кислой миной ответила Марта и сделала шаг в сторону камеры. Старлей незамедлительно начал пялиться на задницу Стальской.

– Сопротивлялись при аресте... – задумчиво отрекомендовал нас Марте полисмен, не сводя глаз с попы.

Марта вскинула (а точнее опустила) на полисмена прекрасные полные ужаса глаза.

– Да уж. Настоящие головорезы, – усугубил старший лейтенант. – Особенно вот тот мелкий.

Через пятнадцать минут Марта нас везла в своей машине на штраф-стоянку.

– Кто это придумал? – спросила она, еле сдерживая гнев. – Скажите «огромное спасибо», что начальник этого отделения – приятель Марка.

«Это ещё чё за...» – взглядом через зеркало спросил я у сидящего на заднем диване Глеба. «Жених Марты, ты что забыл?..» – взглядом ответил Стальский. «Бывший!..» – уточнил я взглядом. «Бывший», – согласился взглядом Глеб и добавил: «Но нас-то вытащил...» «Что правда, то правда», – смиренно моргнул я.

– Что вы там переглядываетесь?! – зло проговорила Марта. – Дети маленькие!..

– А как ты узнала, что мы в обезьяннике? – ответил вопросом на вопрос я.

– По телевизору увидела. Так кому в голову взбрело ехать по пешеходной зоне прямо к месту ЧП, прямо под камеры телеканалов, прямо в лапы полиции?!..

– Постой-ка, – ожил на заднем сиденье Стальский, – нас что, по телевизору показали?! В прямом эфире?!

– Мда... В прямом «Кефире». Телекомпания «Кефир» с места вела прямой репортаж. Вашу бледно-жёлтую газетёнку показали крупным планом. Журналистка из «Кефира» трясла этим «культурным объектом» перед камерой! Позорище!.. Как братец орал!.. Как революционер, твою ж мать!.. Слава Богу она не видит... А этот «крошка енот», – Стальская уцепилась за ногу, – бегал от полицейского вокруг машины... В каждой ручонке по смятой жёлтой бумажке!.. Как чер-лидерша с помпонами; выскальзывал из рук служителей правопорядка. Стыдоба.

Переглядывание с различными эмоциями на лицах у нас со Стальским начало входить в привычку. Сейчас наши рожи выражали благоговейный восторг и слезливую надежду. Я взял слово:

– Марта, Крошка, ты действительно не понимаешь, как нам сегодня повезло?!

– Понимаю, конечно. Вас бы могли избить до полужизни, но вы легко отделались, – зло проговорила Марта, как будто была не слишком рада от того, что мы «легко отделались». – Проезжай, мать твою, поворотник не забудь выключить, – выругалась Стальская и нажала на сигнал.

– Да не в этом дело, Чёрт побери! О таком сюжете в прямом эфире мы могли только мечтать. Стальский?! – я обернулся на партнёра.

– Угу, – одобрительно промычал Глеб. – Главное теперь удержать внимание публики.

– Как насчёт: сесть посрать на площади перед парламентом, с вашей газетой в руке, а потом подтереться ей же?! – предложила Марта.

Мы задумались над её предложением.

– Вы совсем. Совсем, господа Аронов и Стальский. Для вас ещё не всё закончилось, – гнула своё Марта. – Ждите повестки! Проверяйте почаще почтовый ящик.

Глеб пожелал сменить тему.

– И сколько жрёт этот уёбок? А? – Стальский открыл наполовину люк и закрыл обратно. – Семьдесят?

– Не так уж много, – Марта потрогала кнопку люка. – Всего-то двадцать восемь.

– На сотню метров? – не удержался от детской подколки я.

– Шутники, – Марта подрегулировала климат.

– А не разумнее взять что-нибудь, что будет тратить десять литров или двенадцать литров на сотню? – продолжил выяснять я.

Марта нахмурилась. Через полминуты сказала:

– Я вам объясню кое-что: есть люди, которым нужны клавиши. Многие довольствуются дешёвым синтезатором, а некоторым необходим рояль, – Марта через зеркало улыбнулась брату.

На меня снизошла благодать, как от соприкосновения с шедевром. Какая великолепная метафора: «Паркетный джип – синтезатор, а Hammer H2 – концертный рояль». Настолько безвкусная машина, что даже в этом что-то есть. Если бы на таком транспортёре катался я, то это выглядело бы явной сублимацией, но когда за рулём такая кариатида, как М. Стальская, всё обретает смысл и завершённость.

На штраф-стоянке выяснилось, что машину можно забрать только завтра, и только после уплаты штрафов. Наш автомобильный вояж по променаду, плюс парковка на пешеходной зоне, плюс аварийная ситуация, стоили нам десять тысяч рублей. Примерно на эту же сумму у Стальского имелись старые неоплаченные штрафы. Дежуривший на штраф-стоянке полицейский, на нашу просьбу забрать из багажника оставшийся тираж газеты, лишь матерно пошутил.

– Сбережения таят как обещания политиков после перевыборов, – прокомментировал Глеб сложившуюся ситуацию, вынимая из кармана бумажник.

– У меня есть записка, я заплачу, – сказал я, доставая свой портмоне.

– Да у меня самого есть, я сам заплачу, – проворчал Стальский и начал выбирать из своих карточек нужную.

– Так плати тогда, а не плачь! – сокрушённо продекламировал я, вознеся руки к небу.

– А я что, по-твоему, делаю?..

– А может чёрт с этим ведром? Она не стоит двадцать тысяч, – сказал я.

– А тираж газеты! – повысил голос Глеб.

– Ах, точно! Совсем забыл! – схватился за голову я.

– У тебя память как у рыбки, – проговорил Глеб, утрированно покачивая головой.

За нашими спинами просигналила машина Марты, и несколько раз моргнули прожекторы на крыше.

– Что же мы скажем Сицилии? Она будет считать нас за ненадёжных людей. За пиз... лов, если одним словом, – сказал я Глебу, пока он вбивал в аппарат номер своего техпаспорта, который он, каким-то хреновым чудом, помнил наизусть.

«Спасибо за пользования нашим терминалом», – сказал приятный женский голос из динамика.

– Это мои кровные деньги, сучка электронная, – выругался Стальский, пнув терминал.

«Не забудьте взять чек. Козлина», – не остался в долгу аппарат. Марта нетерпеливо засигналила и заморгала прожекторами на крыше, призывая торопиться. Мы повернулись и сразу снова отвернулись, чтобы дальше обдумывать план действий. Марта опустила стекло и прокричала:

– Что вы там замерли, как терракотовые воины?!

– Сейчас, Крошка, гангстеры посовещаются и решат, что делать дальше, – интонацией Джона Диллинджера ответил я.

– Заедем в «Фанерный Пейзаж», а потом домой, – объявил наши планы Марте Глеб.

– Не выйдет, босс. Боссы... Я через полчаса должна быть в суде, – у меня, знаете ли, ещё остались незаконченные дела. Так что адъёс, пендехос, – Марта начала сдавать назад и выкручивать руль, чтобы выехать со штраф-стоянки.

Мы бросились вдогонку с криками: «Ну, хоть до «Фанерного Пейзажа»!»

В «Пейзаже...» состоялась унижительная сцена оправдания перед хмурающейся и негодующей Сицилией Владимировной. Выслушав наш лепет, она сказала: «Подождите, я на минуту» и вышла. Оставшись одни в кабинете, мы со Стальским посмотрели друг на друга и одновременно вспомнили как нас винтили полисмены, как мы катались по весенней мостовой, как не давали отнять у нас газету, как Стальский поднял над головой стопку La Critic'и, а менты не могли допрыгнуть, чтобы конфисковать улики, как толпа живо заинтересовалась нашей газетой (как только газета показалась им объектом репрессий со стороны официальных властей), как Стальский метнул в толпу эту жёлтую стопку, и как люди начали хватать её и прятать под одежду, и уносить ноги, чтобы в спокойной обстановке ознакомиться с содержанием... «Граждане, да здравствует свобода слова! Ура-ура!..» – передразнил я крик и интонацию Стальского в тот момент, на пяточке перед храмом. «Вокруг хаос. Все мои идеалы: испорченные слова... Я ищу душу, которая смогла бы мне помочь. Я из разочарованного поколения, Разочарованная...»

– Ун-дос-трез! – подхватил Стальский.

– Je suis. D'une génération désenchantée, désenchantée!

Мы поумирали от смеха. Потом немного успокоились.

– Прикинь, Глеб: сейчас вернётся Сицилия, сядет напротив нас, так задумчиво поглядит-покивает, а потом, вдруг!.. Выхватить из ящика стола полутораметровый резиновый член и, прямо через стол, забьет им нас насмерть.

– А-ха-ха! – пуще прежнего захохотал Стальский. – Как Гарри Топор!..

– Ага!.. А-ха-ха! – покатывался я.

– Сделает из тебя клюквенный джем огромным резиновым членищем, – сквозь смех проревел Стальский, показывая предплечье и кулак.

В это мгновение вернулась Сицилия Владимировна. Мы не успели погрустнеть соответственно моменту.

– Рада, что вам весело, – сказала Сицилия, воцаряясь на своём кресле руководителя.

Мы скорбно потупились. Сицилия поправила манжеты и шмыгнула носом:

– Значит завтра заберёте оставшийся тираж из багажника машины?

– Да! Да! Безусловно! – хором заверили мы.

– Тогда не смею вас больше задерживать. До завтра, господа, – Сицилия повернулась вполоборота и начала рассматривать стену.

Мы подскочили с табуреток и, пождав хвосты, бросились к выходу.

– Кстати, – остановила нас Сицилия, – смотрела сегодня новости на «Кефире»: «Да здравствует свобода слова...» – в этом что-то есть. Определённо.

Утро следующего дня. Подъём по будильнику. Лёгкое похмелье. На правом боку обширный синяк, – вчерашняя боевая травма; «вследствие самостоятельного падения на поребрик возле памятника Шалапина», – запись в протоколе задержания.

Марта крутилась на кухне. «Привет-привет». После водных процедур, я постучался в комнату Стальского; он не ответил. Я зашёл. Глеб спал.

– Вставай, слесарь Коля. Па-да-па-да-па-дам, – слегка повысив голос, проговорил я над его ложем.

В комнате стоял дух сильно закладывающего за воротник жильца. Открыл шторы и дверь на балкон.

– Чёрт! Сколько натикало? – прохрипел Стальский.

– Семь тридцать утра. Разбудить тебя в семь сорок?! – пошутил я.

– Я ещё пьян. Возьми свои права. А что так рано?

– Сто процентов нам будут мотать нервы с возвращением «шесть девять». В одиннадцать открывается «Фанерный Пейзаж», – было бы очень мило с нашей стороны быть там, когда Сицилия придёт на работу.

– Знает ли Сицилия, во сколько обошёлся нам этот тираж? Она жалкие пятнадцать тысяч заплатила, а потрачено было... все... все сорок! – Стальский начал подниматься с кровати.

– Ладно, пойду. Марта там что-то готовит, – я сделал заинтригованный вид.

– О, ноу! Ты должен кое-что знать о моей сестре, чувак, если намерен провести с ней всю оставшуюся жизнь, – ковыряясь в глазах, сказал Глеб.

– С чего ты взял, что я... Ладно, что я должен знать? У неё есть член? У каждого свои недостатки. Я не думаю, что это большая проблема... Если, конечно, член не большой! А-ха-х! – я развеселился. – Я так и знал, что вы с Мартой разделённые после рождения сиамские близнецы. Ты на неё всё время злишься, потому что при операции по разделению всё хозяйство досталось ей! Ха! А тебе ни хрена! – я хлопал себя по коленке и от души смеялся.

– Нет, член покажется тебе досадной мелочью, когда ты попробуешь её стряпню, – Стальского не то в шутку, не то всерьёз передёрнуло.

– Да что там готовить, у нас сплошные полуфабрикаты! – отмахнулся я. – Кинул на сковороду и готово.

– Она даже консервную банку откроет так, что содержимое невозможно будет жрать, – Глеб, наконец, поднял своё туловище с кровати.

– Уверен, ты преувеличиваешь. Не надо делать из еды культа.

– Как? Вкусно? У вас так много блинчиков с творогом, значит, вы их любите, – Марта сидела с довольным видом напротив меня за кухонным столом.

– Спасибо, очень вкусно, – ответил я.

– Так что не ешь?

– Я один съел, я мало ем...

– Правильно, не надо делать из еды культа, – не преминул подколоть Глеб.

Я улыбнулся и неопределённо махнул рукой в сторону Глеба, – мол: «ну, его».

Стальский (который вчера выжрал больше меня в четыре раза) закрыл лицо ладонями, откинулся на стуле и сказал:

– Нет, так дело не пойдём. Мне плохо. Я должен принять ванну. Выпить чашечку пива... Я долго не буду, – Глеб встал и ушёл в ванную.

– Видала синечище, – со значительным видом, продемонстрировал я Марте свою боевую травму. – Полчище фашистских полицаев набросилось на меня, чтобы упечь в застенки. Но меня так просто не возьмёшь. Не-хе-хет...

– Я же видала всё по телевизору.

– И то, как я поскользнулся около памятника?

– Ты как раз выпал из кадра в этот момент, но догадаться было можно.

– Ну, ладно. Пойду собираться.

Я быстро оделся и решил подождать Стальского за чашкой кофе, но проходя мимо зала, был позван Мартой.

– Смотри, кто у меня есть, – Марта держала в руках крысу расцветки «корова».

– Ой! Это ты свою привезла или здешнюю поймала?

– Смешно, умник. Познакомься: это Адольф.

– Как-то неудобно звучит, учитывая ваше с Глебом происхождение. Или вы потом ритуально уничтожите Адольфа?

– Вот ещё! Я люблю моего Адольфа. «Ph» в конце имени.

– Оу!.. «Ph», – тогда ладно.

– Хочешь подержать? На!

Я взял из рук Марты крысу. Я люблю всех животных, крыса тоже живая душа.

– Какие смешные лапки, – приблизил Адольфа к глазам я. – Пахнет как щенок.

Крыса вцепилась своими смешными лапами в мои очки и не желала отпустить. Пришлось временно отдать очки Адольфу.

– Знаешь, они очень умные, – Марта вопросительно посмотрела на меня.

– Да, знаю. Именно эту породу умных крыс ловили на мелком мошенничестве в московской подземке, – я без тени улыбки смотрел на собеседницу; изображение в отсутствие очков было нечёткое.

– Да, я так тебя себе и представляла, – задумчиво произнесла Марта. – Когда Глеб упоминал тебя. Редко. Я имею в виду не внешность, а манеру...

– Для меня это неожиданность, право. А что ты в этот момент делала, когда меня представляла? Принимала ванную? Готовилась ко сну? Трогала себя?

– Давай сюда Адольфа, – она взяла у меня из руки крысу.

Адольф по-прежнему сжимал в лапе дужку моих очков.

– Отдай дяде очки... Отдай-отдай, Адик. Дядя без них ничего не видит, опять промахнется мимо унитаза...

– Это не я! Это Стальский с высоты своего птичьего полёта попасть не может! – возмутился я.

– Да-да, отдай, мой хороший...

Разговаривать с животными как с детьми – не глупо, глупо – разговаривать с животными как со взрослыми.

В двенадцать часов пополудни мы со Стальским уже сдали обещанную тысячу экземпляров в «Фанерный Пейзаж» и думали над тем, куда пристроить оставшиеся полторы тысячи.

– Мы вчера пустили по ветру, в прямом смысле, пятьсот экземпляров? – сообщил Стальский, когда мы сидели в «шесть девять» на парковке «Пейзажа».

– Плюс-минус, – подтвердил я.

– Теперь куда?

– Давай по сотне штук закинем в каждое заведение, о котором писали. А что делать? Шубе сотню отгрузим, заодно бабки с него стрясём.

– Давай, сейчас пробки только, – Стальский откинулся на пассажирском сиденье и надел очки.

– Эй, ты что? Спать собрался? – я возмутился таким поворотом дел.

– Да, а что такого? Разбудишь, когда доедешь до первой точки. Или сам сбегашь – отнесёшь, потому что пожалеешь меня и дашь выспаться.

К восьми часам вечера у нас на руках оставалось около ста экземпляров La Critic'i. Стальский, посвежевший после продолжительного сна, курил в окошко, время от времени высказывая предположения о том, куда закинуть остатки тиража.

– У меня есть идея о том, куда пристроить последнюю сотню, – уверенно сказал я.

– И куда? – заинтересованно спросил Глеб.

Я, зевая, ответил:

– Вечером расскажу, заодно подробности обсудим. Я выйду около метро, – Ксю что-то вкусное покурить достала, – съезжу. Ты уже могёшь рулить?

– Ага, – тоже зевая, ответил Глеб.

Мы порядком устали. Я надавил рычаг, и кресло «шесть-девять» отъехало назад до упора. Я открыл дверь и вышел, махнув Стальскому на прощанье.

Час назад, как раз когда я покидал машину, чтобы отнести очередную стопку газеты в очередное заведение, позвонила Ксюша и попросила прощения за вред, причинённый моему

телу её сигаретой. Она сказала, что негоже умным людям расставаться подобным образом, и пригласила на чай. Я сделал вид, что вовсе на неё не злюсь за тот эпизод и принял приглашение. М-да, журналистские факультеты всех университетов мира – рассадники всякого рода вкусняшек.

В одиннадцать вечера я был уже дома. В комнате у Марты горел свет, а Глеб – я так понял – снова ужрался вусмерть и находился в своём жилом помещении. Дверь зала приоткрылась, – из щели показалась половина лица Стальской.

– Эй, Марта, – сказал я.

– Эй, Вадим... – ответила Марта, открывая дверь нараспашку.

Я решил, что это приглашение зайти поболтать, и не ошибся. Заняв своё кресло, сделал глубокий вдох:

– Марта, я хочу сказать тебе спасибо. За то, что приехала за нами в отделение полиции. За то, что ты выказала обеспокоенность нашей судьбой. Моей судьбой. Я немного подзабыл те ощущения, которые испытываешь, когда кто-то о тебе тревожится. Надеюсь, я тебя не смутил, говоря всё это?

Пока я произносил речь, Марта ходила по комнате, не находя себе места; затем прислонилась попой к подоконнику и скрестила руки на груди. Эта поза выдавала желание защититься, но выражение лица не соответствовало ей; подробностей происходившей внутренней борьбы я разглядеть не мог, поскольку плохо знал объект. Я набрал в лёгкие воздух и разразился следующей речью:

– Твой брат для меня – особенный человек. Мне нравится всё, к чему он прикладывает усилия, и даже если он, ну, скажем, начнёт мазать стены своими кашками, и меня спросят, что я по этому поводу думаю, – я отвечу: «Не суйтесь. Парень знает, что делает»...

– Что конкретно ты хочешь сказать, Вадим?

Я, излишне жестикулируя, предпринял попытку объяснить:

– На самом деле речь идёт о тебе... Решив быть с тобой с самого начала откровенным, скажу, что, из-за твоего брата, отношусь к тебе предвзято хорошо, но, без всякого сомнения, ты стоишь гораздо больше всех мыслимых авансов.

Марта в течение нескольких секунд внимательно смотрела на меня, затем спросила:

– Ты сильно обкурился?

– Порядком, – серьёзно и грустно проговорил я, а в следующее мгновение согнулся пополам от смеха.

Марта тоже смеялась, естественно, надо мной. Нам как будто было легко друг с другом. Мне было легко.

Я предложил приготовить чего-нибудь на скорую руку. Марта приняла идею с энтузиазмом.

После еды наступило умиротворение.

– Ты вкусно готовишь, – сказала Марта, откинувшись на спинку кресла. – Я помою посуду.

– О, спасибо, ты отлично моешь посуду, – хихикнул я, но смеяться дальше больше не хотелось.

Марта ушла с тарелками на кухню. Я включил телевизор.

«Митинг оппозиции прервало неожиданное появления...» – мы не платили за антенну, поэтому телевизор ловил плохо. – «...В итоге выяснилось, что это были представители независимой газеты, которая называется «Ля КриИтика».

– «Ла КриИка», идиоты, – прошептал я.

«В содержании номера не выявлено материалов оппозиционного характера...» Вернулась Марта. Я выключил звук.

– И почему вы подружились? – без всякого вступления спросила Марта.

– А... Мы подружились? Разве?.. – я размышлял над её вопросом. – Ответов может быть много. Например: я нуждался в сильном и смелом партнёре, мне импонирует образ мыслей Глеба, мы сошлись на общей страсти к саморазрушению, мы оба считаем себя лучше других людей, мы оба любим роскошь и декаданс, мы оба внутренние нарциссы, мы оба желаем оставить след на Земле. А зачем Глеб общается со мной, я не знаю. Скорее всего, это взаимовыгодные, взаимозависимые отношения. Подробности его ощущений лучше спросить у него лично.

– Хм...

– И именно Глеб, а не кто-либо другой, донёс до моего сведения, что «умолять» и «умалить» – два разных слова, – закончил я.

– «Донёс до твоего сведения» значит?.. – Марта встала с кресла, но сразу снова села.

Я почувствовал недоговорённость и спросил:

– Говори, что хотела.

– То есть ты признаёшь, что вы с Глебом не дополняете друг друга?!

Мне показалось странным, что Марта злится; повода вроде нет.

– Признаёшь, что вы не уравниваете недостатков друг друга?! – пояснила свою мысль Марта. – Понимаешь, что стоите вдвоём на одном опасном участке тонкого льда?!

– Ну, возможно... А что такое-то? В чём собственно проблема? – я недоумевал и побаивался усилить гнев Марта; право же я такой трус.

– Это уже полдела, – немного успокоилась Марта.

– А вот что: я – трус, а Стальский – смельчак, – привёл я аргумент в пользу благоприятного сценария развития событий.

– Ц-ц... – покачала отрицательно головой Марта. – Ты – не такой уж трус, а Глеб – не такой уж смельчак.

– Спасибо, конечно... – я глупо ухмыльнулся и попытался вернуть какую-то шутку, но Стальская не дала этого сделать.

– Молчи. Вы сидите на одной стороне качелей, а в таком случае кататься невозможно, – Марта надавила указательным пальцем на подлокотник кресла, как бы усиливая акцент на слове «невозможно».

– Окэ, на другую сторону качелей можешь сесть ты, – я услышал собственные слова как бы со стороны и удивился им.

– ?..

– Я говорю...

– Я собираюсь уехать к родителям. Насовсем.

– Вот и хорошо, – ответил я. – А пока не уехала – побудешь с нами... Э!.. С газетой.

На некоторое время воцарилось молчание. Я думал о том, что выдал слишком рано своё желание не расставаться с Мартой. Потом я заговорил снова:

– Мы со Стальским не столько друзья, сколько партнёры. Уверен: он думает примерно так же.

– ?..

Мне положительно нравилось удивлённо-скептическое выражение лица Марты. Мне положительно нравилась Марта вся. Я снова включил звук.

«И к другим новостям: в Россию официально приходит марка Smart». Выключил звук. Марта печально вздохнула.

– Я хорошо знаю своего брата... – она замешкалась. – Насколько я знаю своего брата, – он не так-то просто сходится с людьми. Мягко говоря, не так-то просто. По-правде сказать: он вовсе не сходится с людьми. Его презрение к людям не знает никаких границ. Да. Он поссорился с родителями раз и навсегда ещё в раннем детстве. Поверь, это не сильное преувели-

чение. Всю свою жизнь Глеб пытается оттолкнуть и меня. Я – последний оплот его связи с внешним миром. Была...

– Мило...

– Глеб – опасный человек. Опасный прежде всего для самого себя. Ты должен это знать.

Ты и так знаешь.

Я утвердительно покачал головой.

– Что между вами произошло. Всё равно должна быть какая-то причина того, что Глеб тебя отталкивает, – я коснулся темы, которой касаться не хотел; по крайней мере, в обозримом будущем.

Марта вполне искренне задумалась. Я стеснялся просвечивать её своим внимательным взглядом, но не удержался от этого. Вроде, она не пыталась меня обмануть.

– Я не могу припомнить что-то конкретное. Микроскопические семейные обиды, каких полным-полно у каждого. Ничего стоящего.

Я отвёл взор. Марта уловила моё недоверие.

– Ты не там копаешь, – с укоризной сказала Стальская.

– Да нет!.. Я-то что... Мне нет дела... Наверное, – я деланно равнодушно махнул рукой.

Марта умерила пыл и сменила тему:

– Ты мне говорил, что относишься ко мне предвзято хорошо, потому что я – родная сестра Глеба Стальского. Эти самые слова я могу адресовать тебе. Раз Глеб выбрал тебя, – это что-то да значит. Вадим? – Марта подумала, что я утратил нить разговора, потому что последние полминуты отвлечённо смотрел в пол.

– Да-да, слышу. Спасибо. Займёмся сексом или любовью? На твой вкус. Как скажешь, – я подло улыбнулся.

– Гадёныш. У нас серьёзный разговор! – Марта встала и с улыбкой вышла из комнаты.

Через минуту Марта вернулась уже в гневе и, не присаживаясь, резко сказала:

– Ты и Глеб, который в данный момент, как пыль, лежит на полу в своей комнате, – две сигнальные ракеты, вспышки в ночном небе; что вы хотите осветить ценой своей жизни?! Истину?! Или просто мгновение повисеть в небе, а потом спикировать в бездну?! Выметайся из моей комнаты, я хочу спать.

Я поднялся с кресла и вышел.

**Я думал то что мы висим на фонарях, а
мне сказали то что мы забиты в папиросу**

А. Васильев

Глава о невозможности как сумме всех возможностей

Полдень третьего мая я встретил в компании Розы. Она позвонила рано утром и настояла на личной встрече, чтобы обсудить нечто «очень важное и нетерпящее отлагательства». Возможно, если бы она дала мне выспаться, то исход был бы более благоприятен для неё, а может и нет. Кто такая Роза? «А-а-а!..» – зеваю.

– Всё подобное наследие лихих девяностых тщательно изучается. Тут и налоговая...

– А кто ещё?

Меня ещё в детстве раздражала Роза Сабировна. Не знаю как раньше, но сейчас от неё толку как от молитвы. Почему я её ещё не попросил убраться с моего жизненного горизонта? Я знаю, что она рассчитывает на солидное вознаграждение в случае успеха, но успех мог прийти или не прийти, и это никак не зависело от её профессионализма.

– А кто ещё? – снова спросил я, когда не дождался ответа.

– Тут и налоговая, – с упорством барана продолжила Роза Сабировна, – «Откуда у пенсионерки деньги на четырехэтажный домик в ближайшем пригороде?» Ясно дело: какой-то делец

оформил на бабушку хоромы, чтобы не платить по полной. К тому же, Вадим, ходят слухи, что эту территорию хотят застроить многоэтажками. Считай: пять минут езды от Чудино; двадцать минут до города. Местные жители подписи-шмодписи собирают... на имя президента. Он, конечно, до перевыборов что угодно пообещает. А потом? Эх! – она махнула рукой в сторону.

Собеседница отпила кофе.

– Откуда у пенсионерки такие хоромы?.. – чтобы растоптать тишину, снова повторила старая адвокатесса и отделила от чизкейка кусочек.

У меня зазвонил телефон. Номер скрыт. При других обстоятельствах я бы заволновался, но сейчас мне хотелось, во что бы то ни стало, хоть на время, прервать беседу со старой деловой партнёршей моего отца. Я молча встал из-за стола и вышел на улицу, оставив Розу дожидаться.

– Алло, – сказал я в трубку.

–

– Что?!

–

– Как же...

–

– Я могу быть уверен?..

–

Вернулся в кафе и сел за стол. Собеседница подхватила прежнюю тему.

– У застройщика сложности не столько с домовладельцами, сколько с детским домом. У детского дома огромная территория. Но скоро и этот вопрос решится.

Я слушал вполуха, а мог бы не слушать вовсе, – ведь всё, что говорит сейчас Роза Сабировна – чистейшей воды вода. Клянусь: она надеется на то, что я совсем тупой, и ждёт подходящего по её мнению момента, чтобы рассказать о настоящей цели нашей встречи. А сейчас у меня звонил телефон. Это был какой-то мужчина, который добрым голосом посоветовал послать старую аферистку куда подальше, потому что «проблемы с оформлением наследства на дом разрешаться благополучно в кратчайшие сроки». «Крутись-вертись», – мысленно повторил я последние сказанные им слова. Я не был склонен верить анонимам из телефонной трубки со скрытого номера, но данный мне импульс как нельзя лучше соответствовал моему сейчас умонастроению. Решение было принято, осталось найти момент, чтобы его озвучить. Вообще мы оба ждали «подходящий момент».

– А куда детей? – не слишком заинтересованным тоном спросил я.

– Да какая разница?! Отправят на Луну, усыновят, растворят в кислоте, раздадут однополым парам... Целый район высотных домов! Тысячи квартир! Миллионы квадратных метров жилья. Этот посёлок обречён на «девелопмент».

– И что делать? – у меня не осталось сомнений, что Роза Сабировна меня разводит, но в какой-то части её доводы были состоятельны.

– У меня есть человек, который купит твой дом. Конечно, не слишком дорого, но зато за гораздо более приличную сумму, чем ту, которую предложит застройщик, когда придёт время.

– И за какую сумму этот ваш знакомый?..

– Два с половиной миллиона.

На моём лице отразилась полифония чувств; все они были негативные. Роза Сабировна набрала в лёгкие воздуха, чтобы заговорить, но я заговорил первый:

– Мой дом стоит минимум двадцать пять миллионов, – скрывая гнев, чётко проговорил я.

– Помилуй, Вадим! – с искусственным смехом запротестовала Роза Сабировна. – Мы с твоим отцом...

– Мой отец погиб, а мой дом стоит двадцать пять миллионов рублей, даже сгоревший дотла... он стоит двадцать пять миллионов. Я не хочу вас обижать, но вы видимо плохо знали моего папу, если думаете, что сумеете развести его сына, как предпоследнего лоха.

– Вадимчик...

– Как говорится: вы уволены, – спокойно и с облегчением сказал я, положил на стол пятьсот рублей в оплату счёта и ушёл.

Через несколько дней я зарегистрировал право собственности на загородный дом и землю в границах его ограды, предварительно оплатив все долги за коммунальные услуги.

На вечер сегодняшнего субботнего дня (так можно сказать?) была назначена спецоперация по пристраиванию последней сотни первого номера La Critic'и. Я рассказал о нём Стальскому, и он сразу же отказался принимать в нём участие, ввиду «полной маразматичности идеи! Даже для тебя, Аронов!..» Но потом я начал ныть и жаловаться на безынициативность остальной часть команды, тыча пальцем в грудь Глеба, и он согласился.

Для претворения идеи в жизнь нам требовались: стриптизёрши – две штуки (расходы на оплату труда которых я, конечно, брал на себя), промилле в крови – для смелости и куража, кое-какой реквизит из имеющегося в нашей квартире театрального утиля; ещё хотелось бы, чтобы «шесть-девять» довезла (и увезла) нас до крупнейшего в нашем городе караоке-бара, где мы устроим перформанс с одновременной раздачей посетителям газеты и последующим разоблачением нашей маги... нашего дурновкусия. Последнее не обязательно.

Как я и ожидал, Глеб снова пожелал озвучить план действий:

– Мы наряжаемся в сюртуки и визитки персонажей Евгения Онегина, едем в караоке, ты поёшь что-то несоответствующее моменту с двумя стриптизёршами на подтанцовке, а я в это время раздаю La Critic'у недоумевающим и смеющимся над нами гостям. И возможно кто-то будет снимать всё это позорище на телефон, чтобы потом выложить в Сеть. Я всё правильно пересказал?

– За исключением одного единственного нюанса, да, – ответил я.

– Какого нюанса?

– Я буду пьян.

Марту не стали посвящать в подробности, чтобы она окончательно не утвердилась в мысли о нашей невменяемости. Выезд назначили на полночь. «Как раз то волшебное время, когда твои мозги превратятся в тыквенную кашу», – остроумно заметил Стальский. В половине первого – по дороге в караоке «Позолоченный Микрофон» – мы должны были забрать знакомых глебовских стриптизёрш, но в последний момент – когда мы уже сели в «шесть-девять» и даже завели двигатель – они позвонили и соскочили с темы под предлогом сильной загруженности в субботнюю ночь. Главный стимул посетителей караоке смотреть на сцену испарился. Мы сидели в дореволюционных нарядах в почти дореволюционном транспортном средстве и не знали что предпринять.

Невдалеке, на первом этаже соседнего дома был бар и лотерейный клуб. Около этих двух точек притяжения сейчас толкалась местная гопота и алкашня, – не иначе собрание акционеров этих двух коопераций. На лавочке, подпирая друг друга боками, сидели два весьма и весьма колоритных алкобомжа, которых было тяжело отличить по половому признаку друг от друга. Я вышел из машины и подошёл к ним. Стальский тем временем отвинтил окно, чтобы слышать то, что я им говорю. Я сказал следующее:

– Милостивые господа, не знаете ли кого-нибудь, кто желал бы срубить по пятихатке на рыло за час несложной творческой работы? И немного крепкого спиртного прямо сейчас в качестве пролога.

Оба деграданта, как примерные ученики, подняли руку. Меня всегда восхищала молниеносная понятливость, остроумие и глубокая эрудиция этой прослойки граждан. Скажи я на одном дыхании нечто витиеватое какому-нибудь менеджеру среднего звена, у него тотчас бы произошёл сбой в мозгу, и обращённые к нему слова представились бы просто набором звуков. Эти же господа не только мгновенно разглядели во мне человека, с которым можно вести

дела, но и проанализировали вероятный характер предлагаемой им работы; каким образом? Да хоть по моему внешнему виду. Намётанный глаз сразу разглядит во мне человека, вращающегося в театральных кругах, или сбежавшего из дурдома, – я же был не только в сюртуке, но и в цилиндре. Я объяснил им драматургию, они согласились с режиссерским замыслом, и сделка была заключена. Естественно им не нужно было раздеваться под музыку, достаточно просто подтанцовывать в ритм, как умеют только они. По рукам (образно говоря) ударили. Я тут же занял очередь в зарешёченное окошко бара, чтобы купить огненной воды для вдохновения, себе и новым коллегам. Через четыре с половиной минуты дошла моя очередь, и я купил две бутылки водки-с, а также две коробки апельсинового сока. Пока стоял в очереди, кто-то позади меня вновь вошедшему сказал: «Я за тем парнем, который за мсье Сваном», имея в виду меня; это заставило меня вспомнить Сергея Довлатова, некогда стоящим в очереди за пивом в костюме Петра Первого, а также в очередной раз удостовериться в феноменальной начитанности некоторых конченных алкашей.

Почти весь путь до «Позолоченного Микрофона» мы с Глебом проехали высунувшимися из окна, чтобы не задохнуться насмерть от аромата наших новых коллег.

Когда Стальский парковал машину около караоке, я уже был в состоянии полной готовности к спектаклю, – осушил треть бутылки; и пару глотков сока не забыл сделать. Нашим артистам пить их угощение, до отработки номера, было строжайше воспрещено, – ведь все мы знает: что становится с алконавтом после первого же глотка, а мысль о водяре-с подхлестнёт их творческий порыв. Глебу мною была выдана сумма наличных средств в размере десяти тысяч рублей купюрами по тысяче и пятьсот, которые он должен был тратить с умом на следующие цели: первое – по тысяче в карман каждого охранника, который будет не пускать в заведение нас или наших ручных бомжей; второе – тысячу (не больше) администратору, который будет чинить нам препятствия внутри; третье – пятьсот или тысяча сверх таксы – за возможность исполнить песню без очереди!

Когда мы прошли охрану, потратив при этом всего полторы тысячи, я уже перестал воспринимать пространство-время в обычном ключе, – я впал в то состояние, которое сам у себя обнаружил постфактум, когда мы раздавали газету на политическом митинге около Храма.

Фрагменты: все или почти все места заняты, яркие огни сцены, вонь от моих «танцоров», я говорю в фонащий микрофон: «Пока мой коллега раздаёт вам первый номер уже ставшей легендарной газеты «La Critica» – tica-tica... я исполню для вас песню одной малоизвестной североамериканской певицы по имени Бритни Спирс; песня «Overprotected»!»

**Ведь в начале никто не знает, кто он:
извращенец или поэт, или сноб, или злодей
М. Пруст**

Глава о «сомнениях грызущих, которым всякий не рад», а также о том, что Сицилия ближе, чем мы думаем

Стыд, похмелье, сомнение, робкая надежда, страх, ещё немного стыда, – такие ингредиенты составляли коктейль ощущений следующего дня после описанных выше событий. Это что касается моих чувств. Насчёт Глеба я не был уверен.

Вообще до среды следующей недели я прожил в каком-то анабиозе. На работу меня не вызывали, необходимости выходить из дому у меня не имелось. Стальские уходили и приходили, а я не шевелился. Наконец, в четверг ближе к обеду позвонила редактор строительного журнала и дала задание на пятницу, а также просила зайти в редакцию после того как я закончу интервью. И строительная фирма и наш офис находились в центре, так что я пообещал забежать, как только запишу на диктофон бредни представителя очередной строительной конторы.

Пятница; около трёх часов дня.

– Вадим Афгандилович...

– Да-да, – я был в приподнятом настроении. – Да-да, Алина Ильдаровна.

– Вадим, это было ваше последнее задание, – робко промолвила редактор.

Я открыл от удивления рот.

– Как?!.. Вы меня увольняете?! Что ж... – я был растерян.

– Нет-нет! Конечно, нет! – запротестовала Алина.

– А! Вы меня НЕ увольняете! – обрадовано и ещё более растерянно сказал я.

Я в конец запутался.

– Мы закрываемся, – грустно и торжественно, как над гробом хорошего человека, сказала Алина Ильдаровна.

На моём лице застыло не подлежащее классификации выражение. Алина смотрела вниз.

– Так вы... мы... журнал закрывается?! – заговорил я.

– Да, – дрогнувшим голосом сказала Алина.

– Мне очень жаль, – искренне сказал я.

Алина молчала. Я решил, что мне пора убраться. Вдруг Алина снова заговорила:

– Сейчас никто не выживает. Ни «бумажные», ни «электронные». Девяносто девять из ста СМИ обречены на закрытие. Никто не в плюсе. Такие дела... – Алина подняла на меня свой очкастый лик. – Даже старым знаменитым изданиям приходит конец.

– Да... Времена... сейчас... такие. Кризис... – я старался вытянуть грустную ноту, но мною овладело противоположное настроение; я думал о малышке La Critic'е и той судьбе, что уготовили ей звёзды. – Я тогда пойду. Не грустите.

Я начал вставать, но внезапный порыв моего – теперь уже бывшего – главного редактора заставил меня вновь приземлиться на кресло.

– Хочу сказать, что мне было интересно работать с вами, Вадим! Интересно и поучительно. Вы, без всякого сомнения, талантливейший в своём роде журналист, с каким мне доводилось иметь дело, – глаза Алины за стёклами очков быстро моргали.

– Спасибо на добром слове, Алина. Вы мне тоже нравились. Прощайте, – я встал.

– И ещё кое-что, – быстро проговорила Алина. – Вами интересовались.

– Кто?! – неприятный холодок пробежал у меня по ногам.

– Не знаю точно, но предварительно мне позвонил наш учредитель и велел ответить на любые вопросы этих людей.

– Каких ещё людей?

– Это были двое мужчин. Один со мной не разговаривал, а говорил на ухо тому, кто помоложе. А тот, молодой, задавал вопросы мне. Они спрашивали о вас. Скопировали на флэшку все статьи, которые вы успели написать; даже черновые варианты ваших статей. Вадим, вы ведь помните, что я всегда просила выпускающего немного переделать изначальный текст, чтобы он был не такой... не такой...

– Я понимаю, Алина Ильдаровна, – я посмотрел вдаль и потрогал нос.

– Я бы сказала, что этот, – тот, что моложе – знает не понаслышке о журналистской деятельности; он с лёгкостью оперировал специальными терминами и понятиями... Язык подвешен. Задавал вопросы о вашем журналистском потенциале. Спрашивал: какие темы, по моему мнению, вас интересуют как журналиста. Вообще так.

– Вот как?! И что же вы ответили?

– Я не стала скрывать тот факт, что вы – опять же, по моему мнению, я могу и ошибаться, – на полном серьёзе не интересуетесь ничем, но можете написать практически о чём угодно, чтобы это было интересно читать; я им сказала, что вы эрудированный человек и умеете углубляться в тему; я им сказала, что вы – мастер стилизации. Да! Я так и сказала: «мастер стилизации». Но, наверное, было правильнее сказать «мастер нарочитой реминисценции». Я

ничего не имела в виду плохого, поверьте мне, – Алина сняла очки и начала тереть глаза; вид у неё был затравленный.

– Я понимаю, – сказал я, хотя вряд ли понимал.

Алина вновь надела очки.

– Да. А тот, что постарше, очень похож на какого-то служащего.

– В смысле чиновника?

– Нет-нет. В смысле сотрудника силового ведомства. Мне так показалось. Они припарковались прямо напротив дверей редакции; а тут парковаться нельзя, – здесь работают эвакуаторы. А их машину не забрали, хотя они минут тридцать у меня находились. Вот я и подумала: наверное, какие-то ответственные сотрудники. Они, конечно, не показывали документов. Я и не настаивала, ведь учредитель велел оказать полное содействие.

– А кто ваш учредитель, если не секрет? – я должен был вытянуть по возможности максимум информации.

– Не могу сказать. Он имеет отношение к строительству, но о каких-то конкретных его проектах мне не известно.

– А не припомните, что за автомобиль был у тех двух мужчин? – потянул я за последнюю ниточку.

– Чёрный внедорожник. Как его... Ланд... Рандж...

– Лэнд Ровер Рейндж Ровер?

– Да! У моего дяди такой.

Я помялся с ноги на ногу; мне было неловко допрашивать Алину, а с другой стороны, я просто обязан узнать больше, потому что это в наших со Стальским интересах.

– Может быть ещё что-то?.. – смущаясь, спросил я.

– «Крутись-вертись», – задумчиво сказала Алина.

– Не понял.

– Такая особенность: несмотря на грамотную речь молодого, он несколько раз использовал этот жаргонное выражение. «Крутись-вертись». Мол, чтобы что-то заработать, надо «крутиться-вертеться». И ещё: «Хочешь быть хорошим журналистом, репортёром – крутись-вертись». Непонятно, что он имел в виду? Крутиться в определённых кругах? Вертеться на... Не знаю.

– А!.. А камер у вас тут нет?

– Нет.

По дороге домой – в метро – меня начали посещать неприятные мысли. Мысли эти были о том, что второй номер La Critic'и при всём усердии не будет и наполовину так же хорош как первый, если вообще считать первый выпуск хоть в каком-то смысле хорошим. Что-то мне подсказывало, что мы истратили все силы. Оказалось, что у нас совершенно не было плана на будущее. Не было вектора. Не было идей. Нам в голову не пришла ни одна мысль о том, что же мы, чёрт возьми, будем писать во втором номере! Сегодня девятое число. Погода чудесная, это да. Май, как-никак. Моя станция, конечная.

Часам к восьми все были уже дома. Крутились на кухне, перекидывались ничего не значившими фразами, шутили, посмеивались. Приготовили ужин. Съели ужин. Помыли посуду. Даже вытерли помытую посуду чистым вафельным полотенцем. Глеб скрутил свою папироску, выкурил её. «Может чего-нибудь?..» – спросил кто-то из нас мужчин. «Да, давай чуть-чуть», – ответил другой. Мы выпили по коктейльчику, потом чистоганчиком. Стало очевидно, что мы напряжены и недоговариваем об одном и том же. Стало понятно, что нас беспокоят одни и те же мысли. Что делать дальше? Делать ли что-нибудь дальше? В каком духе продолжать? В том же? Я что-то вякнул про газету. Глеб мотнул головой, выдав своё раздражение. Я, то

ли в шутку, то ли в полушутку сказал что-то типа: «Марта-то – юрист, всегда пригодится. Возьмём твою сестру в долю...»

– В какую, нахер, долю?! – взорвался Стальский. – Ты много прогуливал математику. Не знаешь, что на ноль делить нельзя. И ноль на три: получится ноль!

Стальский покраснел от злости.

– Чёрт возьми, Стальский, не будь таким пессимистом. Я в толк не возьму: ты так сестру ненавидишь или совершенно не веришь в успех нашего предприятия? – я говорил вкрадчивым голосом, чтобы не спугнуть правду.

– А что, это взаимоисключающие вещи? – стараясь не орать, спросил Глеб.

Переводить всё в шутку было уже поздно. Пора было начать называть вещи своими именами.

В этот момент в кухню, где мы совещались, зашла Марта. Я, изображая благодушного дурачка, воскликнул:

– А, Марта-Крошка, вот и ты! У меня... Точнее у нашего предприятия под названием La Critica для тебя кое-что есть. А именно: зарплата! У-ху!.. Ты рада?

Я сбегал в прихожую, засунул руку во внутренний карман пиджака, потом в другой, и извлёк свой портмоне. Вернулся на кухню.

– Вот, получи за свою работу среднюю по стране зарплату: двенадцать тысяч рублей, – я положил перед Мартой деньги.

Марта посмотрела на Глеба обречённым взглядом, а потом – совершенно без хвастовства – сказала:

– В прошлом месяце я заработала в десять раз больше, и это был плохой месяц.

Я не знал, что говорят в таких случаях, поэтому сказал следующее:

– Жизнь такая штука, как американские горки. Правда во всём мире их называют «русскими», – и это, на мой взгляд, более подходящее название... Может в следующем месяце будет лучше, – я почувствовал себя дураком и замолчал.

Глеб улыбался улыбкой больше похожей на судорогу. Я и он поняли, что мы потратили весь энтузиазм на первый номер; весь энтузиазм и уйму денег; а заработали всего пятнадцать тысяч с «Фанерного пейзажа» и тридцать с Шубы (мы таки содрали с него тридцатку). «А что ты думал?! Всё так просто?!» – хотел сказать каждый из нас другому, но не говорил. Марта взяла деньги со стола и сказала: «Ладно». В дверь позвонили. Мы не двинулись с места. В дверь позвонили ещё раз. Я сказал: «Пойду, поставлю стирку». Глеб сказал: «Я у себя». Мы с Глебом знали, что как только снова окажемся в одном помещении, то сразу должны начать говорить о том, как бы свернуть наше предприятие. Мне было стыдно за всё и перед всеми. А вообще-то это был крах. Да-да. Больше всего на свете я сейчас желал... Нет, не того, чтобы наша газетка дожила до второго номера, а того, чтобы остаться другом Глебу Стальскому. О Марте я даже не смел мечтать. Никакой цинизм не победит надвигающееся на меня одиночество. Я был уверен, что мои дни сочтены. Я слегка потерялся в пространстве, потому что обнаружил себя в дальнем приделе прихожей смотрящим в угол. В моей голове звучали слова царя Василича:

*«Если не сбылась мечта,
Это, пупсик, неспроста,
Слѣ-ѣ-ѣ-зы и кро-о-о-о-вь-б-б-б-б...»*

Но мне не легчало.

В дверь снова позвонили и одновременно застучали; вроде бы даже ногой.

– Может посмотрим кто там? – откуда-то донёсся голос Стальской.

– Да. Я гляну; хуже не будет, – крикнул я и пошёл открывать.

«Чик-чик», – сказал дверной замок. «Ы-ы-ы», – скрипнула дверь. Во мраке нашего подъезда стояла женщина. Она сделала шаг внутрь, и я узнал Сицилию Владимировну.

– Я думала, вы никогда не откроете, – нейтральным тоном произнесла она.

К тому времени, когда она сказала своё первое предложение, в прихожей уже стояли брат и сестра.

– Я пришла, чтобы предложить вам сотрудничество, – промолвила Сицилия, стоя посреди прихожей. – Где мы можем присесть и поговорить?

Мы все трое жестами указали в направлении конференц-зала тире гостиной. Сицилия проследовала в указанном направлении, а мы, переглядываясь, зашли следом.

Кое-как рассевшись, мы приготовились внимать. Как ни крути, неожиданный визит Сицилии Владимировны жутко интриговал. Наша гостья окинула взглядом комнату и спросила:

– В квартире только вы трое?

– Да-да, – заверили мы.

Гостья секунд двадцать прислушивалась к тишине, а потом заговорила:

– Мы связались с вами не для того, чтобы заказать рекламную статью для «Фанерного Пейзажа».

Мы трое покивали, как бы давая понять, что эту часть повествования мы усвоили и ждём продолжения. Сицилия продолжила:

– Нам было важно понять: умеете ли вы излагать материал доходчиво и в нужном ключе. Из статьи о «Пейзаже» этого, конечно, было не выявить, а вот статья о директоре нам понравилась.

Я заёрзал, потому что статью о директоре писал я.

– Да, я знаю, что это писал ты, – показала ладонью на меня Сицилия Владимировна. – Твоя стилистика узнаваема. Мы прочитали все статьи, которые ты написал для строительного журнала, и единогласно решили, что это как раз то, что нам нужно.

Мы с Глебом набрали в лёгкие воздух, как бы намереваясь задать уточняющие вопросы, но Сицилия жестом попросила подождать и продолжила говорить:

– Я предлагаю вам следующее: устный контракт приблизительно на два года, плюс-минус пара месяцев, оплата помесечная. Вы – дальше выпускаете вашу La Critic'у, пишете о чём душе угодно на первых трёх страницах, а на всей четвёртой странице размещаете наш материал. Материал этот будет состоять из: текста, который будешь писать ты, Вадим Аронов, и фото, или двух фото.

Я оттопырил указательный палец, подыскивая слова для формулировки вопроса, но Сицилия вновь жестом призвала нас к терпению.

– В течение месяца от меня Вадим будет получать конверт с материалом – информация о конкретной персоне, – фото, текст, может аудиозаписи, может иногда видеозаписи. Я на словах, то есть устно, буду тебе рассказывать всякие неблагоприятные моменты в биографии вышеозначенной персоны. Разные всякие компрометирующие этого нашего героя месяца факты (или не факты, не важно), буду расставлять правильные акценты. Твоя задача, Аронов: на основании прочитанного, услышанного от меня и увиденного на экране компьютера, мобилизовав весь свой творческий потенциал, – Сицилия слегка усмехнулась, – написать статью. Статью о конкретном человеке. Каждый месяц – новый персонаж. Может, иногда, два персонажа в одной статье, не больше. Статьи, как вы уже догадались, будут носить компрометирующий характер.

По нашему виду было понятно, что мы желаем услышать самое главное. Сицилия Владимировна, устало вздохнув, сказала:

– За первую статью – это получается июньскую – миллион рублей. За следующую – больше на четверть. За четвёртую – ещё плюс двести пятьдесят. То есть, каждый месяц ваш

оклад будет увеличиваться на четверть миллиона рублей. По окончании контракта – щедрая премия. Оплата наличными. Никаких свидетельств того, что вы работаете на кого-то быть не должно; никаких материальных доказательств, никаких бумажных договоров и прочего. Выпустили номер – получили деньги. Выпустили следующий номер – получили следующие деньги. Никаких электронных переводов, никаких чеков, квитанций...

– А... – что-то хотел спросить Глеб, но, видимо, передумал.

– Что? – указала пальцем на Стальского Сицилия.

Глеб сделал жест, что вопрос снят. Установилось молчание. В моей голове крутились мысли. Одна из них была: за такую явно опасную работу нам могли бы предложить платить больше.

– Мы должны обсудить предложение, – сказала Марта, вставая, и сделала мне и Глебу знак следовать за ней.

– Она не с нами, – вяло запротестовал Глеб, показывая пальцем на сестру.

– С нами, с нами, – заверил я нашу гостью, делая ладонью оборонительный жест.

– Вы уж определитесь, – призвала нас к благоразумию Сицилия Владимировна.

– С на-а-ами, – протянул я, ставя точку в этом вопросе.

Глеб сделал жест, означающий, что он сдаётся, и мы проследовали за ожидающей в дверном проёме Стальской.

Мы прошли в комнату Глеба, вышли на балкон и закрыли за собой дверь. Так как Марта была инициатором совещания, то мы с Глебом молчали и ждали. Марта выставила перед нашими лицами по указательному пальцу, как бы фокусируя наше внимание на своих словах. Заговорила:

– Деньги – это деньги, но есть ещё кое-что, что мы можем требовать. Мы попросим оплачивать наши накладные расходы...

– Точно!.. – воскликнул я. – Тираж газеты!

– Не только, – проникновенным голосом сказала Марта. – Совершенно необходимо, чтобы нам оплачивали адвоката, дополнительное медицинское страхование, и... и...

– Бензин? – предположил Глеб.

– Да! Топливная карта! – воскликнул я, вспомнив о расходах, которые мы понесли на кормление Танка.

– Что-то ещё? – спросил Глеб.

– Не знаю, – ответила Марта. – Но топливная карта – это мелочно. Ни слова о топливной карте, поняли?

Мы покивали в знак согласия.

Я решил резюмировать наши условия:

– Итак: миллион рублей – наш оклад на троих, плюс...

– На первый месяц, – уточнил Глеб.

– Я слышала, что ректор нашего универа получает официальную зарплату – миллион, – сказала Стальская как бы для справки.

Я покивал и продолжил:

– Да-да, миллион рублей – на первый месяц, дальше – прибавка. Соцпакет, который в себя включает: дополнительное медицинское страхование со стоматологией, оплата адвоката и... и...

– Тираж, – подсказал Глеб.

– «Все расходы, связанные с выпуском газеты», – уточнила Стальская.

– Да-да... «Все расходы, связанные с выпуском газеты», – вслух для самого себя проговорил я.

– Программа! – выпучив глаза, сказал Глеб.

– Какая ещё? – спросил я.

– Лицензионная! – ответил Стальский.

– Точно! Чуть не забыли, – обрадовано проговорил я. – Молодец, что вспомнил.

Мы ещё постояли и подумали. Больше ничего в голову не приходило.

– Стало быть, мы согласны? – ради приличия, риторическим тоном сказал Глеб, когда мы выходили с балкона.

Что характерно: присоединение к нашей кооперации Марты Стальской произошло стремительно, бесповоротно, и инициатива исходила с её стороны.

Через три минуты в гостиной. Сицилия Владимировна, утвердительно кивая, повторила вслух условия нашей сделки:

– Миллион рублей наличными за первый месяц, оплата тиража и дистрибуции (а не «всех расходов, связанных с выпуском газеты», потому что нас не интересует содержание вашей газеты за исключением того материала, за который мы вам платим), оплата адвоката, рекомендованного вами, дополнительное медицинское страхование в качестве соцпакета, лицензионная программа «Вёрстка и издательство». Это приемлемые условия, – резюмировала Сицилия. – Напомните мне: сколько экземпляров был первый тираж La Critic'i?

– Э-м-м... Три тысячи, – ответил я.

– Да, три тысячи, – подтвердил Стальский.

– Теперь будет два миллиона, – сказала Сицилия как ни в чём не бывало. – Чтобы на всю республику хватило.

Мы трое потеряли дар речи; сидели и просто утвердительно покачивали головами. Во мне рос восторг, который я старался скрыть за маской бесстрастного профессионала.

«...быть может, самые изумительные шедевры нашего времени обязаны своим происхождением не Всеобщему конкурсу, не образцовой постановке дела в высших учебных заведениях, а частым посещениям ипподромов и многолюдных баров»

М. Пруст

(Красиво, но это опять же не про нас)

Глава о том, что всем и так известно: почему прогноз погоды ведут люди с неидеальной внешностью

Стоит ли говорить, что как только в нашу жизнь вошла Сицилия с её нескромным предложением, от творческого кризиса не осталось и следа. Мы с Глебом просто таки фонтанировали идеями для нового номера. Просто осыпали друг друга и Марту нетривиальными соображениями. Список персон, у которых возьмёт интервью La Critica для июньского номера перевалил за десяток в первые десять минут обсуждения. Примерно в этот момент пришла мысль подавать материал о приключениях Шубы не в виде текста, а в виде комикса, исполненного в жанре примитивизма. И всякое другое.

На следующий день примерно в два часа пополудни, на мой номер позвонила Сицилия и велела нам троим явиться к ней в офис для «обсуждения плана действий».

В четыре часа дня мы вчетвером уже заседали в её кабинете в «Фанерном Пейзаже».

– Вообще так, мои хорошие, – приступила Владимировна. – Одной из составляющих частей плана является ваша всереспубликанская популярность. И первым шагом к этому будет запуск на телеканале «Кефир» шоу с участием господ Стальского и Аронова. Вы обязаны быть не просто популярны, а любимы зрителями. Понимаете?

Мы не понимали, и по нашему виду это было очевидно.

– Зачем мы должны быть популярны? – поморщившись, спросил я.

– Почему нас должны любить? – задал более резонный вопрос Глеб.

Марта ничего не спросила. Сицилия посмотрела на Марту, потом перевела взгляд на меня и с досадой в голосе ответила:

– Да потому что вы будете писать компромат на уважаемых и известных людей! А чтобы вам поверили простые изб. . . читатели, вы должны нравиться людям. А как понравиться людям быстро и легко?

Мы пожалы плечами. Сицилия ответила:

– Через телевизор.

Мы сидели и переваривали информацию. Сицилия вновь заговорила:

– Я вам даю контакт вашего телепродюсера, – она достала из визитницы визитку и положила перед нами на стол. – Свяжитесь с ней не позднее двадцатого числа. Ваша задача: подумать над идеей телешоу. Если Даше – так её зовут – понравится ваша идея, она её реализует. Если ничего не придумаете, то за вас придумают. Но, я уверена, что вы что-нибудь предложите сами. Так ведь?

Мы молчали. У меня появился вопрос и я поднял указательный палец, чтобы его задать, но Сицилия предвосхитила его, сказав:

– Естественно, что занятость на ТВ оплачивается отдельно. Вот эта работа – по самому настоящему контракту. По настоящему бумажному подписанному контракту. Вы – медиаперсоны, которые выпускают собственную газету, и вам можно верить. Так-то. К тому же: хорошо известных широкой общественности персон не так-то просто уничтожить.

– Кхе. . . – кашлянул Стальский.

– Мм. . . – промычал я.

– Не волнуйтесь, ничего с вами не случится, – завершила Владимировна. – Заработаете денег своим талантом, – каждый мечтает о чём-то подобном. Не так ли?

Мы были в замешательстве, и не знали на какой вопрос ответить, и какой вопрос задать. Стальский неожиданно сменил тему, спросив:

– Вы навели справки о нас?

Сицилия хмыкнула, потому что этот вопрос показался ей наивным. Она ответила следующим образом:

– Сами вы пока ещё ничего из себя не представляете, поэтому наведение справок о вас – есть наведение справок о ваших родителях и. . . близких, – тут она задержала взгляд на Марте и слегка улыбнулась. – Егор Стальский – бывший тренер по баскетболу, а ныне бизнесмен. Уехал в Болгарию по контракту, по истечении которого остался на МПЖ, занимается несколькими видами деятельности. . . Афтандил Аронов – организованная преступность, наркотики, рэкет, мошенничество, вымогательство, – всего понемножку. . . Убит в девяносто четвёртом вместе с женой и. . .

Марта посмотрела на меня изумлёнными глазами. Я прикрыл половину лица рукой и пробормотал что-то вроде: «Времена такие были. . .» Сицилия с усмешкой громко сказала:

– Да, времена были такие. Папа Вадима был героем своего времени. Очень жаль, Вадим, что так всё закончилось, – глядя на меня по-доброму, проговорила Сицилия.

Мы сидели и смотрели в пол. Через двадцать секунд Сицилия снова заговорила:

– А что касается непосредственно вас, мои хорошие, то тут всего по паре строчек. Оба мальчика – учились – не доучились, Аронов работал по барам и ресторанам. Стальский Глеб сходил в армию, служил в ВДВ; характеристика положительная. Эм Стальская – юрист по образованию, спортсменка в свободное время; обширные связи в юридическом сообществе посредством близкого знакомства с адвокатом по фамилии Бимерзкий, который в особом представлении не нуждается, так как широко известен в разных кругах.

«Ничего сверхъестественного. . .» – подумал я, сам не зная о чём конкретно.

Владимировна бодрым и весёлым голосом подытожила:

– Вот, как видите: мы всё о вас знаем. Агентами вражеских разведок не являетесь.

– Кто вы? – спросил Глеб, явно не рассчитывая на развёрнутый ответ.

– Так, мои хорошие: работаете на меня. Остальное – в своё время.

В десять часов вечера в эту же субботу мы втроём сидели в гостиной и вели беседу. Стальские яростно спорили, а я отвлёкся и потерял нить разговора.

– О, Господи! Что тебя заставляет говорить такую чушь?! Это всё равно что сказать: «Творог храбрее... рассыпчатости... главного светофора»! Чёрт! Чёрт! – почти заорал Глеб. – Что скажешь, Аронов?

– Успокойся, пожалуйста, – сказал я Стальскому. – И так мысли разбредаются.

– Ты не участвуешь в обсуждении? Почему? – спокойно спросил Глеб.

– Я думаю о том, как нам повезло, – проговорил я убедительно и вдохновенно.

Марта едва заметно утвердительно покачала головой, полулежа на облюбованной ею атаманке.

– Вы просто не пред... – снова заговорил я.

– Да-да, нам повезло, – с сарказмом сказал Стальский, – Мы уже поняли твоё мнение.

– Рад, что ты говоришь «мы», вы на пути к пониманию друг друга, – с улыбкой сказал я. – Это, как родится монегаском! Миллион за то, что некоторые дураки считают за счастье делать бесплатно. Это в месяц! Пока!.. Потом больше!.. Так обещают, – я слушал свой голос и сам себя убеждал.

– Да-да, или быть гражданином Арабский Эмиратов, – продолжил ассоциативный ряд Глеб.

– Или гражданином Древнего Рима, – ввернула Стальская, навеянный юридическим образованием, факт.

– Вот. Я рад, что мы мыслим на одной волне, – я сам разволновался; я не видел пути назад. – В любом случае всё уже свершилось. Мы впряглись. По ходу дела будем стараться разноухать больше информации о том, во что конкретно впряглись, а пока...

– Считаешь себя крутым? – неожиданно сменив вектор разговора, спросил Стальский с усмешкой, а Стальская своим грозным взглядом как бы присоединилась к этому риторическому вопросу.

– Ваша жизнь не казалась вам скучной? – я пытался апеллировать к авантюрной стороне характеров партнёров.

– Мне моя – нет! – ответила Марта.

Глеб ничего не ответил. В совещании был объявлен антракт на перекур и чаепитие.

Спустя двадцать минут.

– Что мы можем предложить телевиденью? Тянет на повестку дня, – я посмотрел на партнёров; партнёры безмолвствовали.

– Я повторю вопрос... – начал по новой я, но Стальские одновременно заговорили.

– Да подожди ты... – оборвал Глеб.

Стальские думали. Хотелось бы знать о чём. Марта сложила губы весьма волнующим моё воображение образом; положение её губ означало крайнюю озадаченность.

– Ладно... – я собрался было встать и пойти на кухню, чтобы что-нибудь начать готовить к позднему ужину.

– Кажется... – неуверенно начала Марта; мы с Глебом напрягли внимание. – Кажется, я знаю, что мы можем предложить телевидению.

– Говори! – завопили мы с Глебом не своими голосами.

– Нет. Не скажу. Пока не скажу, – Марта сделала защитный жест руками.

– То есть как?! – не веря своим ушам, спросил Глеб.

– Не могу объяснить. Просто доверьтесь. Подождите некоторое время. У нас ведь неделя с лишним? Ну, вот. Скоро поймёте. Скоро. Если я вам сейчас объясню свою задумку, то может не получиться, – Марта встала, давая понять, что совещание окончилось.

На следующий день, не мешкая, мы с Глебом начали собирать материал для следующего номера La Critic'и. Стальский взял на работе отпуск и планировал уволиться, когда отпуск закончится. Я же быстро, но аккуратно написал последнюю статью для «Строительного журнала» и тоже был совершенно свободен. Мы придумали добавить под названием газеты на первой странице в верхнем правом углу маленькую надпись на латинском языке. «In re», – что переводилось «В действии». Звучало круто и с претензией на интеллектуальность, но в меру. Вроде как: «La Critica in re». Если темой нашего первого номера были заведения досуга, то темой второго номера стали молодые бизнесмены нашего города; естественно из числа наших знакомых, которые не преминули попиариться за счёт газеты, за что им и были выставлены счета от La Critic'и, правда, на весьма символические суммы.

В эти погожие весенние денёчки буквы легко превращались в слова, а слова в свою очередь непринуждённо складывались в предложения. Мы с партнёром ярко иллюстрировали собой первую половину Закона Парето, который гласил, что 20 % усилий дают 80 % результата, а остальные 80 % усилий – лишь 20 % результата.

Марта в эти дни занималась своими клиентами, дела которых были ещё не завершены, а новых клиентов не брала. Вечером мы встречались дома и обсуждали дела. Готовили сложные вкусные блюда на ужин и с удовольствием их ели. Мы с Глебом даже забывали набухиваться, что было очень даже неплохо с морально-этической точки зрения. Ха!

Всё шло как нельзя лучше, пока тринадцатого мая во вторник вечером я не сваял дурака. В этот день Глеб куда-то слинял. Днём Марта сидела в своей комнате, возилась с бумагами и совершала звонки. Я пытался разобраться в новой лицензионной программе для вёрстки, пробную версию которой скачал себе на копм, хотя Стальская обещала взять эту обязанность на себя, потому как «...я всё равно ничего не пишу, буду хоть верстать». Программа была сложная и разветвлённая, со множеством тонких настроек. Экран моего компьютера не мог раскрыть потенциал программного обеспечения, поэтому я всерьёз задумался о приобретении Макинтоша последнего поколения, того у которого чудовищное разрешение экрана. «Без коктейля не поймёшь», – пробубнил я себе под нос, встал из-за стола и пошёл на кухню, чтобы замешать себе отвёртку. Проходя по прихожей, кинул мимолётный взгляд в приоткрытую комнату Марты, – она сидела перед окном, используя подоконник как письменный стол, спиной к двери и, видимо, читала. Я уже было повернул на кухню, как в дверь позвонили. Отложив на время реализацию плана с отвёрткой, я, не спрашивая «кто?», открыл дверь. На пороге стоял мужик, его лицо мне показалось знакомым, но моя память сразу не могла связать его с кем-то, кого я знаю, чтобы вспомнить, где я его видел раньше.

– Э... Привет. Ты – Аронов?

Я не спешил отвечать. Тогда мужчина продолжил:

– А Марта здесь живёт? Я Марк.

«Ах, точно. Это же Марк!» – подумал я, а вслух сказал:

– Да, она дома, проходите.

Я направился в свою комнату, оставив дело закрытия входной двери Марку. Проходя мимо зала, я громко сказал: «Марта, к тебе пришли». Зашёл в свою комнату и закрыл дверь. Мне хотелось что-нибудь разрушить.

Прошло какое-то время. Я старался не прислушиваться к звукам из соседней комнаты. Даже некоторое время пролежал на диване с подушкой вокруг головы, но, решив, что это чересчур, прекратил. Громкий шёпот и возня достигали моего слуха, заставляя злиться. Не то слово, злиться! И тут я принял самое умное решение в такой ситуации: решил прогуляться, тем более что погода так и шептала: «Иди, Аронов, прогуляйся... До рюмочной». Я прокрался в прихожую, надел пиджак и вышел. Несмотря на будний полдень, в рюмочной почти не было свободных мест. Я подошёл к стойке и заказал «сто» в один стакан. Представленные на витрине бутерброды с колбасой и лососем не внушили мне доверия, поэтому я взял Дюшес в

стеклянной бутылке на запивку. Занял стоячее место, составив компанию «слесарю Коле» и «сантехнику Борщову». Не успел я положить локти на столик, как уже снова пришлось идти к стойке буфета, – за новой порцией. Чтобы не возвращаться слишком скоро, я заказал ещё сто грамм в один стакан и разливного пива. Вернулся к своему стоячему столику. Отпил половину из маленького пластикового стаканчика и хотел запить Дюшесом, но решил не занимать пространство в желудке бесполезной жидкостью и запил пивом. Через несколько глотков пенного, в помещении рюмочной наступил мрак. А через несколько мгновений луч софита вырвал из темноты мой столик. Два моих соседа по столу отступили во мрак, а я, сделав три больших глотка из стеклянной кружки, надел цилиндр. Слабый свет подсветил буфетчицу, которая теперь была одета в нарядную униформу работника буфета советского образца. Она дала мне знак приготовиться и показала три пальца притаившемуся в углу оркестру. Потом показала два пальца, потом один. Оркестр заиграл вступление. Я допил содержимое пластикового стаканчика и начал:

– «Нет-нет-нет», – всё что я слышал от твоего сердца

«Нет, нет, нет»... «Тебя нет дома»,

– а это я слышал от твоего брата.

«Нет-нет-нет». Не хочу верить, ведь ты сама виновата,

– открыла мне двери, когда-то, обогрела солдата и накормила,

но-о-о отказала.

На заднем плане, едва подсвеченные, в такт этому меланхоличному ритму качались фигуры завсегдаев.

После нескольких глотков из стеклянной кружки я продолжил:

Побить мне подольше и совсем рядом.

«Нет. Нет. Нет. Нет».

Обнимал бы глазами, если б они не вылезали

на лоб мне с орбиты,

все тайной покрыты.

Свет над головами посетителей усилился, и они в той же тональности начали бэк-подпевать: «Не мучай себя, Аронов!.. Она тебя не полюбит».

– Нет-нет-нет-нет!.. – отвечал я им.

– «Она тебя не полюбуюбит! Забудь её, Аронов!» – не унимался хор. – «Не мечтай понапра-а-асну...»

– Нет-нет-нет!.. – спорил я с голосами здравого смысла.

Фигуры поднялись на высокие столики, и начался танец в жанре примитивизма, чтобы не упасть.

Я одним прыжком очутился на своём столе, в то время как огромный диско-шар начал вращение, запустив по залу рюмочной вьюгу световых снежинок. Мой стол начал медленное вращение, а я, как бы обращаясь к уважаемой публике, продолжил:

– *Все, что я слышал:*

«*Нет! Нет! Нет!*»

Все что я слышал:

«*Нет. Нет. Нет...*»

Все, что я слышал от твоего сердца:

«*Нет, нет, нет...*»

Затем я прыгнул со стола, и меня, конечно, поймали.

С последними аккордами оркестра в зале снова загорелся электрический свет, а из окон забил дневной. Все были за своими столиками, пили и вели беседы. Я со слесарем и сантехником снова стоял за своим столом. На дне пластикового стаканчика оставалась одна восьмая глотка, и я его сделал. Допил пенное из стеклянной кружки и принял самое глупое решение в такой ситуации: решил вернуться домой.

Когда я вошёл в прихожую, то понял, что они переместились из комнаты Марты на кухню, и теперь оттуда доносились звуки приготовления еды: текла вода, шипело масло, что-то нарезалось и так далее. Ещё были слышны звуки непринуждённого разговора с изрядной долей женского лёгкого воздушного смеха. Я хотел убивать, поэтому пошёл на звуки. Чёткого плана у меня не было.

– Привет, – весело сказал я, когда оказался в кухонном проёме.

– Это Вадим, а это Марк, – сказала Стальская, указывая ладонью на каждого из нас в соответствии с наименованием. – Вы, кажется, уже познакомились.

Этот мужчина в кухонном фартуке поверх рубашки, вытер руки о кухонное полотенце и протянул правую для пожатия. Я и не думал пожимать ему руку, потому что по жизни – особенно в пьяном состоянии – придерживался древнеримского принципа «я без оружия». Возможно, я начал придерживать его только полминуты назад. Во всяком случае, я не подал ему руки, чтобы у него не оставалось сомнений на мой счёт, а у меня не было путей отступления.

– Что ж, вот и познакомились, – непринуждённо сказал мартовский адвокат, возвращаясь к своим кухонным делам.

Марта вопросительно смотрела на меня. Её явно интересовал вопрос: почему я ещё здесь. Я заговорил, обращаясь как бы ни к кому:

– Так значит ты папик глебовской сестры? Бимерзкий адвокат.

Адвокат посмотрел на меня тяжёлым взглядом, затем усмехнулся, скользнув глазами по, безмолвствующей и не сходящей с места, Стальской.

– А ты значит Аронов Вадим, уже сутра пьяный? – улыбнулся адвокат, показывая, что как минимум треть его зубного состава изготовлена из золота.

– Это не принципиальный вопрос, – уклончиво и со скрытой угрозой (как мне виделось) ответил я. – А вот что действительно важно: почему ты решил, что можешь приператься к нам домой и греметь нашими кастрюлями? А?

Адвокат взял несколько секунд на обдумывание, затем ответил:

– Здесь не только ты живёшь, Вадим Аронов, но и другие люди. Поэтому нет ничего страшного в том, что я пришёл в гости к своей... своей... – он подыскивал слово для наименования Марты, чтобы не выглядеть в её глазах слишком ушлым ублюдком, но так и не нашёл. – Поэтому здесь нет ничего страшного. Мы сейчас приготовим пирог с курицей, и ты даже сможешь его поесть.

Я подумал: «Может сейчас самый подходящий момент, чтобы напасть на него? Всё таки был упомянут пирог с курицей. Где-то это наверняка является страшным оскорблением». Но я не напал на него в следующую минуту, потому что был не уверен в искреннем ответном порыве, а если он не готов отвечать, то это расхолодит и мой пыл. Я начинал ощущать себя смешным; нужно было форсировать ситуацию. Я прибег к лёгким предварительным оскорблениям:

– Если ты намерен устроиться у нас кухаркой, мне надо тебя как то называть.

Это было прямым вызовом, поэтому все сосредоточились. Я продолжил, якобы ухмыляясь собственному остроумию, которого здесь и в помине не было:

– Буду называть тебя Марк Апрель. Это производное от Март Апрель. Не против?

Моя интонация звучала нагло, но не идеально.

– Мне всё равно, – спокойно ответил мартовский адвокат. – А я буду называть тебя Вадим; не обидишься?

– Я!.. Я... Так это и есть моё имя! – меня обжигала неловкость ситуации, в которую я сам себя загнал.

– Тогда договорились, – завершающей интонацией проговорил Марк.

– Тогда... Да... Дого... ворились, – с нелепым апломбом заявил я; мой порыв куда-то подевался.

Марта на меня смотрела как на маленького дурачка. Я, потерявшись в пространстве, кое-как отлип плечом от дверного проёма, и, на негнущихся ногах пополз в свою комнату. «Вот я осёл! Как меня умыл этот клоун!» – накручивал я себя по пути к дивану. Видимо, зайдя в свою спальню, я задержался только для того, чтобы оставить очки на подоконнике, потому что через мгновение я себя обнаружил идущим назад на кухню, а ещё спустя секунду я уже говорил мартовскому бойфренду следующее:

– Пиздешь в сторону! Снимай фартук, и идём в прихожую; разберёмся как мужчины.

Краем глаза я увидел, как Марта закрывает от стыда лицо руками. Я гордо шествовал в прихожую; судя по шелесту шагов, Марк следовал за мной. Когда я развернулся, Мартин приятель стоял передо мной без кухонного фартука. Я сорвал с себя пиджак, скомкал его и кинул на оленьи рога, промахнулся. О, да! В это мгновение я был абсолютно счастлив; я был уверен, что был рождён, чтобы навалить этому самодовольному типу. Приняв боевую стойку, я проорал:

– Давай, дедуля, покажи на что ты...

«Свежий политический скандал. Кто бы мог предположить, что...» – с выражением говорила ведущая новостей из телевизора. Я обнаружил себя лежащим на атаманке в гостиной. В комнате был полумрак. В качестве одеяла меня покрывало большое махровое полотенце. Стальский сидел на своём кресле и смотрел новости по телевизору.

– Что я тут делаю? – прохрипел я. – Где Марта? Сколько времени?

– Лежишь. Уехала. Почти полночь, – ответил Глеб.

– А как я здесь оказался? – в картине последний часовой моей биографии недоставало значительного количества пазлов.

Я откинулся головой на подушку и ощутил боль в макушке. Потрогал рукой, – там была шишка.

– Я тебя нашёл в прихожей, когда зашёл в квартиру. Переложил сюда, чтобы не спотыкаться, – объяснил Глеб.

– А-а... Спасибо, – вяло сказал я. – На голове шишка...

– Это, наверное, от входной двери. Твоя голова препятствовала её открытию, – Глеб не сводил глаз с экрана и ел руками какую-то еду с тарелки. – А со скулой я не знаю что. Это точно не я. Наверное, при падении ударился.

– А-а... А! – вскрикнул я, когда потрогал щеку.

– Пива? – спросил Глеб.

– Да, пожалуй, – страдальческим голосом ответил я.

– В холодильнике. И мне захвати.

– Сначала я почищу зубы; надо наслаждаться, пока они у меня есть.

– Не мелочись. Помойся весь.

– Ладно.

Я осторожно начал приподниматься, прислушиваясь к ощущениям в теле. Когда я уже был в дверном проёме, Глеб, указывая на свою опустевшую тарелку, спросил:

– Ты приготовил пирог с курицей? Очень вкусно.

Тут я вспомнил всё, схватился за голову и вскрикнул от боли в макушке.

В эту ночь Марта не пришла ночевать. На следующую тоже. А на третий день приехала днём. Я, сгорая от стыда, начал мямлить что-то вроде: «Слушай, Стальская, не знаю, что на меня нашло... Древние затаённые инстинкты, понимаешь?..»

– Забудь об этом, Аронов, – незлым тоном прервала мои извинения Марта. – Он не должен был приходить, и он больше не придёт.

«Вот и хорошо», – облегчённо подумал я, однако постарался сохранить виноватое выражение лица.

Пятница шестнадцатого.

Сегодня мы с Глебом записали интервью с человеком, которого наше талантливое перо сделало интересным в глазах читателей. Мы чувствовали удовлетворение от проделанной работы, а наши души жаждали наград, и Стальская со своим рационализаторским предложением попала в самую точку.

– Не хотели бы вы устроить вечеринку под статью той, что происходила на третий день моего к вам переезда?

Может не этими словами было сформулировано предложение, но смысл был таковым. Мы с Глебом переглянулись, а затем, снова повернув головы на Стальскую, согласно закивали.

– Но только никаких брэйк-дансов на столах раньше времени. Я буду направлять ваши порывы. Понятно? – спросила Марта, немало заинтриговав нас.

«Так даже интереснее, – подумали мы. – Ведь основная часть программы, а именно «нажраться», оставалась неизменной».

Марта любезно предложила свозить нас до супермаркета. Мы с Глебом пошли закупаться необходимым, а она ожидала в машине. Когда мы вернулись с пакетами, состоялся забавный диалог. Глеб со смехом сообщил сестре:

– Там одна кассирша в Аронова влюбилась. Всегда, когда он приходит за продуктами, флиртует с ним и называет на «ты». Сейчас, когда мы «алкашку» на кассе пробивали, она сказала (тут Глеб изобразил её голос): «Вам не много на двоих, мальчики? Компания не нужна? Ха-ха!.. Хо-хо!..»

– А ты, Аронов, что? Собираешься ответить взаимностью? – криво улыбаясь, спросила Стальская.

Я состряпал задумчивую гримасу, якобы раздумываю над этим вопросом. Через мгновение сказал:

– Эта моя поклонница – вторая после самой толстой сотрудницы этого супермаркета. Я не собираюсь довольствоваться вторым номером, – буду клеить наитолстейшую.

Глеб засмеялся, поглядывая на сестру, которая рулила в сторону нашей хижины и продолжала расспрашивать меня.

– Любишь большой баб, Аронов? – спросила она.

– Я люблю только тебя, Крошка, но ты не даёшь, поэтому довольствуюсь чем Бог послал, – нежно глядя на Стальскую, сказал я.

– Мм... Не растрчивай себя, Аронов, глядишь – добьёшься желаемого, – как бы в шутку проговорила Стальская, игриво приподняв бровь и показав кончик языка.

Я залюбовался Мартой и даже уже собирался погладить её ладонь, лежащую на руле, но в этот момент Глеб, сидящий сзади, нарочито громко рыгнул и сказал:

– Ой, прошу прощения, кажется, я испортил романтический момент. А, кстати, где твой видеорегистратор?

– Сломался, – смеясь, ответила Марта.

Остаток пути мы все посмеивались, каждый над чем-то своим.

Пятнадцать минут спустя стол с закусками был накрыт. Принесена первая бутылка – маленькая фляжка джина.

– Давайте, начинайте. Я как ведущий. Как тамада на свадьбе. Окэ? – Марта возвышалась над сидящими нами и жестикулировала, призывая начинать пьянку.

– Какой-то слишком формальный подход, не находишь, Глеб Егорыч? – подозрительной интонацией проговорил я, вертя головой то на брата, то на сестру.

– Наливайте! – скомандовала Стальская. – Ну же.

Мы вдумчиво приступили к делу. Выпили по пятьдесят чистого джина. Глеб любил джин чистым. И стаканы он любил чистыми, как и я. Через каких-то десять минут фляжечка London Dry Gin'a была опустошена. Марта принесла с кухни ноль семь светлого рома и самолично заболтала три ром-колы. Включила телевизор, – местные новости. Дело пошло. Мы разговорились. Очень скоро мы с Глебом сосредоточились на обсуждении новостей из телевизора. На несколько минут Мартой был включен канал, на котором крутили видеоклипы национальной эстрады. Мы запротестовали, но она напомнила, что «ведущая» она. Мы немного поёрничали по поводу увиденного на местном музыкальном канале. Потом Стальская переключила на МузТВ, и мы с Глебом прошлись по общеизвестным исполнителям, не забывая подзаправляться ромом; ромом в чистом виде. Откуда-то взялось множество тем для обсуждения и шуток. В какой-то момент на моей голове появился чёрный цилиндр с фиолетовой атласной лентой. Мы разговаривали и смеялись, не замечая течения времени и течения алкоголя. Когда ром иссяк, я сбежал на кухню и принёс пивчанского. Разговоры приобретали всё более абсурдистский оттенок. Стальская упомянула какую-то киноновинку, – зёрна упали на плодородную почву, ибо в чём в чём, а в кинематографе мы с Глебушкой разбирались. Разговор на время устремился по киноведческому руслу. С кино мы плавно перешли на литературу, в которой тоже рубили, как мало кто. Далее была затронута тематика поп-культуры в широком смысле, далее политика и экономика под философским углом зрения. Я конечно умничал не без желания произвести впечатление на Крошку-Марту. Глеб свободно парил в облаках неакадемической риторики. В общем: ситком культурологически-абсурдистской направленности с элементами абсценной лексики.

В какой-то момент Марта вышла из комнаты, и мы про неё забыли. В отсутствие леди, шутки-прибаутки стали жёстче. Вдруг Стальская вернулась и с порога, как бы исполняя роль, строгим голосом заявила: «Людам утром на работу, а вы тут орёте! Ну-ка быстро сворачивайте свой балаган и по койкам!» Мы с Глебом замерли на несколько секунд, глядя на Стальскую. Её лицо было карикатурно строгим, и мы рассмеялись. Тогда она сказала то, что заставило нас подыграть ей. Она сказала: «Сейчас милицию вызову! Чёртовы алкаши!» Мы утрировано

испуганно засуетились, – загремели бутылками, собирая их по всему полу, залепетали извинения и так далее.

– Всё! Стоп! – скомандовала Стальская. – Готово. Можете заканчивать. Или можете продолжать.

Всё это действие несомненно имело начало, подобие кульминации и чёткий финал. Я был так пьян, что не мог об этом думать прямо сейчас, поэтому оставил разрешение этого вопроса на утро и по стеночке уплёлся в свою комнату, где повалился на диван и уснул без снов.

**Высшая, редчайшая, утончённейшая разновидность ума, возвышавшаяся до степени таланта в области устной речи, – остроумие
М.П.**

Глава об умении Стальской отличать хорошее от обычного

На следующий день после обеда (по времени, а не после приёма пищи).

– Так я правильно понял: ты записывала на видеорегистратор всю нашу вчерашнюю вечеринку? – я подкреплял свой вопрос жестикующей пальцами.

– Правильно, – ответила Марта. – Ты очень быстро и правильно всё понял, и всего-то с четвёртого раза.

– Всё-всё записала? – зачем-то спросил, стоящий тут же, Стальский.

– Всё-всё, – подтвердила Марта, глядя в свой ноутбук. – И поэтому придётся долго и упорно редактировать. Мы же не покажем продюсеру немонтированную шестичасовую версию. Надо сделать выжимку. Максимум на час. Всё самое годное.

Мы с Глебом посмотрели друг на друга и одобрительно покивали. Глеб вслух поразмышлял:

– Эта такая передача будет... Про то как мы с Ароновым глумимся над актуальными событиями. Да? Как мы обсуждаем кино и литературу...

– Моду и музыку, – вставил реплику я.

– Политику и всякое искусство, – продолжил размышлять вслух Глеб. – Передача про то, как мы набухиваемся, сидя на продавленном засаленном диване, а столом для наших нехитрых закусок и стаканов служит хромая табуретка. Упадничество, деградация, ковёр на стене...

– Круто!.. – прошептал я. – Марты – ты гениальная блондинка.

– Спасибо, – задумчиво проговорила Стальская, не отрываясь от своего ноутбука.

– А как назовём эту передачу? – спросил Глеб. – Ведь, как передачу назовёшь, так она и... будет записана в телепрограмме.

– Точно, – согласился я.

– «Пьяный Диван», – сказала Марта.

– Что? – переспросили мы.

– «Пьяный Диван», – повторила Марта. – Давайте-ка не мешайте мне.

«Пьяный Диван, Пьяный Диван...» – на разные лады начали повторять мы с Глебом, отойдя в сторонку.

– Здорово придумано! – уверенно проговорил я.

– Согласен, – согласился Стальский.

Наш восторг возрос во стократ, когда вечером Марта продемонстрировала нам монтированную часовую версию нашего вчерашнего экспромта на скрытую камеру. Она потрудилась наложить музыку на определённые моменты действия. «Профессионально!» – хотелось воскликнуть, и мы воскликнули-таки.

– Чёрт возьми, чёрт меня возьми, Стальская, это есть готовый пилотный выпуск нашего будущего шоу на ТВ! У этой продюсерши Даши отойдут воды (прошу прощения), когда она узрит сие великолепие, которое затмит унылокакашечные поделки нашего местного телевиде-

ния. Мы с Глебом просто кривлялись, а ты придала этому форму. Всё ты, ты, ты!.. – проговорив эту хвалу, я поцеловал Марту в макушку.

– Не перевозбуждайся перед сном, Аронов, – со смехом урезонивал меня Глеб; он сам был несказанно рад чудесной выдумке своей сестры.

Гора под названием «Что мы можем предложить телевидению» упала с наших плеч. Осталось заниматься содержанием следующего номера La Critic'и.

**Деньги, деньги, наличные деньги; ищу честный способ
зарабатывать деньги...**

царь Василич

Глава, в которой повествуется о событиях двадцатого ноль пятого и нескольких последующих дней

– Меня точно хотят выжать с канала! – как бы вслух рассуждала Дарья. – подсунуть мне каких-то... каких-то... Вы не обижайтесь ребята, но...

Мы одновременно с Глебом сделали жесты, означающие «ну, что вы, что вы, мы не обижаемся, мы всё понимаем...», а сами переглянулись с посылом типа: «она похоже не в курсе, что наше дело обречено на успех».

– Первый продюсерский проект – и такая подстава! – не унималась Бедвезагёрл. – Ну, точно хотят меня подвинуть!.. Точно, я вам говорю.

«Бедвезагёрл» – как мы между собой стали называть нашего продюсера Дашу, была, без всякого преувеличения, известна всем жителям нашей республики. Если вы когда-нибудь включали телеканал «Кефир», то, скорее всего, наткнулись на очередной выпуск прогноза погоды, который вела Даша в русском традиционном костюме. Серьёзно. В кокошнике, с косой, как корабельный канат; кстати, эта коса настоящая; «Правда?!» «Нет». Ещё её можно увидеть, когда стелешь новую газету в лоток своему коту; на страницах этой бесплатной прессы есть рекламный баннер, на котором изображена Даша с оттопыренными большими пальцами, а сверху надпись: «Вот такие окна!». Даша была женщиной средний лет и могучего телосложения. До нормы Даше нужно было сбросить килограмм сорок, но она не спешила этого делать, так как лишний вес был частью её имиджа. Прогноз погоды, который почти всегда был, сука, неверный, должен давать некто, кого сложно ненавидеть. Например, трясущийся от старости академик метеорологических наук или анимационный пёс, или говорящий попугай, или кукла-рукавица, или Даша – милая толстушка в русском традиционном наряде.

– Так что?.. – прервал её причитания Глеб. – Посмотрите «пилот»?

– Ха! Пилот. Терминологией овладели, – не слишком дружелюбно заметила Дарья. – Давай... те. Давайте ваш пилот.

Стальский катнул по столу флешку с монтированной версией пилотного выпуска. Дарья вставила флешку в свой настольный Макинтош и махнула нам, – мол: «Погуляйте».

– Автор концепции – Марта Е. Стальская, – счёл нужным сказать я, за что был удостоен презрительного взгляда продюсера Дарья.

Мы с Глебом вышли из кабинета и уселись на креслах в приёмной, где нас уже поджидала Марта. Десять минут назад она нас высадила около ворот здания телеканала, сказав: «Я вас догоню через десять минут».

– Ну что? – спросила она.

– Ознакомляется, – ответили мы.

– Смогла заехать на парковку, – спросил я.

– С трудом, – ответила Марта.

Двадцать девять минут спустя.

– Пу-пу-пи-та-пу-та-пу-пу... – развлекал сам себя Глеб, издавая всякие звуки, чем нас с Мартой несказанно раздражал, а также притягивал неодобрительный взгляд секретарши.

– Засохни, – сказал я Стальскому.

– Пу-пи-па-та-пу-пам!.. – с удвоенной силой продолжил Глеб.

За дверью кабинета послышались звуки музыки, в которой мы узнали ту, которую Стальская наложила в самом конце нашего видео.

*«...Is it wro-wrong that I think it's kinda fun,
When I hit you in the back of the head with a gun?
My daddy's in the trunk of his brand new truck,
I really want him back,
But I'm flat outta luck...»*

– Всё-таки здесь другая музыка нужна, – пробубнил я себе под нос.

– Это просто для примера, – прошептала в ответ Стальская. -

– Пу-пи-пу-па-а...

Звуки за дверью оборвались, и послышались приближающиеся тяжёлые шаги. Дверь кабинета распахнулась, и Бедвезагёрл стремительным шагом приблизилась к сидящим нам.

– Это вы та самая девочка в конце?.. – улыбаясь, протянула руку Дарья поднимающейся с кресла Марте.

– Я. Марта, – дружелюбно улыбаясь, ответила Стальская.

– Это моя сестра, – пояснил Глеб.

– Это его сестра, – счёл нужным подтвердить слова Глеба я. – Она наш партнёр... Деловой.

– А!.. Это ты придумала концепцию, – обрадовано проговорила Дарья.

– Да. Это она, – с выражением сказал я. – И смонтировала видео тоже она.

– Партнёр значит, – Дарья с блеском в глазах рассматривала вставшую во весь рост Марту. – Так вы, ребята, команда из трёх человек. Занятно! Значит ты, – Дарья показала пальцем на меня: Вадим Аронов. Ты – Глеб Стальский. А ты – высокая красавица-блондинка – Стальская...

– Марта, – подтвердила Марта.

– Замечательно! Великолпно! С этим уже можно работать. Ну-ка, встаньте рядышком все трое.

Мы выстроились в ряд: Глеб – двести четыре, Марта – сто девяносто три, я – сто семьдесят сантиметров в холке. Я предчувствовал дальнейшую команду Дарьи. И точно: она велела мне встать между Стальскими. «То, что нужно!..» – с придыханием сказала Дарья.

– Сейчас же назначим фотосессию, запустим рекламу и прочее и прочее.

Мы переглянулись с противоречивыми чувствами.

– А что насчёт концепции? – ко мне прицепилось это слово.

Даша дьявольски засмеялась и покрутила пальцем у меня перед лицом.

– Концепция утверждена! – торжественно провозгласила она, а потом менее пафосным тоном добавила: – Некоторые нюансы конечно имеются. Тут явно «восемнадцать плюс». Нужно одобрение вышестоящего начальства. Нооо...

Через полчаса мы втроём (после того, как Марта-юрист внимательно прочитала их) подписали контракты. Не считая будущих рекламных гонораров, каждый из нас троих получал по миллиону рублей за цикл из двадцати четырёх выпусков передачи «Пьяный диван». Это почти по сто двадцать тысяч в неделю на троих. Полмиллиона в месяц на команду. А так же медицинская страховка со стоматологией и скорой помощью, которая была частью нашей сделки с Сицилией.

– Согласно контракту вы обязаны сняться в двадцати четырёх выпусках в течение полу-года, то есть до середины декабря текущего года. Всё понятно? – спросила Дарья.

– Да, – ответил Глеб за нас троих, а мы с Мартой закивали.

– Может, вопросы? – спросила Дарья.

Мы с Глебом замялись. Я приподнял указательный палец правой руки, как ученик, желающий задать вопрос учителю. Глеб с приподнятыми бровями устремил на меня свой взор, – верно надеясь, что я хочу задать тот же вопрос, который не даёт покоя и ему. Дарья предвосхитила:

– Да, детки, с этих денег вам придётся заплатить налоги.

Глеб и я потупили взоры.

– Ещё что-то интересуется? – спросила Даша.

Все трое отрицательно покачали головами.

На несколько секунд установилась тишина. Потом продюсер Даша многозначительно ска-зала:

– Вы должны всё успевать. Слышала, что у вас имеется газета...

– Да, мы пишем... – хотел пояснить я, но Даша меня прервала.

– Это меня не касается. Моё дело: вот! – она хлопнула по столу тремя папками с подпи-санными нами бумагами, ставя в разговоре точку.

После того, как состоялось наше официальное трудоустройство, Даша пожелала прово-дить нас до машины, заодно выписать в пункте охраны пропуск для Танка на служебную пар-ковку телекомпании.

На парковке, около самой стены здания, припорошенная весенней пылью, стояла BMW первой модели с откидным верхом. На заднем стекле была надпись «Продаётся. Г.в. 2008. Пробег: такой-то. Т.: такой-то». Я остановился около машины.

– Идешь, – проходя мимо, спросил Глеб.

– Да-да... – ответил я.

Слева от меня возникла Даша. Она тоже смотрела на машину, а когда я заметил её рядом с собой, спросила:

– Интересуешься?

– Ваша? – спросил я.

– Моя, – ответила Дарья.

– Что там есть? – спросил я.

– Пойдём, покажу, – она сходила в свою новую машину и принесла ключ от BMW.

Отчаявшись меня ждать, Стальские подошли к нам с Дашей и тоже начали осматривать машину. Даша, открыв обе двери единички, рассказывала о комплектации:

– Рыжая, слегка потёртая кожа. Автомат. ЕСП, АБС, ФРГ, ГДР, БДСМ, – короче, всё есть. Климата нет, просто кондей. Всего тридцать тысяч пробега. Фары обыкновенные, – не ксеноновые. Лошадей не помню сколько, надо в свидетельстве о регистрации посмотреть.

– Сколько? – спросил я.

– Не помню сколько, надо в свидетельстве...

– Нет-нет. За сколько отдаёте? – уточнил я.

– А! Ну... Я вообще-то за семьсот собиралась... – задумчиво начала Дарья.

– По рукам, – согласился я.

Половину следующего дня мы с Глебом и Дашей провозились с переоформлением авто-мобиля, после чего Даша попросила её подбросить обратно до здания «Кефира».

– И всё таки какое совпадение, – удивлялся Глеб, когда мы, оставив Дашу около работы, выезжали на дорогу. – «к, ноль-ноль два, р, т»! Это же прям первые буквы названия нашей газеты!

- Да-да, приколько, – соглашался я.
- И главное: номер «002» – он же блатным считается, а с нас ничего не взяли.
- Ага, – и тут согласился я. – Повезло так повезло.

Мы направили передний бампер моей новой повозки в сторону «Фанерного Пейзажа», потому что Сицилия Владимировна два с половиной часа назад позвонила Стальскому и велела приехать хотя бы одному из нас троих.

– Вы переезжаете в загородный дом Аронова, – безапелляционно заявила Владимировна, как только наши пятые точки приземлились на кресла перед её столом.

- Э... Ладно, – сказал я.
- Переезжаем, значит... – сказал Стальский.
- А?.. – собрался спросить я.
- Да. Так необходимо, – отрезала Сицилия и добавила: – Аронов, держи свой мобильный при себе.

Мы почувствовали, что аудиенция закончилась и заёрзали в креслах, намереваясь подняться. Владимировна шурилась и что-то припоминала. Когда мы были уже в дверях, она воскликнула:

– Ах, да! Приглашительные на вручение премии Смарт, – она поставила свой портфель на стол и стала перебирать бумаги.

Мы с Глебом переглянулись и вернулись к столу.

- Что, простите? – вкрадчиво спросил я.
- Сейчас-сейчас... – приговаривала она, ища нужные бумаги. – А вот, кстати тут завалялись ваши подъёмные на переезд, – она кинула на стол жёлтый конверт и продолжила искать дальше.

Глеб аккуратно убрал конверт во внутренний карман пиджака. В конверте, как мы позже выяснили, покоилось двести тысяч рублей банкнотами по тысячи и пять. Наконец Сицилия извлекла из своей сумки конверт из цветного картона с логотипом «Smart». Передавая в руки Стальского конверт, она произнесла пояснительную речь:

– Значит, двадцать четвёртого в субботу, в полдень в автосалоне BMW-Mercedes на Проспекте Победы состоится вручение премии имени Smart молодому проекту в области журналистики. Вроде так. В качестве приза – автомашина Smart с логотипом издания в пользование на полгода. Форма одежды – парадная. Быть всем троим. Не опаздывать. Стальскому и Аронову быть в адекватном состоянии.

Мы понимающе кивали, внимая инструкциям. Потом я, стесняясь своей непонятливости, спросил:

- Так что, Сицилия Владимировна, La Critic'a номинирована?
- Сицилия посмотрела на нас и несколько раз быстро поморгала. Сказала:
- La Critic'a победила.

И не успел я даже глазом ей мигнуть, как мы пошли культурно отдохнуть

Шнур

Глава о разговоре, что «чем выше разум, тем выше его горизонт»

Вечером двадцать второго числа месяца мая томление достигло пика, и я решил развеяться.

- Поехали, обмоем машину, – предложил я Марте.
- Поехали! – мгновенно отреагировал Стальский, поднимая глаза от компьютера.
- Я посмеялся и сказал:
- Тебя не берём. Играйся дальше.

Марта виновато улыбнулась, глядя на брата. Я, как бы размышляя вслух, проговорил:
– Я собираюсь очаровывать Марту, а Глеб будет только мешать. Мешать, опошляя всё происходящее. Да, Глеб?

– Да, – бодрим голосом подтвердил Стальский.

– Неужели? – спросила Стальская.

– Не сомневайся, – заверил я. – Вот смотри, Крошка. Глеб, задачка на сообразительность: у молодой горничной было четыре свечи, а подсвечник рассчитан только на три...

– Засунуть в задницу! – не дожидаясь вопроса, выкрикнул Стальский.

– Я же говорил, – шёпотом сказал я Марте.

– Вы отличная команда, – похвалила нашу слаженность Марта. – Куда пойдём? Что надеть?

– Я закажу на свой вкус, ты не возражаешь?

– Изволь, – ответила Марта.

– Два вишнёвых штруделя и шампанское в ведёрке со льдом. Спасибо.

– Бутылку? – спросила официантка.

– Да. Спасибо. И не какой-нибудь отстой с пластмассовой пробкой, а хорошее шампанское. Спасибо.

– Мы будем пить? Среди белого дня?.. – в голосе Марты было не слишком много претензии, может, потому что был уже вечер.

– Совсем немного. Только одну на двоих, – я потёр ладони друг об друга, извинился и пошёл в туалет.

В тот момент, когда я, намыливая руки, смотрел на своё отражение в зеркале, возник картавый двойник с коптящими крыльями и, тоже приводя причёску в порядок, проговорил: «Она, вишь, хоть пригожая и на добр-р-рой славе, а всё ж слишком р-р-рослая; зашибёт ненар-р-роком...»

– Не страшно, – ответил я.

– А? – отозвался какой-то мужчина около писсуара.

– Это я не вам.

«Это он не вам!» – подтвердил Картавый.

Через пятнадцать минут.

– Пойми ты, Марта: если мы морочим голову большинству людей, это не значит, что мы не можем отличить плохое от хорошего. О чём это я?

– Я совершенно не об этом, – выдохнула Марта.

– Тогда о чём?

– Пьяные ли, сраные ли, вы считаете себя лучше всех во Вселенной. Плюёте на всех... Смейтесь над всеми. Почему ты улыбаешься? Я не хотела бы быть вами. Нет. Высматриваете друг в друге признаки гениальности и находите! Что вы за люди? Кто вас полюбит?! Ненавидите то, что способны постигнуть и боитесь того, чего понять не можете. Вы не гении. Вы – жалкие, капризные мальчишки.

– Кхе... Иногда мне кажется, что я ничего не боюсь; но потом наступает утро и похмелье, – я слегка хлопнул по столу, якобы очень смешная шутка; затем серьёзным тоном сказал: – Марта-Крошка, гениальность – это пребывание в состоянии постоянного везения. Подумай над этим на досуге.

Я почувствовал кратковременную эйфорию от только что выданной на гора мудрости; развалился на диване и уставился на Стальскую сильно расширенными зрачками.

– «Гениальность – это способность бесконечно прилагать усилия». Холмс в исполнении Джонни Ли Миллера, – внёс свою лепту двойник с коптящими, как автомобильные покрышки,

крыльями, и добавил: – «То, что сегодня кажется невероятным, завтра может стать реальностью».

Я тронул плечом ухо, и он рассыпался в воздухе.

– Считаешь себя неотразимым. Ну-ну. И можешь подумать на досуге вот над чем: стоит ли презирать людей, когда так страстно рассчитываешь на обогащение за счёт них? Мм?..

Меня овеял лёгкий ветер осознания, но я не подал вида. Марта смерила меня неодобрительным взглядом и сказала:

– Продолжай в том же духе, – она собралась встать из-за стола.

Я рывком положил свою руку на её руку и тут же убрал. Порыв уйти сменился немым вопросом в глазах. И я спросил:

– Почему тебя это злит? Я действительно не пойму.

– Вы подняли какую-то странную волну. Не замечаете? – Марта приблизила своё лицо к моему и перешла на шёпот: – Над нами нависла угроза. Я её буквально ощущаю.

– Чем? – со смехом спросил я, тем самым окончательно выведя Стальскую из терпения.

– Всё! – Марта поднялась с кресла, – мне надо выйти, я в дамскую комнату. Оплати пока счёт; мы уходим.

Марта направилась через зал, привлекая все до единого взгляды.

Через пятнадцать минут. Мы всё ещё в заведении общепита.

– Не знаю, разумеешь ты это или нет, но ты – лайт-версия Глеба, – язык Марты слегка заплетался, что было весьма волнующе.

Я развёл руками в карикатурной нерешительности.

– Или, если тебе приятнее так думать, Глеб – тяжёлая версия тебя. Вы не дополняете друг друга, вы... вы... сидите оба на одной стороне качелей... весов. Пропать!.. Пропать, там... – последние слова Марта сопровождала жестами, как будто что-то пытаюсь объяснить иностранцу, – особенно мило у неё получились «качели-весы»; шампанское рвало её нейронные связи. – Вы не имеете образования!

– Мне больше нравится: мы не ограничены никакой профессией.

Она прикрыла на секунду глаза, и, как бы вдохнув побольше терпения, сказала:

– Вот приходит такой красавчик Аронов Вадим устраиваться на работу, а дяденька, сидящий напротив него в дорогом кожаном кресле, спрашивает: «Ну-с, молодой (пока ещё) человек, и какое у вас образование?» А Аронов Вадим этак закидывает ноги на стол и отвечает: «Что вы, дяденька! Я не ограничен никаким образованием», – Марта закончила свою миниатюру, откинулась на диване, скрестила на груди руки и вопросительно смотрела на меня.

– Слушай, Стальская, если мне придётся устраиваться когда-то на работу – это будет моя личная трагедия. Чтобы какой-то хреновый морж за двенадцать тысяч рублей в месяц говорил мне, что делать?! Это без меня. Как говорить: я не для этого из универа был исключён. Зачем ты вообще мне говоришь всякие гадости? – проговорил я серьёзным тоном, а потом шутливо добавил. – Правда считаешь меня красавчиком?

– Ох-хо-хо...

– И ещё в работе по графику и в определённом месте меня крайне удручает отсутствие возможности пукать на рабочем месте, когда заблагорассудится. Представь: сидишь в офисе и вот...

В голову пришла фраза каталонского философа Пухольса, который сказал (на каталонском, конечно, но я скажу на русском): «Величайшая мечта человека в плане социальном есть священная свобода жить, не имея необходимости работать». Испанца Марте я цитировать не стал.

– Ладно, смейся, – Марта сделала вид, что потеряла интерес к разговору и стала рассматривать интерьер, но уже через несколько секунд посмотрела мне в глаза и серьёзно сказала: – Знаешь, что бы тебе на это ответил наш папа?

Я моргнул в знак того, что внимательно слушаю; Марта слегка кашлянула и сказала:

– Наш папа процитировал бы одну американскую писательницу, которая сказала: «Работу себе вы выбираете сами, и выбор столь же широк, сколь неограничен ваш ум».

– Ты собираешься в таком состоянии сесть за руль? – спросила Марта, когда мы вышли из кофейни.

– Какое состояние ты имеешь в виду? Влюблённости в тебя или лёгкое опьянение? – ласковым голосом проговорил я, открывая дверь для Стальской. – «Силь ву пле, мадам, мой экипаж, там я...»

– Я имею в виду состояние опьянения, – усаживаясь, пояснила Марта.

– Я могу водить в любом состоянии. Береги голову, Крошка; и вообще вся берегись, – я захлопнул за Стальской дверь и в два прыжка оказался на водительском сиденье. – Вождение у меня в крови.

– В той же крови, где сейчас алкоголь? – Марта отодвинула до упора кресло и пристегнулась.

– Стальская, ты остроумная, как пожилой армянин. Как можно сочетать прелестную наружность и великий разум современности? – я не мог оторвать взгляд от её ног. – Я думал, что это удалось только мне...

– Поехали, Мистер Чистые Руки-Грязные Намерения.

– Ох, Марточка, можно я напишу это на своей визитке?

– Просто поехали.

Когда мы подъехали к нашей штаб-квартире в Вертолётостроительном районе, в наши с Мартой головы одновременно пришла мысль о том, что не стоит парковать новую (для меня) машину под окнами. Хоть она благополучно простояла пару ночей, злоупотреблять удачей не стоит. Решено было воспользоваться ближайшей платной ночной парковкой, на которой уже чувствовал себя как дома мартовский Н2.

Через десять минут мы неспешно поднимались на наш третий этаж.

Первый вариант развития событий. На Марту выпитый алкоголь действовал куда сильнее, чем на меня, поэтому она время от времени вполголоса задавала риторические вопросы. На один из этих вопросов, заданный между первым и вторым этажом, я решил ответить.

– Что-что ты сказала? – я встал на две ступеньки выше Марты и почти сровнялся с ней в росте.

– Да так. Я спросила «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идём?»

– Мы – три фигуры в красном, – я попал в точку; надеюсь «g».

Я аккуратно повернул ключ в замке, боясь разбудить, вероятно, спящего Глеба.

Второй вариант развития событий. На Марту выпитый алкоголь действовал куда сильнее, чем на меня, поэтому она время от времени вполголоса задавала риторические вопросы. На один из этих вопросов, заданный между вторым и третьим этажом, я решил ответить.

– Что-что ты сказала? – я встал на две ступеньки выше Марты и почти сровнялся с ней в росте; наши носы почти касались друг друга.

– Да так. Я спросила «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идём?»

– Мы – три фигуры в красном, – я попал в точку; надеюсь «g».

Марта премило икнула и сказала: «Ой!..», закрыла рот ладонью.

Грязный вонючий подъезд внезапно осветился в нужных местах подсветкой фирмы Philips. Огромный диско шар завращался над нашими идеальными с точки зрения физиогномики головами, создав иллюзию падающего снега. На появившейся в глубине подъезда сцене, в образе Бобби Дарена, Глеб Стальский в компании какой-то полной негритянки, стучит по микрофону и говорит:

– Уан, ту, фри, фо, – даёт отмашку оркестру; все софиты переведены на музыкантов.

*«Kiss me hard before you go
Summertime sa-a-a-adness
I just wanted you to know
That baby you're the best...»*

Марта в красном платье и с высокой причёской. Я в той же одежде, только мой любимый цилиндр в руке. Я запускаю его, как фрисби, в темноту зала.

*«I got my red dress on tonight,
Dancing in the dark in the pale moonlight
Got my hair up real big beauty queen style
High heels off, I'm feeling alive...»*

Я протягиваю Марте Стальской руку, приглашая её на танец. Она уверенным движением кладёт свою руку на мою.

*«I've got that summertime, summertime sadness
S-s-summertime, summertime sadness
Got that summertime, summertime sadness
Oh, oh oh...»*

Маленькая круглая сцена, на которой мы с Мартой кружимся, начинает подниматься над залом. Очень скоро мы становимся похожими на ожившие фигурки со свадебного торта. Конечно, не заставит себя ждать поцелуй, от которого во Вселенной родится новая планета, или хотя бы вышибет пробки в микрорайоне.

*«I'm feelin' electric tonight
Cruising down the coast goin' 'bout 99
Got my bad baby by my heavenly side
I know if I go, I'll die happy tonight...»*

Поэт здесь я, ты – самозванец!

Молчать, свинья!..

Заткнись, засранец!

Вася В.

Глава о том, что всё куплено

Суббота для нас, как зима для коммунальных служб, подкралась незаметно. Рано утром я вышел на кухню, чтобы попить воды, а потом собирался снова лечь в кровать. Стальский что-то готовил и курил. Я подумал, что он не ложился со вчерашнего дня.

– Нам надо ускориться, – проворчал Глеб.

– Я не поклонник спидов, ты же знаешь, – зевая, пробубнил я и направился в сторону выхода из кухни.

– У нас сегодня мероприятие. Ты что, забыл? – Глеб повернулся от плиты и кивнул в сторону буфетной полки, на которой лежал цветной конверт.

– Что это? – спросил я, нависая взглядом над конвертом.

– Что это, – повторил Глеб ироничным тоном. – Абонемент тебе на весь следующий сезон в наркологию. Владимировна передала приглашения на презентацию Смарт.

– А?!.. – вспомнил я. – Марта поедет?

– Не знаю. Иди, спроси.

Я постучался в комнату Стальской.

– Да-да, – бодрым голосом ответила Марта. – Я скоро выйду.

Я решил поскорее воспользоваться ванной комнатой, пока Стальская её не заняла.

Через десять минут, я, обёрнутый в полотенце, стоял на кухне с отвёрткой в руке и размышлял над тем, что из приготовленного Глебом, мой организм хочет на завтрак. Стальский уже одетый для выхода сидел тут же, а рядом с ним на столе стояла его отвёртка. Марта появилась в дверном проёме.

– Что-то вкусненькое...

– Привет, красавица, – ласково сказал я. – Что ты хочешь на завтрак? Оладьи с алычовым джемом? Мм?..

– Ты чего такой добренький? – улыбаясь, спросила Марта.

– Счастье облагораживает, Крошка, – я щёлкнул языком (кажется, впервые в жизни).

– Ты что-ли пьяный уже?! – ошеломлённо проговорила Марта принохиваясь. – Вадим, ещё утро!..

– Конечно, нет! За кого ты меня принимаешь?! – негодуяще ответил я. – И вообще: ты чересчур велика для алкотестера.

– Уга-га! – залился дьявольским смехом Стальский, сделав вид, что оценил шутку на «отлично»; он тоже был подпит.

– Зачем вы пьёте эти отвёртки? – риторическим тоном спросила Стальская, принохиваясь к стакану с апельсиновым соком в руках Глеба.

– Так ведь соки полезные, – ответил я. – Знаешь, сколько там витаминов?

Стальский блюзовой интонацией пропел:

– «Учись у меня воздержанию, не суй что попало в рот. Не смотри, что я пью сутра. Это йога наших широт...»

Не видя смысла более тянуть время, я обратился к Марте шутливо-официальным тоном:

– Стальская, надевай свой лучший спортивный костюм, мы идём на... Куда мы там идём, Глеб Егорыч? – я посмотрел на Стальского, убедившись, что моя шутка про спортивный костюм пришлась ему по душе.

Стальский достал из внутреннего кармана пиджака пригласительные билеты на мероприятие. Держа перед глазами глянцевые картонки, произнёс:

– На вручение премии «новому независимому проекту в области СМИ». Нам дадут на полгода в пользование авто с логотипом нашей газеты. Если я всё правильно понял, – как можно внушительнее произнёс Глеб.

– А ты, конечно, наденешь свой лучший – он же единственный – пиджак, – не осталась в долгу Марта.

– И чистую футболку, – счёл нужным уточнить я; Марта ушла собираться.

Я отчётливо видел, что Марта Стальская – элегантная женщина; выглядит на пару лет моложе своих двадцати восьми; имеет вкус в широком смысле слова; может подать себя с любой из хороших сторон; короче, я очарован её личностью и физическими формами, которые эта личность имеет в трёхмерном пространстве нашей действительности.

– Что замер? – вывел меня из задумчивости, в которой я пребывал, формулируя в уме последний абзац, Глеб.

Я пошёл одеваться.

Вернувшись, я сел за кухонный стол напротив Глеба. Мы ожидали Марту и потягивали коктейли.

– За два часа успеем добраться до проспекта Победы? – спросил я.

– Конечно. Суббота всё-таки. Чистоганом? – спросил Глеб.

– С утра пораньше что ль? – покачал головой я.

– Уже больше девяти утра... будет, когда я закончу споласкивать рюмки, – парировал Стальский.

– Марта нас повезёт? – как бы и спрашивая и отвечая, сказал я.

Едва мы допили по второму шоту, как Марта предстала пред нашими слегка окосевшими глазами. Мои глаза, и так блестящие после спиртного, ещё больше заблестели. Марта – статная, великолепная – была одета в облегающие чёрные брюки с заниженной талией и заканчивающиеся сантиметров на шесть выше щиколоток, белая рубашка со сложным воротником и тёмно-синем бантом на нём была заправлена в брюки; верх с низом разделял тёмно-синий кожаный ремень средней ширины с прямоугольной медной пряжкой, ноги Марты были обуты в тёмно-синие открытые туфли на невысокой танкетке. Завершала образ чёрная жилетка из тонкой ткани. Глаза Марты были опять же тёмно-синими. Я ощутил прилив вдохновения.

– Ты выглядишь как экономический обозреватель солидного издания, идущий получать премию «Искра», – сказал Глеб.

– Слишком много синего, – сказала Марта и снова удалилась к себе в комнату.

Вернулась через две минуты, сменив тёмно-синий бант на чёрный неплотно прилегающий бантик.

– Готовы? Целый час вас жду! – пошутила Марта, давая отмашку на выход.

– Всё! Выходим! – обрадовались мы.

Мы проверили бытовые приборы и газ, попрыгали в ботинки и, наперегонки, бросились к входной двери. Времени до полудня, когда должна начаться церемония, было предостаточно.

– Накушались уже с утра пораньше... – с досадой констатировала Стальская.

– Спасибо! – проговорил я в микрофон, который сразу же начал фонить; я немного отодвинулся от динамика. – Большое волосатое спасибо, господа! Коллектив газеты La Critica надеется долгое время радовать жителей нашего замечательного города своими текстами! – я почувствовал воодушевление и присовокупил к маханию застеклённой грамотой двоекратное: – Ура! (Ура!)

Крепкие руки конферансье задали мне направление движения – вон со сцены. Через несколько секунд я очутился рядом с партнёрами.

– Позорище!.. – прошипела мне на ухо Стальская и оглянулась по сторонам.

– Отличная речь, – подбодрил Стальский.

– Вы слышали, как ведущий похвалил мою поэму?!.. – якобы умирая от гордости, спросил я.

В конце церемонии начались фотосессии и коротенькие интервью для разных СМИ на фоне двухместного автомобиля Smart белого цвета, на обоих бортах которого было наклеено название нашей газеты. Шрифт надписи был такой же, как и выбранный нами, а выбранный нами шрифт был такой же, как в титрах у Аллена. Смотрелось неплохо. Глеб, как самый далеко зашедший в расщеплении алкоголя среди нас двоих, вызвался перегнать машину, но организаторы сказали, что мы сможем забрать машину через несколько дней.

– Ну и чёрт с ней! – обижаясь, сказал Глеб нам с Мартой. – В эту тачку даже мои яйца по весне не поместятся! Нах она нам вообще нужна. Если только для Аронова.

– А у меня есть машина, а в эту тачку даже моё одно яйцо не поместится! Не говоря уже о моём «удаве, длиной в тридцать три попугая». Да-да, – заверил я партнёров, вызвав на лице у Марты ироничную улыбку.

Мы расстроились и, помахав на прощание в теле и фотокамеры, удалились с праздника.

Когда мы уже почти подъезжали к Вертолётострою, на мобильный Марты позвонила Даша и велела по возможности скорее приехать к ней в офис, чтобы преодолеть последнее пре-

пятствие, которое мешало второго июня снять первый выпуск «Пьяного Дивана». Нам не хватало музыкального сопровождения, и Даша рискнула положиться в этом вопросе на наш вкус.

В семнадцать часов пополудни, я задумчиво смотрел из окна кабинета Дарьи-продюсера на дорогу, по которой проезжали многочисленные машины. За моей спиной (в прямом смысле) шло обсуждения вариантов музыки, которую теоретически можно положить на заставки программы «Пьяный Диван». В обсуждении принимали участие Стальский и Даша, а Марта, подбросив нас до дома, где мы пересели в «Единичку» (которую Глеб окрестил «Копейкой», напомнив мне старую песню кое-кого), уехала по работе. Вариации простирались от классики до модерна, от халявы до дороговизны, объясняемой копирайтом. Мой взгляд блуждал по мелким объектам инфраструктуры, которых из окна Дашиного кабинета видно было не так уж много.

– Аронов, идеи!.. – орала Даша время от времени.

В какой-то момент мой взгляд упал на рекламный щит, который то и дело заслоняли от моих ясных очей снующие туда-сюда автомобили. На щите красовался знакомый всем горожанам логотип популярного ресторана «Минимус», где каждую неделю выступали российские и зарубежные музыканты, или комики, или фокусники или ещё кто-нибудь.

– Аронов, идеи!.. – передразнивая голос Даши, выкрикнул Глеб.

– Слышь, подь сюды, – махнул я Стальскому.

– Чаго?! – ответил Глеб.

– Подь, подь.

Стальский подошёл ко мне и посмотрел в окно в направлении моего взгляда. Даша, почти не дыша, следила за нами. Прошла минута. Прошла ещё одна минута, в течение которой в глазах Стальского взвешивались все за и против моей идеи, о которой он догадался сразу, как только понял, куда я смотрю.

– Что там? – тонким голосом пропищала Даша.

– Ладно. Давай попробуем, – повернувшись ко мне, кивая, сказал Глеб. – Может что-то выйдет.

Даша вскочила со своего стула, подбежала к окну и уставилась на улицу.

– Кого?! Кого?! – приговаривала она.

– Вон его, – пальцем указал Стальский на плакат с рекламой сегодняшнего концерта в «Минимусе».

– Кого? – Даша прищурилась, вглядываясь в изображение. – Шнур что-ли?

– Да, – ответил я. – Сможете связаться с его менеджером?

– Он и сам сегодня в нашем городе, – счёл нужным заметить Глеб.

– Минуту, – сказала Дарья, стремительно направляясь к двери. – Никуда не уходите.

Мы остались в кабинете одни. Сели на диванчик.

– А?! – спросил я, имея в виду свою находчивость.

– Да, молодец, – подтвердил Глеб, кладя ноги на придиванный столик.

– Если доведётся встретиться лично со Шнуром, спрошу его: как может быть в одной песне и «Мыслей нет и денег нет», и «Я богат и знаменит».

– Ага, спроси. Пропишет тебе с «вертушки» за умничанье, – сказал Глеб, прикрывая глаза.

– Тогда не буду, – сказал я и тоже откинулся на диване и закрыл глаза.

Только наши дыхания стали ровными и плавными, как в кабинет буквально ворвалась продюсер-Дарья и радостным голосом сообщила:

– Уматывайте домой и думайте над тем, какую композицию хотите использовать. Завтра в девять утра ко мне, без опозданий. У Сергея будет немного свободного времени до вылета в Питер.

Мы прикрыли рты, открывшиеся от удивления, и Глеб спросил:

– Что? Дозвонилась так быстро?

– Имею связи, – гордо объявила Даша.

– А если будет дорого? – на всякий случай поинтересовался я.

– За спрос денег не берут, – парировала Даша. – Всё, мне пора. Людям нужен прогноз погоды.

Мы попрощались с продюсером Дашей и, на крыльях вдохновения, полетели в сторону дома. На завтра ещё был назначен переезд в загородный дом.

«...самое прекрасное впечатление, остающееся у нас от музыкального произведения, часто рождается фальшивыми звуками, извлекаемыми неискусными пальцами из расстроенного рояля»

М. Пруст

«...и не попадаем мы друг в друга бывает...»

С. Шнур(ст)

Глава о встрече со Шнуром и о переезде в загородный дом

Всю ночь напролёт мы со Стальским слушали группу «Ленинград» (особенно тщательно изучали ранний период творчества), чтобы к девяти утра сегодняшнего дня представить вниманию Даши выбранный саундтрек. Примерно к двум часам ночи мы начали разговаривать между собой строчками из творчества Шнура, а к шести утра начали думать целыми куплетами. Естественно мы страшно нажрались. Мы сильно шумели всю ночь, мы старались не шуметь, но не могли не шуметь.

Бедняжка Марта совсем не выспалась но, ни разу не пожаловалась. Мы же с Глебом не ложились вовсе.

Результатом нашего бдения стал список из пяти композиций (могла быть любая), которые подходили к выбранной тематике, а с первых же строк становилась очевидна параллель между сюжетом музкомпозиции и месседжем нашей телепередачи. Повторю, что абсолютно любая композиция группировки «Ленинград» могла стать саундом к «Пьяному Дивану», тем сложнее было выбрать. Ещё обязательным условием мы решили сделать стопроцентную узнаваемость мелодии среди широкой публики, но, в то же время, чтобы песня не была сильно «затёртой». Да-да, даже насквозь пропитанные матом песни «Ленинграда» иногда были «затёрты». Ещё саундтрек не должен быть слишком уж заводным, но и не совсем меланхоличным, как например «Мне бы в небо». Короче, сломали всю голову. Вот эти пять композиций: «1. Дай мне любви; 2. Дикий мужчина; 3. Когда нет денег; 4. Бляди (это фаворит) и 5. Money». И ещё мне нравилась песня «Танцы», но она не подходила по параметру «заводности». «Я пришёл к тебе на ДР; не из любви, а чтоб салатов пожрать. Водки хлобыстнул, и стало настроенье, – музыку включай, я буду танцевать». Здорово!

Марта заехала на парковку телекомпании «Кефир» и велела выметаться. У меня в голове шумела какой-то коктейль из ритмов «Ленинграда», я был всё ещё пьяный. На Глеба мне смотреть не хотелось.

– Чтобы вас возить, дворники нужно поставить внутрь, – вместо напутствия промолвила Марта.

– Ты с нами? – сквозь стиснутые зубы спросил Глеб сестру.

– Поднимусь через пять минут, – ответила она.

Мы вскарабкались на четвёртый этаж и дали знать о своём появлении секретарше Дарьи. С тяжёлыми выдохами уселись в кресла и прикрыли глаза.

– Сергей Шнуров уже в кабинете с Дарьей Николаевной, – сообщила секретарша.

Мы снова открыли глаза.

- Тогда мы войдём! – взволновано сказал я и начал приподниматься.
- Нет, сидите, – ответила секретарша. – Дарья Николаевна сама вас позовёт.
- А она знает, что мы здесь? – спросил Стальский.

– Ага, – сказала девушка и со звонким смехом добавила. – Когда ваша машина въезжает на парковку, окна дрожат!.. Ха-ха! Хи-хи!..

Мы снова утвердились в креслах и попытались расслабиться. Выглядели мы неславшими, помятыми и пьяными, – в общем как надо.

- Я так волнуюсь, – признался я через минуту молчания.
- А что?.. – задал какой-то непонятный вопрос Глеб.

– Всё-таки это не кто-нибудь. Ну, не какой-то там политик или бизнесмен, а Шнур, – я нервно постукивал пяткой по полу, чем сильно нервировал Стальского.

Глеб вперился в пол и молчал. Я сказал:

– Сейчас зайдём, и я скажу: «Здравствуйте, уважаемый Шнур, я вырос на ваших песнях!..»

– Нет, лучше я скажу, что я вырос на его песнях; ведь ты не сильно вырос, – предложил Глеб.

– Да, ты прав, – согласился я. – Тогда я скажу, что рано остался без родителей, а воспитало меня его творчество. Тем более это почти правда.

Глеб закивал. Даша открыла дверь и махнула, чтобы мы заходили.

Спустя час Глеб, Марта и я подъехали к одной сетевой кафешке, чтобы полноценно позавтракать.

- Расскажите, как прошла встреча, – с искренним интересом спросила Марта.
- Позже, – ответил Глеб.

– Да, когда домой приедем, – расскажу. Умираю с голоду. И с похмелья, – сказал я.

Через десять минут нам уже начали приносить наш заказ. Семьдесят три грамма в пустой желудок пришлось кстати; меня одолело желание нести пургу: глядя на мартовский салат, я продекламировал:

– О, Цезарь с Курицей – салатов император, кумир гурманов, инстаграммов завсегдатай, тебе грозят бедою зубы Марты, падёшь несчастной жертвой соляной кислоты желудка девы красной... енот-кисель-каминные щипцы-блэкаут-фаэрплэй-сашими-егерь...

Я закашлялся и отхлебнул томатного сока.

– Извините, не обращайтесь внимания, – беззаботно махнул рукой я перед озадаченными взглядами коллег.

Марта с преувеличенным удивлением посмотрела на брата, видимо, желая услышать комментарии к моему экспромту. Глеб не подвёл, сказав «Аминь». «Приятного аппетита», – в свою очередь сказала Стальская. Мы приступили к еде.

Естественно, что в этот день ни о каком переезде речи быть не могло.

Вечером этого же дня.

- Отличный ужин, – благодушно сказал Глеб, отодвинув тарелку.
- Мм... Да, – подтвердил я, пережёвывая пищу.
- Да, спасибо братец, – отреагировала Стальская, отпивая из своего стакана.

Глеб всегда старался хвалить свои блюда первым, чтобы на всякий случай иметь моральное право обвинить всех в неблагодарности.

- Так какую композицию выбрали? – задала Марта давно ожидаемый нами вопрос.
- «Без тебя...» – ответил я.
- «...Пиздец», – закончил Глеб.
- А?.. – непонимающе акнула Марта.

– «Без тебя пиздец», – пояснил Глеб.

– Мм... – задумчиво протянула Стальская, а потом спросила: – Хорошая песня?

– Хорошая, – подтвердил Глеб.

– Да ладно, сейчас я тебе поставлю, – слушаешь, – сказал я, вставая; секунду поколебавшись, добавил: – Прямо про нас с тобой, Крошка.

Когда избранная композиция отыграла, Марта на наших улыбающихся лицах прочитала недоговорённость.

– Что-то ещё?... – неуверенно спросила она, переводя взгляд с одного на другого.

Глеб щёлкнул языком. Я сказал:

– Да. Кое-что ещё...

– И что же это? – тоже начав улыбаться, спросила Стальская.

– А то, что Шнур напишет для нашей передачи специальную... – начал я.

– ...Отдельную! – вставил Глеб.

– Специальную, отдельную песню! – с нескрываемым восторгом почти прокричал я. – И называться она будет «Пьяный...»

– «...Диван»! – закончил Глеб.

Марта улыбалась и молчала. Глеб и я улыбались и молчали. Потом Марта спросила:

– А сколько это стоило?

Глеб назвал сумму.

– За это платит «Кефир», конечно, – счёл нужным уточнить я.

– Да, – счёл нужным подтвердить Глеб.

– Вначале передачи будет звучать тема из «Без тебя пиздец», а во время финальных титров... вот, как раз специальная и отдельная «Пьяный Диван».

– А как же так получилось?... – недоуменно спросила Марта. – Я имею в виду, как так быстро написались «специальная и отдельная»...

– А!.. – не дал закончить мысль я. – У Шнура была наработка на очень похожую тематику (как ни странно), и словосочетание «Пьяный Диван» очень хорошо легло в текст припева. Так что мы теперь имеем саундтрек от маэстро.

– Повезло нам, – резюмировала Марта.

Вчерашняя ночь была последней в съёмной конуре Вертолётостроительного района. Будучи воспитанными людьми, мы сделали генеральную уборку покидаемого жилища, – начали сутра пораньше, закончили в обед. Багажник Танка и Единички были заполнены нашими вещами. Цилиндр в специальной картонной коробочке лежал на заднем сиденье купе. Стальский попросился за руль BMW, а я в свою очередь изъявил желание рулить Танком, потому как Марта всё равно не знает куда ехать. Ни я, ни Стальская не возражали против такой рокировки. В час дня пришла хозяйка квартиры, мы отдали ей ключи и поблагодарили за гостеприимство. В час ноль пять мы выехали в западном (оно же московское) направлении.

Мне показалось, что мы слишком долго стоим в заторе, и, кинув взгляд в левое зеркало, я вскарабкался на бордюр, а потом и на трамвайные рельсы, после чего с ветерком домчал до светофора и с рельсов, обогнув все ряды ждущих «зелёного прямо» машин, повернул на правую стрелку.

– Ещё раз такое проделаешь, – больше не сядешь за Танк, – строго сказала Марта.

– Почему? – удивился я. – Разве не для подобных маневров покупают такие машины?

– Нет. Это просто некультурно, – пояснила Марта все тем же строгим голосом, который мне очень понравился.

– А я подумал, что от этого ты становишься мокрой, – состряпав ироничную физиономию, грубо пошутил я.

– Нет, мне не страшно, просто неудобно перед другими участниками движения, – ответила Стальская.

– «Страшно»?!.. – недоуменно переспросил я.

– Ну да. Ты же имел в виду, что я потею от страха, когда сказал «становишься мокрой»?

– Да, наверное, – не веря, что она не въезжает, ответил я.

– Или что? – задумалась Стальская.

– Проехали, – ответил я.

Мы выехали за пределы города. В сторону же города был поток машин, потому что горожане возвращались с дач обратно.

Уже через двадцать пять минут умеренно быстрой езды мы съехали на грунтовку.

– Эта дорога оставляет желать ... асфальта, – грустно молвила Марта.

– Хе, – усмехнулся я, кинув на неё ласковый взгляд.

Где-то на полпути сюда мы потеряли «Единичку» из вида, а теперь подъезжая к дому, обнаружили ворота распахнутыми, а во дворе стояла моя машина. Когда Танк протарахтел во двор, Глеб вышел из дома и, зевая, сказал:

– Ну, сколько вас можно ждать?..

– Как ты смог так быстро приехать, братец, – удивилась Стальская. – Аронов скакал по рельсам, объезжая пробку, и то мы позже приехали!.. А у тебя есть ключи?

– Да, у Глеба свои ключи, – ответил я. – Ведь я одинокий человек, случись что...

Лицо Глеба растянулось в утрированной улыбке, он ответил:

– Это самое, Аронов... Я на трассе притопил немного, ну, чтобы узнать возможности машины, так что, когда придут штрафы, – отдашь их мне, я оплачу.

– Сколько здесь этажей? – спросила Стальская, глядя наверх и щурясь от солнца.

– Четыре. И подвал, – ответил я. – Глеб называет этот дом одноподъездной хрущёвкой.

Ха!

– Правда?.. – задумчиво спросила Марта, оглядываясь по сторонам.

– Да. Это за его незатейливую архитектуру. Крыша плоская и на неё можно выходить, – объяснил я.

Мы зашли в дом. Так как Марта здесь была впервые, то с любопытством принялась осматривать дом, не забыв предварительно надеть домашнюю обувь, которую предусмотрительно положила на самый верх дорожной сумки.

– А здесь чисто, – откуда-то из глубины прокричала Марта. – И как-то обжито.

– Так мы с Глебом здесь иногда бывали, – прокричал я в ответ.

Но, как бы «здесь чисто» и «как-то обжито» ни было, всё равно была острая необходимость в генеральной уборке и покупке кое-каких необходимых в быту вещей. Посуду мы привезли ту, которую когда-то взяли из своих квартир, чтобы использовать в съёмной квартире в Вертолётострое. Хотя посуда и приборы, и всё, что придумало человечество для кухни на середину девяностых двадцатого века, здесь имелось. Папа со дня на день намеревался переехать в этот дом, поэтому купил ВСЁ! Так это «всё» и пролежало, упакованное в обёрточную бумагу, в течение двадцати лет.

Мы с Глебом раскладывали кухонную утварь и говорили о том, что надо бы ехать прямо сейчас в Икею и покупать матрасы, когда Стальская вошла в гостиную-столовую-кухню.

– А что, на третьем и четвёртом отделки нет?

Это был риторический вопрос, поэтому я сразу объяснил причину того, почему ремонт есть только на первых двух этажах:

– Папа не успел сделать там ремонт.

– А...

– Сестрёнка, составь список покупок, – сказал Глеб.

– Хорошо, только сначала мне нужно в туалет, – ответила Марта. – Где здесь туалет?

Я вызвался показать, заодно сказал:

– Можешь выбрать для себя отдельный санузел, – будет только твой – девчачий.

– Здорово, – обрадовалась Марта такой возможности.

– Вот здесь (на первом этаже, как входите – прямо) уборная с ванной, раковиной и, конечно, унитазом, – комментировал я, включая свет и открывая дверь ванного помещения. Здесь можно возлежать в пене, читая Вашингтон Пост. – А на втором – нечто похожее на душевую кабину, в которой моются стоя.

– Я выбираю эту, – сказала Марта, и в этот момент лампочка в выбранной ей ванной перегорела.

– Хорошо. Ступай в верхнюю пока, – трогая Марту за плечо, сказал я.

Вернувшись в гостиную к Глебу, я сказал:

– В список надо внести энергосберегающие лампочки и шторы для душа.

– Каркасы кроватей стандартные? – спросил Глеб. – Мерить будем.

– Лучше померить.

Через пять минут вернулась Марта, и с порога воскликнула:

– Воды нет!

– Ой, прости, я сейчас включу, – сказал я и поспешил в подвал, где повернул рычаг воды, а заодно и газовый.

Вернулся к Глебу, который зачитал вслух список необходимого для жизни в этом доме.

Вернувшаяся Стальская, сказала:

– Кажется, придётся купить матрасы. IKEA работает до одиннадцати вечера.

**«...На каждом столбе висят цветные листовки,
на них написано, что кто нас найдёт – получит награду,
но все нас видят, и никто не сдаёт. Я рад и ты рада...»**

Знаки

Глава о фотоувеличении в переносном смысле, а также о «Голубом Кабриолете», который собрал двести тысяч просмотров

На следующий день – во вторник – в полдень мы подъехали по данному Дашей адресу, по которому располагалась фотостудия. Ещё в воскресенье Даша обратила наше с Глебом внимание на модный прикид Шнурова. Помню, она тогда сказала: «Вот, Аронов, тебя тоже так нарядим: кальсоны, майка и бархатный пиджак. А Глебу – то же самое, только засаленное пальто вместо пиджака».

Итак, когда мы парковались около фотостудии, которая занимала одно из помещений дома культуры имени Кирова в том же Вертолётострое, машина Даши уже была там.

С солнечной улицы мы вошли в полумрак дома культуры и на несколько секунд ослепли. Я даже споткнулся о ведро со шваброй, да так, что Стальским пришлось меня ловить, чтобы я не растянулся. Рассмотрев на стене указатели и следуя им, мы наконец открыли нужную дверь и оказались в фотостудии. Это было помещение с высоченным потолком и задрапированными окнами. Яркое освещение обеспечивалось исключительно за счёт электричества. В глубине зала, между двумя передвижными вешалками со множеством одежд, Даша отчаянно спорила с невысоким ухоженным мужчиной тридцати пяти-тридцати восьми лет с трёх-четырёхдневной небритостью на лице. Даша трясла перед носом мужчины рукавом, висящего на одной из перекладин, пиджака. Мужчина, в свою очередь, тряс перед носом Даши рукавом другого изделия лёгкой промышленности.

– Здравствуйте, – почти хором сказали мы трое.

– Здравствуйте, – почти той же интонацией хором ответили Даша и мужчина с небритостью.

– Сядьте – посидите, – сказала Даша, махнув в сторону дивана. – Привет, Марточка.

– Привет, Даша, – ответила Марточка на индивидуальное приветствие нашего продюсера.

Всё закончилось быстрее, чем я предполагал, и вот мы уже стояли в небольшой пробке на выезде из Вертолётостроя.

– У меня тело чешется от этой чужой одежды, – сообщил я, поводя плечами.

Глеб начал прислушиваться к своим ощущениям. Марта с досадой проговорила:

– Теперь и братец начнёт жаловаться. Зачем ты сказал?..

– Чёрт! Надо поскорее принять душ, – заёрзал Глеб. – Интересно: это стиранные вещи? Если стиранные, то как давно?

– Думайте о чём-нибудь другом, – посоветовала Марта.

– Жалко, что тебе не пришлось переодеться, – заметил я. – Сейчас бы у тебя чесалось в труднодоступных местах, и ты бы просила меня почесать, – с улыбкой до ушей, глядя на Стальскую в зеркало заднего вида, проговорил я.

– Блин, я так до крови расчесусь, – проворчал Стальский, елозя спиной и затылком по спинке и подголовнику кресла.

Я решил сменить тему, пока зуд и помывка не стали идеей фикс.

– А как фотограф яростно флиртовал с Глебом, заметили? – засмеялся я, вспомнив фразочки мужчины с трёх-четырёхдневной небритостью.

– Да. Братец ему явно пришёлся по вкусу, – согласилась Марта.

– Я такой. Всем нравлюсь, – приосанился Стальский.

– Там впереди авария что-ли? – опуская окно, задал риторический вопрос я.

– Кхе-кхе... – кашлянула Стальская. – Климат всё-таки куда удобнее, чем этот кондиционер. Хотя, я не привереда.

– А что мы едем, как не на кабриолете? – спросил Глеб. – Где тут кнопка.

– Вот, – указал я и сам же запустил механизм.

Крыша начала движение в сторону багажника. Стальская из полулежачей позы села по нормальному и пристегнулась.

– А куда вы тогда ночью ездили, ну, в костюмах восемнадцатого века? – спросила Марта.

Глеб закрыл глаза ладонью. Он сказал:

– Чёрт, я снова вспомнил этот день, а ведь только-только начал забывать.

– Что? – переспросила Стальская с заднего сиденья, так как ветер гулял по салону и уносил слова передних пассажиров в сторону.

Глеб обернулся к сестре и повышенным голосом сказал:

– На сегодняшний день тот эпизод был самым постыдным в моей жизни.

– Расскажите? – заинтригованно спросила Марта.

– Нет, – ответил Глеб.

Я посмеялся над выражением лица Стальского и улыбнулся Марте через зеркало заднего вида.

– Попробую излечить тебя от разрушающих воспоминаний той ночи, – сказал я, листая плейлист. – Сейчас-сейчас, малыш... Через несколько минут ты будешь вспоминать о той ночи, как об увеселительной прогулке до ночного супермаркета.

– Что ты задумал, – нахмурился Стальский.

Марта улыбалась, готовясь к чему-то забавному. Наша «открывалка» медленно ползла в потоке других машин, у большинства которых окна были открыты. Я нажал «Play». Заиграло вступление.

– Что-то до боли знакомое, – прищурившись, сказал Глеб.

– А! Я поняла, что это за композиция! – засмеялась Стальская. – Делай громче.

Я сделал весьма громко.

«Слышал я одну легенду, – о двух братьях пересказ...» – томным шёпотом (как он умеет) заговорил Боря Моисеев. «Вроде быль, а вроде сказка, может братья среди нас?..» Кажется в этот самый момент все соседи по потоку, у кого были видеорегистраторы, повернули объективы в сторону нашего кабриолета. Глеб надел очки и сполз, насколько это было возможно при его росте, вниз. Марта, напротив, выглядела счастливой. Во время слов «Младший брат любовью чистой королёву полюбил...» она обвила меня сзади руками и чмокнула в щёку, чтобы зрителям стало очевидно, что я – «младший брат». Ей пришёлся по душе такой экспромт, и она приготовилась дурачиться на полную катушку. Боковым зрением я наблюдал улыбки на лицах водителей и пассажиров. «Их хорошее настроение – лучшая награда для артиста», – не без тщеславия подумал я.

Тем временем Трубач с Моисеевым пели в унисон:

«...Голубая луна всему виной», – все в округе говори-и-и-и-ли. Этой странной любви, этой странной любви так ему и не простили-и-и-и...»

Марта ловким движением накинута на шею брату свой тонкий шарф, чтобы он соответствовал образу «старшего брата». Глеб включился в игру и обернул шарф вокруг шеи один раз, а один конец свесил за дверь для придания комического эффекта. К началу первого припева мы трое уже были в образах, – подпевали и двигали плечами и руками в соответствующем ритме. Особенно хорошо двигать плечами и руками получалось у Стальского. И где он так научился?!..

*«...Голубая луна
голубая луна
как никто его
любила
голубая луна
Голубая луна,
голубая луна
звезды сладостью
пошла
голубая луна...»*

Кто-то из особо ярых поклонников кричал: «Давай-давай!..» Мы не подвели. Слова «Честь моя, моя лишь честь... Ты люби и будь любимым и будь счастлив брат, я теряю всё, но ты теряешь больше...» – Глеб прошевелил губами, как будто это говорил он, а потом манерно закинул конец шарфа за плечо. В соседней машине заплодировали.

*«Голубая луна,
голубая луна
звезды сладостью
пошла
голубая луна...»*

Вдруг песня прервалась, а вместо неё, с такой же громкостью, в динамиках автомобиля раздался голос Сицилии Владимировны:

– Аронов, слышишь меня? Алло! Приезжайте.

Это было объяснимо, так как мой телефон был подключен к аудиосистеме машины через трёхполовиномиллиметровый разъём. Как раз с прекращением связи с Владимировной мы

подъехали к концу пробки, причиной которой оказался троллейбус с отлипшими рогами. Снова заиграл припев:

*«...звезды сладостью
пошла
голубая луна
Голубая луна
голубая луна
как никто его
любила
голубая луна...»*

во время которого я успел проскочить на жёлтый сигнал светофора, а Стальский успел приподняться на кресле и на вытянутой руке развеять по ветру мартовский шарф, как бы прощаясь со зрителями. Чёрный автомобиль стремительно отрывался от потока, а в тёплом весеннем воздухе таяли слова отпрыска Порока: «Голубая луна, голубая луна...»

Не страшитесь совершенства! Оно вам нисколько не грозит

Дали

Глава о марзанах, бабашках, кернинге и трекинге

Среда, двадцать восьмое мая.

Днём мы все трое прокатились до города, – приобрели кое-что для дома, а также MacPro, который вручили Марте в руки. Потом мы поехали на квартиру к Стальским, включили Wi-Fi, и Марта купила на новый лэптоп годовую подписку на Adobe InDesign за семь тысяч сто восемьдесят восемь рублей, оплатив карточкой Глеба, а также годовую подписку на Adobe Photoshop за семь тысяч сто восемьдесят восемь рублей то, оплатив моей карточкой. Для вёрстки La Critic'i версии «два точка ноль» всё необходимое у нас теперь имелось.

– А что, теперь нужен доступ что-ли? – спросил Глеб, кивая на экран нового компа.

Марта затруднилась с ответом и начала поиск в Интернете. Через несколько минут она цитировала сообщение с какого-то веб-дизайнерского форума:

– «При годовой подписке приложения могут работать автономно до девяноста девяти дней. Далее требуется подключение к Интернету для проверки лицензии».

Закончив чтение, она посмотрела на нас и захлопала ресницами, как наивная девочка. Мы покивали в знак того, что уяснили этот момент. Мне пришёл на ум ещё один вопрос:

– Электронные версии газеты будут храниться в облаке или не жёстком диске?

Марта этой информацией уже владела, поэтому немедля ответила:

– И там и там. Можно публиковать версию для Ipad.

Закончив веб-покупки, мы отключили Wi-Fi, погасили свет, проверили газ и покинули квартиру Стальских.

На этом наши хай-тек расходы не закончились. Убедившись в том, что в нашем Новом Чудино существует зона покрытия, мы приобрели стационарный модем Yota и подключили самый шустрый безлимитный тарифный план. Вечером на мраморной стойке кухни-столовой, подмигивая светодиодами, стоял рогатый приборчик и раздавал Wi-Fi'юшку всем желающим и знающим код доступа. Я напряг извилину, отвечающую за креатив, и назвал нашу сеть «СВГВ-ОМФUG-club». Когда все смартфоны, планшеты, лэптопы, утюги и домашние тапочки подключились к Паутине, Уют окончательно пришёл в наше жилище, и мы почувствовали себя дома.

Часов в десять вечера Марта, утомлённая изучением верстальных программ, пошла принять ванну, а я поднялся в свою спальню и приступил к написанию статьи по материалам, данным мне Сицилией Владимировной. Времени на подготовку номера оставалось всего ничего, –

в пятницу тридцатого числа – последний срок; надеюсь, Марта успеет разобраться в ИнДизайне и сверстать номер. За себя, то есть за свою часть работы я не беспокоился, хотя, конечно, Владимировна могла предоставить материал и пораньше. Или не могла? Ладно, начну.

Я разложил на кровати фотографии и листы формата А4 с текстом, посмотрел на люстру с одной лампочкой и понял, что работать тут невозможно. Собрал все бумажки в стопку, сунул подмышку ноутбук и спустился вниз. Разложил всё заново на дальней от плиты половине барно-кухонной стойки, воткнул вилку компьютера в ближайшую розетку, включил дополнительный свет и... начал.

Бежали минуты, в течение которых окружающий мир перешёл для меня в фоновый режим, – Стальский несколько раз спускался вниз, исчезал за кухонной перегородкой, открывал и закрывал холодильник, включал-прибавлял-убавлял газ; появилась Марта с двумя полотенцами на теле – одним на голове, другим на груди и бёдрах, потом ушла наверх; Глеб резал овощи для салата и выжимал фрукты; снова появилась Стальская, на этот раз одетая в плюшевый спортивный костюм, открыла новый Мас и приступила к работе; Глеб вышел во двор, вернулся через некоторое время с охапкой веток и деревяшек. «Вот эти две фотографии сфотографируй на свой фотоаппарат», – скороговоркой проговорил я Марте, катнув в её сторону бумажные фотографии. Глеб разжёл камин и вернулся к приготовлению ужина. Зазвонил телефон Глеба, и он сказал: «Да». Через полторы секунды он сказал: «Работаем, СициМировна. Да. До свидания». Марта катнула в мою сторону флешку из своего фотоаппарата. Я вставил флешку в карт-ридер своего РС, нашёл фото моего героя и скопировал их в папку под названием «La Crítica 2». Зашёл в свою почту и отправил обе фотографии на электронный адрес Марты, которая тотчас их получила и сохранила в соответствующей папке, чтобы в скором времени вставить в нужное место макета второго – июньского – номера ежемесячной информационно-аналитической газеты La Crítica. «Ужин готов», – сообщил Глеб, наливая в два олдфэшна прозрачную вязкую жидкость из извлеченной из морозилки бутылки. Я захлопнул свой компьютер, поднял очки на макушку и потёр глаза. Подошёл к другому концу стола, где меня поджидал стакан и собутыльник. «Давай», – сказал один из нас мужчин. «Давай», – почти одновременно ответил второй. Мы опрокинули содержимое олдов в себя, занюхав свежим загородным воздухом. Стальская, наблюдавшая за этим священнодействием поверх экрана, решила, что на сегодня хватит, закрыла крышку и яблоко погасло.

– Вадим, сделаешь мне слабоалкогольный коктейль? – спросила она.

– Конечно, красавица. Один к одному, ха?!..

– Пятьдесят миллилитров алкоголя на двести миллилитров апельсинового фреша, – улыбаясь, пояснила Стальская.

Я приступил к выполнению заказа, и вторую «чистую» мы с Глебом выпивали уже в компании Марты. После аперитивов мы приступили к ужину.

– Произнесёшь молитву, Глеб? – благочинным тоном спросил я у партнёра.

– «Я жру, чтоб трахаться, а трахаюсь, чтоб жрать», – не задумываясь, произнёс Стальский, заставив сестру замереть с вилкой у рта.

– Аминь, – попытожил я.

После еды Глеб сразу же поднялся наверх, а я и Марта совместными усилиями помыли посуду. Дрова в камине превратились в едва тлеющие угли. Я указал на задвижку дымохода над камином, и Марта, поняв моё затруднение в дотягивании, закрыла её. Не в силах даже говорить, мы разошлись по ванным комнатам, чтобы почистить зубы, затем на мгновение пересеклись на втором этаже и, пожелав друг другу спокойной ночи, скрылись за дверями своих спален.

**Но и наши рожи можно видеть тоже; это значит,
что мы продвигаемся дальше...**

Тараканы!

Глава о последних мгновениях перед выпуском второго номера

La

Critic

'и

Около полудня следующего дня.

– Твоя сестра – идеальная женщина по версии журнала «Фантазии Вадима Аронова»; хотя какого чёрта я тебе об этом рассказываю?!.. – я продолжил читать текст, меняя местами некоторые слова. – Да... Я полюбил её бесповоротно, окончательно. Это произошло не вдруг, это были долгие три минуты.

– Я думал, твой идеал Наталья Гундарева, – Глеб тоже читал текст у меня из-за плеча. – Вот ещё тут, слово часто используется, – Стальский указал на экран.

Я поменял слово на синоним.

– Да, Глеб, ты, конечно, прав, – медленно, потому что вникал в текст на экране компьютера, сказал я. – Ты прав, ранняя Гундарева, Валери де Винтер, поздняя Сальма Хайек, Кардинале в прикиде девушки ковбоя – это всё мои женские идеалы. Но Марта – это что-то из ряда вон выходящее; нечто исключительное... Нечто, что не могло прийти в голову, а потому покоровившее меня со второго полувзгляда.

– Вот ещё, – Стальский вновь указал на экран, – тут точку с запятой лучше поставить, а не запятую.

– Мм... Да, пожалуй.

Спустя двадцать три секунды.

– Дурак ты, похоже, – вернулся к обсуждению моих фантазий Глеб.

– Это почему? Потому что мне ничего не светит с твоей сестричкой? Да?

– Насчёт этого мне ничего не известно, – Стальский сел на диван, а я отвернулся от экрана и посмотрел на Глеба.

– А почему тогда? – я хотел раз и навсегда выяснить мнение Глеба по этому вопросу.

– Даже не знаю, – Глеб прилёг на диван и рассуждал лёжа. – Просто это Марта. Бестолковая Марта. Моя глупая сестра Марта... А с другой стороны ты, – Вадим, бестолковый Вадим, глупый Вадим... Не знаю даже.

– Ты за кого больше переживаешь: за меня или за Марту? Считаешь, что мы не подходим друг другу? – я приуныл, работать совсем не хотелось.

– Я не семейный психолог. Мне на вас обоих положить, в хорошем смысле... Кажется... – задумчиво проговорил Глеб. – Да... Интересно.

– Не пойму, что ты хочешь сказать, – сокрушённо проговорил я.

– У меня нет мнения по этому вопросу, – уверенно сказал Глеб.

– Я тебе хоть раз говорил, что мне какая-нибудь девочка запала в душу? Нет, не говорил. Потому что мне никто в душу не западал. Я ни к кому не тянулся ни разу в жизни; были – хорошо, не были – тоже прекрасно. Но тут другое дело... – я сохранил документ, закрыл редактор и захлопнул компьютер. – Это что-то да значит.

– Что-то да значит, – повторил Глеб. – У меня нет мнения по этому вопросу. Я тебе точно в этом деле не помощник, если ты за этим разговор завёл.

Около ворот затарахтел Танк – из города вернулась Марта, – и я быстро проговорил:

– Да не за этим! Не за этим. Всё, к чёрту эту статью, ещё завтра время есть. Давай поедем что-нибудь и обсудим перспективы.

Раннее утро тридцатого мая.

– Во-о-от, – объясняла свои действия Марта, – Сохраняем макет в формате PDF и копируем на флэшку. Готово! Кстати, я вам говорила, что нашла дистрибьютора?

- Нет, – ответил я.
- Я нашла дистрибьютора, – сказала Марта, вызвав у нас с Глебом улыбки. – Точнее, фирму, которая будет распространять нашу газету на территории города и республики.
- Цена? – спросил Глеб.
- Двадцать пять копеек за экземпляр. Заберут тираж прямо из типографии. В течение четырёх дней газета окажется в почтовых ящиках самых потаённых уголков республики. Это – эксклюзив, – почтовые ящики физических лиц плюс организации.
- Пятьсот тысяч, – проговорил Стальский.
- Да, полмиллиона, – подтвердила Стальская. – Сицилия Владимировна согласна. Я с ней уже говорила.
- А когда она деньги на расходы передаст? – спросил я.
- Стальские замялись.
- Что? – спросил я.
- Глеб взял на себя миссию разъяснения:
- У тебя же есть на телефоне калькулятор?
- Я кивнул. Глеб продолжил:
- Вот. Один экземпляр полноцветной La Critic’и на бумаге среднего качества стоит столько же, сколько и в прошлом месяце, когда качество бумаги было самым низким, – практически её нельзя было использовать даже в сельском туалете...
- Понятно-понятно, – перебил я. – Это потому, что тираж огромен.
- Правильно, малыш, – похвалил мою сообразительность Стальский. – И всё-таки, умножив пять (рублей за экземпляр) на два миллиона, – получаем... сколько, Аронов?
- Я на мгновение задумался и озвучил сумму:
- Десять плюх.
- Тут вступила Марта:
- Ты же не собираешься в полиэтиленовом пакете из Пятёрочки принести в типографию десять ректорских зарплат?!..
- И плюс поляма дистрибьютору, – вставил Глеб.
- Нет? – спросил я.
- Нет, – ответила Стальская.
- Хорошо, тогда как? – спросил я.
- В этом месяце так: одна фирма, принадлежащая одному нашему... знакомому, оплачивает тираж и распространение, – уклончиво ответила Марта.
- Может, посвятите меня в подробности, – ироничным тоном сказал я. – Я обещаю, что никому не скажу.
- Стальские мельком переглянулись. Я счёл нужным уточнить:
- Ведь всё равно все расходы оплачивает Сицилия?
- Да-да, – хором заверили меня Стальские.
- Меня перестала забавлять эта недоговорённость, и я тяжело вздохнул.
- Короче!.. – начал говорить Глеб. – Марта, расскажи.
- Марта начала вроде не с самого важного:
- Помнишь, что в нашем договоре с Сицилией был пункт о медицинской страховке? И об адвокате. Так вот, одна из фирм Марка как бы оплачивает наши расходы, а сам он официально становится адвокатом каждого из нас троих, – последнее предложение Стальская проговорила скороговоркой и с виноватой улыбкой на лице.
- Мой желудок перестал работать, о чём сообщил зелёный оттенок моего лица.
- Я просил, чтобы они придумали что-то другое, – громко заговорил Глеб, а они – эти проходимки – сказали, что времени слишком мало. Я говорил им: «Давайте соберём деньги

на краундфайдинге, ну, там на «Платене точка ру», где Куваев собирает на Масяню, или ещё где», а они мне: «Времени мало»... Прикинь!

Марта уверенным голосом заговорила, для пушей убедительности жестикулируя:

– Мы можем в дальнейшем пересмотреть финансовую стратегию, но в этом месяце, Вадим, выбора нет. И к тому же...

– Что я, по-вашему, маленький дурачок что-ли? – обрёл дар речи я. – Делайте, как удобнее.

Глеб состряпал гримасу, и мне стало понятно, что я должен знать ещё что-то.

– Что? – спросил я.

– Наше наличное Лаве лучше тоже доверить заботе Бимерзкого, – сказал Глеб скороговоркой, а потом продолжил в нормальном темпе: – Он спец по разного рода финансовым манипуляциям. Купит валюту по выгодному курсу, посоветует варианты инвестиций, откроет счета за границами... налогообложения. Всё такое.

Марта, всё это время внимательно следившая за речью брата и кивавшая, перевела взгляд на меня и сказала:

– Да, это так.

– Я как все, – сказал я.

В два часа дня мы выехали из дома, чтобы поехать в типографию, а заодно и к нотариусу, чтобы оформить на Марту доверенность на правоотношения с типографией в отсутствие меня – главного редактора; а заодно и к Марку Бимерзкому, – чтобы... чёрт его знает, зачем!

Когда Марта вырливалась из Чудино, мой взгляд мельком зацепил рекламный щит, – его изображение показалось мне каким-то странным, притягательным, но мы так быстро проехали мимо, что мозг не успел проанализировать картинку, и я так и не понял о чём идёт речь на рекламе.

Проехав отрезок дороги пролегающий через сосновый лес – мимо нескольких санаториев и детских туберкулёзных лечебниц – мы повернули направо – в сторону города. Я увидел другой рекламный щит с тем же содержанием, потом следующий щит, с другой версией картинка, но с тем же содержанием. Потом несколько щитов с другой рекламой, а потом снова щит с рекламой «Нового развлекательно-аналитического шоу на телеканале «Кефир». «Каждое воскресенье, в 22:00 смотрите «Пьяный Диван». На всех четырёх разновидностях плакатов были изображены мы – Марта, Глеб, я. На одном – на переднем плане, на засаленном диване сидим мы с Глебом, а Стальская изображена сбоку. На другом варианте: Марта вынесена на передний план, а диван, с сидящими нами, не в фокусе на заднем плане. Ещё один вариант изображал всех троих стоящих в ряд нас – Стальские изображались от ключиц до макушек, а я между ними – от середины переносицы до макушки. И четвёртый вариант, который я насчитал, выглядел так: мы с Глебом вытанцовываем на диване, а героиня Марта находится за соседней стеной и сидит на табуретке, закрыв ладонями уши. Мы, молча, лицезрели самих себя на огромных билбордах вплоть до самого въезда в город, где их не стало меньше, скорее наоборот.

На проходной крупнейшего в нашем городе издательства и типографии под названием «Волга-Волга-Пресс», Марта назвала фамилию нашего менеджера, который уже бежал сломя голову вниз, чтобы самолично препроводить в свой закуток в общем кабинете.

– Это Вадим, – представила Стальская меня ему.

– Я Ильгиз. Несказанно рад познакомиться! – с чувством проговорил он.

Было видно, что он действительно рад познакомиться. Чтобы показать насколько он был рад, скажу, что самый крупный тираж, которым печаталась газета в нашем городе до сего дня – двести девяносто тысяч экземпляров. La Critica – два миллиона. Правда у La Critic'и всего один разворот, а у других газет несколько, но всё равно мы оказались очень крупными игроками.

В конце встречи наш менеджер Ильгиз призвал нас не беспокоиться относительно нотариальной заверки доверенности на Стальскую, сказав, что устной договорённости с ним вполне достаточно. Марта отдала ему флэшкарту с макетом, а Ильгиз в присутствии нас и человека, отвечающего за печать, проверил макет на соответствие требованиям, воткнув флэшку в стационарный Макинтош 5К разрешения. Всё было в порядке; Марта постаралась, и мы с Глебом одновременно погладили её по предплечьям, – я по правому, он по левому.

– Когда ждать аванс? – вкрадчиво спросил менеджер, поворачивая голову от монитора к Стальской.

– В течение ближайших трёх часов, – с улыбкой ответила Марта.

Дела типографские были улажены.

– А это не вы случайно на рекламных щитах? – спросил Ильгиз, провожая нас до парковки.

Оставалось ещё одно дело, а именно визит в адвокатский кабинет Бимерзкого.

«Этот человек – мой враг. Он желает мне зла. Он бы меня уничтожил, будь его воля. Он меня уничтожит при первой возможности», – такие мысли крутились у меня в голове, когда Марта несколько раз нажимала на звонок особым образом. Моя квартира была в двух минутах ходьбы от офиса Бимерзкого. У меня возник порыв убежать, но, естественно я никуда не делся.

– Привет, Марта, – раздался женский голос из динамика.

Дверь запищала, возвещая о том, что можно входить. Я шёл вслед за Стальскими и не знал, как себя вести.

Через полминуты Марк Бимерзкий протянет мне руку и скажет: «Привет, Вадим». Я пожму его руку и тихо скажу: «Привет...ствую». Мы рассядемся по креслам в его кабинете. Марк скажет: «Настоятельно советую: отныне и впредь вкладывать деньги в бивалютную корзину. Месяца через три нужно будет завести заграничные счета». Мы единогласно согласимся. Он спросит у нас паспорта, а я кину взгляд на Стальскую, которая вытащит из своей бледно-розовой Chloë три книжицы в цветастых обложках и, очаровательно улыбнувшись, скажет: «Я – администратор труппы».

Первое лето

Когда испытываешь ненависть, нужно брать как можно выше

La Grande Bellezza

Глава о том, что отныне кетчуп «Хайнс» только в стекле!

Время к вечеру; погода прелестная; воздух чище с каждым десятиминутием, – и всё это понедельник, второе июня. Я выхожу из стеклянных дверей торгового мола и направляюсь к Танку, в моих руках пакеты. Марта уже вернулась со своего шопинга и сидит за рулём. Я забираюсь на переднее сиденье и не знаю что сказать Стальской. Однако говорю следующее:

– А ты быстро, да... А Глеб ещё не подошёл? Мы с ним разделились.

Марта кивает и молчит. Потом спрашивает:

– Купил то, что хотел?

– Да, – отвечаю. – Мне нужно было нижнее бельё, и я купил нижнее бельё.

– Понятно, – ответила Стальская.

Она как будто не была настроена на пустую болтовню; в руках вертела телефон, – не иначе некоторое время назад имела неприятный разговор.

– И вот ещё: ремень. Кожаный, – я приподнял футболку и продемонстрировал пряжку ремня, – простую, незамысловатую.

– Мда... – произнесла Марта, кинув взгляд на аксессуар. – Что-то не выглядит как кожаный.

– Ну конечно он кожаный. За две с половиной штуки-то. Он даже пахнет кожей. Понюхай. Марта деланно зло прищурилась.

– Ладно, – отставил шутки я. – Как насчёт ужина? Где там твой братец? Я думал, что он выйдет раньше меня.

– До дома доедем, – сказала Стальская, видимо имея в виду приём пищи.

– Помнишь, я тебе давал памятку, которую нам вручили в Роспотребнадзоре?

Марта, прищурившись, посмотрела на меня.

– Там, где информация об обязательном экземпляре и...

– А! Да. Всё готово, – ответила Стальская.

– То есть?

– Всё сделано. Я отправила все необходимые посылки, – рассеянным тоном проговорила она.

– А помнишь, Сицилия велела перерегистрировать адрес редакции с городской квартиры на дом? На дом...

– Я послала заявление об изменении данных в Роспотребнад... Я же тебе давала бумажку подписать.

– А! Да. Так это – то самое было?

– То самое.

Больше спросить было не о чем, и я задумался над тем, что бы такое приготовить, когда приедем домой. На горизонте появился Стальский с несколькими пакетами в руках. С некоторого расстояния он сделал жест сестре, чтобы она открыла багажник. Марта нажала кнопку, – багажник открылся. Стальский кинул пакеты в багажник и сел на заднее сиденье.

– Аронов накопил трусов на одиннадцать тысяч! – поставил в известность Марту Глеб.

– У!.. – смешным голосом ответила Стальская.

– Как говорится: «Магия магией, но я могу носить только тонкие трусы», – смеясь, сказал я.

– Я тоже, признаться, на предмет underwear прогулялась, – сказала Марта, запуская двигатель. – Правда корзина покупок того же самого для девочек немного дороже выходит.

– Правда? – с нескрываемым любопытством спросил Глеб. – И сколько же?

– Сорок семь. Но там ведь комплектами.

По пути мы ещё заглянули в магазин «Fix Price», потому что забыли купить вешалки для одежды.

– Зацените что я приобрёл, – Глеб с хрустом вскрыл пластиковую упаковку с каким-то брелком.

– Что за хрень? – поинтересовался я.

Марта кинула взгляд на брата через зеркало заднего вида.

– Это – лазерный фонарик! – значительно и торжественно возвестил Глеб.

– Круто! Дай позырить! – с абсолютно искренним восторгом воскликнул я.

– Чёрт возьми, братец, не впадай в детство. Ты намерен задолбать всех этой игрушкой? –

Марта кинула снисходительный взгляд через зеркало, включила правый поворотник и тронулась со светофора.

– Ну дай-дай! – настаивал я.

– Ага, вот ещё! Я сам не наигрался, – тоном десятилетнего мальчишки сказал Стальский, вставляя в фонарик круглые батарейки-таблетки.

– А что, он тоже тридцать девять рублей стоит? – удивился я.

– Да. Там всё по тридцать девять. Даже такая ценность...

– Здорово! Когда я учился классе в третьем, у нас мода на лазерные фонарики была. Разорение на батарейках...

Наконец Глеб засунул батарейки и немедленно засветил Марте в лоб через отражение в зеркале заднего вида. Я сдерживал смех. Марта не замечала красной точки на лбу, она сосредоточено и серьёзно рулила. Глеб спросил сестру:

– Как считаешь, сестрёнка, ты достаточно важная персона, чтобы быть шлёпнутой?

Марта просекла хохму и взглянула в зеркало; ничего не ответила, однако попыталась взмахом руки согнать красную точку со лба как муху; если бы это было возможно, то множество влиятельных людей до сих пор были живы. Я, смеясь, сказал:

– Она достаточно большая девочка, чтобы быть отшлёпанной.

Стальская удостоила меня заинтересованным взглядом; по крайней мере, мне так показалось, насколько я мог судить через её солнечные очки.

Когда вчера вечером Сицилия, убедившись, что La Critica расползается по городу и субъекту федерации, выдала нам наш июньский гонорар, каждый из нас троих ощутил потребность в некоторых вещах, которые можно купить за деньги. Поэтому, спустя сутки мы и оказались в торговом центре. А сейчас мы едем домой, и собираемся посмотреть местные новости по телевизору, а также почитать новости онлайн на предмет выхода второго номера нашей газеты. И поест, конечно.

**Если произойдёт что-то действительно важное,
я узнаю об этом, выглянув из окна**

Г. Стальский

Глава о первом выпуске «Пьяного Дивана»

На третье число была назначена съёмка первого выпуска нашей передачи. Из так называемого пилотного выпуска кое-как была нарезана реклама для прокрутки по телевизору, а сегодня – третьего июня, во вторник – мы втроём явились к одиннадцати тридцати пополудни в кабинет нашего продюсера Даши (со следующей недели «Диван» будет записываться в понедельник»). Там нас уже поджидал представитель алкогольного производства, который пожал руки мне и Стальскому, отвесил полупоклон Стальской и объявил, что мы в частности, и наша замечательная передача в общем, становимся официальными лицами их нового продукта – водки «Метель».

– Да-да, – отозвалась Даша из-за своего стола. – Я обо всём договорилась. Каждый получите по... По сколько там получается?

– Где-то по... – задумался представитель. – Где-то по семьсот тридцать.

– Где-то по семьсот тридцать, – сказала Даша. – Это в течение двадцати четырёх выпусков. Равными платежами. На тот же счёт, что и оплата от канала.

Мы молчали, так как всё поняли, но Даша решила, что мы молчим, потому что не поняли ничего, поэтому громким голосом продолжила объяснение:

– Вот смотри, Аронов: делишь в уме семьсот тридцать тысяч рублей на двадцать четыре, – полученная сумма прибавляется к твоей зарплате за каждый выпуск.

– А? – с тупым выражением на лице сказал я.

– Блин! – выдохнула Даша.

– Да поняли мы всё, – успокоил её Глеб.

– А хера тогда?!.. Ладно, – сказала Даша. – Этот вопрос решён.

– Так мы договорились? – зачем-то спросил представитель. – Вы согласны на наши условия?

– Согласны-согласны они, – ответила Даша. – Насчёт рекламы я сама им всё объясню. До свидания, Олег.

Олег ещё раз пожал руки нам с Глебом и отвесил ещё один поклон Стальской. Затем Олег удалился.

– Давайте, рассаживайтесь, – замахала нам Даша. – Поболтаем, пока там всё готовится.

Спустя двадцать минут.

– Во-о-т, значит. А в воскресенье вечером зрители всей республики увидят ваши, так сказать, светлые лики на экранах своих телевизоров. А некоторые, я уверена, посмотрят передачу в Интернете, когда до них дойдут слухи о том, что передача стоит того, чтобы её смотреть, – медленно говорила-рассуждала Даша.

Мы сидели в её кабинете и ждали звонка. Зазвенел стационарный телефон на столе Даши. Она сняла трубку.

– Всё. Всё. Идём, – сказала Даша в трубку, затем положила её.

Мы зашевелились.

– Всё. Всё. Идём. Студия освободилась, – сказала Даша нам и поднялась с кресла.

Половина восьмого вечера этого же дня.

Начав в половине первого, мы закончили только полчаса назад. Это были долгие шесть с половиной часов. Как я и боялся, мы не смогли расслабиться, и мысли не шли. Декорации студии были почти один в один скопированы с нашей гостиной в Вертолётострое, но, для усиления эффекта, журнальный стол был заменён на две трёхногие табуретки. Надо сказать, что Даша, контролировавшая весь процесс, к выбору декораций, а также наших сценических костюмов, подошла с большим вкусом. Лично мне совершенно не в чем было её упрекнуть. Однако дело не шло. Мы с Глебом постоянно отвлекались на три, направленных на нас камеры, а также на людей за кадром. Естественно, мы не смотрели на них, но их присутствие нам мешало. Через два часа мямлянья, Даша хлопнула в ладоши, велев прервать съёмку.

– Так, господа хорошие, – садясь рядом с нами на диван и положив руку на коленку Стальского, сказала она. – Давайте-ка снимем рекламу.

Ассистент притащил бутылку «Метели» и два гранёных стакана, и в течение следующего часа были сняты несколько рекламных роликов с товаром-спонсором.

– Продолжим, – махнула Даша режиссёру.

Ассистент попытался унести «Метель».

– Стойте-стойте, – поднялся с дивана Глеб. – Может попробуем нажраться?

– Здесь вода, – предупредила Даша.

– Да знаю, я ж понюхал, когда наливали, – ответил Глеб. – А настоящая есть?

Даша задумалась, затем сделала шаг в темноту, затем снова появилась в поле нашего зрения.

– Есть, – ответила она. – Только не «Метель».

– Вот и хорошо, – шепнул я Стальскому, предчувствуя веселье.

– Перельём в бутылку из-под «Метели», – махнул Глеб.

Даша ушла за водкой. А когда она вернулась, всё стало «красиво».

Тем не менее, чтобы впоследствии нарезать всего час эфирного времени считая рекламу, мы отсняли пять с половиной часов, в течение которых нам показывали новости, мы листали газетами, а вся редакция подкидывала нам темы для обсуждения. Это было тяжело. Все утомились. А мы с Глебом ещё и напились, причём без закуски.

Итак, половина восьмого вечера этого же дня. Марта выезжает с парковки «Кефира» и везёт нас в «Фанерный Пейзаж», где нам предстоит разбор полётов, с Сицилией Владимировной в роли председателя заседания.

В самом начале совещания наш куратор подняла вопрос электронных средств коммуникации. Когда Стальские высказались по этому вопросу, Владимировна перевела взгляд на меня:

– У тебя? Есть аккаунты где-нибудь?

Меня повеселило слово «аккаунт». Я ответил:

– ВКонтакте есть. Только я пароль забыл. Полтора года прошло...

– Хорошо, – заключила Сицилия. – Тогда страница Глеба в Твиттере будет официальным электронным ресурсом «La Critic’и» и «Дивана» и всего остального, чем вы занимаетесь.

Марте явно не терпелось что-то сказать. Все перевели взгляды на неё.

– Сегодня сутра пораньше уже начали названивать рекламодатели, – восторженно начала Марта, разводя руками по кабинету Владимировны. – Наверное, больше половины из тех компаний, кому Вадим и Глеб полтора месяца назад рассылали СПАМ с рекламным предложением, звонили мне на телефон! Да, мальчишки? Наверное, большая половина тех?.. – Марта посмотрела на меня.

Мы с Глебом сидели и улыбались. Владимировна тоже улыбалась, глядя на радость Стальской. Я не мог не спросить:

– Сицилия Владимировна, всё, что мы заработаем на рекламе ведь наше?

– Разумеется, – сквозь улыбку ответила Сицилия и покачалась на кресле вправо-влево.

Стальский, вполголоса, риторическим тоном заметил:

– Ещё бы!.. Тогда жалкие три тысячи были, а сейчас миллионы! Плюс материал на последней странице.

– Я, конечно, всем дозвонившемся говорила, что старые цены уже недействительны. Говорила всем: «Перезвоните после пятнадцатого».

– Ты записала всех, кто звонил? – повернувшись к Стальской на вертящемся кресле, спросил я.

– Ц!.. Конечно, – покачав головой над моим глупым вопросом, ответила Марта.

Сицилия усмехнулась. Было видно, что у неё хорошее настроение.

– Сами выберем: чью рекламу размещать, – проговорил Глеб.

Таким образом, визит к Сицилии превратился в обсуждение стратегии развития, а сама хозяйка кабинета с полуулыбкой на устах смотрела на нас и покачивалась на кресле из стороны в сторону. Минут через десять Владимировна сказала:

– Ладно, мои хорошие, всё идёт по плану.

Она замолчала. Мы ждали и тоже молчали.

– Так что?.. – начал я.

– Да-да, можете ехать, – сказала Владимировна.

– Это всё что-ли? – спросил Глеб.

– Всё. Если у вас всё, – ответила Сицилия.

– Так мы что, можем ехать? – спросил я.

– Не держу, – ответила Владимировна.

– Мы тогда поехали? – то ли сказал, то ли спросил Стальский.

– Езжайте, – сказала Владимировна.

– До свидания тогда, – сказал я, вставая.

– Ага, – сказала Владимировна.

– Ну, всё, мы пошли, да? – тоже вставая, сказал Глеб, смотря на сестру, которая тоже зашевелилась.

– До свидания, Сицилия Владимировна, – попрощалась Марта.

– До свидания, Марточка, – попрощалась с Марточкой Владимировна.

– А зачем мы приезжали? – спросил я.

– Аронов, – вдруг как будто вспомнила Владимировна. – Насчёт «последней страницы».

– Да, слушаю, – снова усаживаясь в кресло, сказал я.

– Просто хотела сказать, что меня всё устраивает, но можно и пожестче.

Чтобы представить себе незнакомую ситуацию, воображение пользуется знакомыми элементами и именно потому не представляет её себе

М. Пруст

Глава о том, что хорошая погода не залог хорошего настроения

На следующий день я проснулся около полудня, но выспавшимся себя не чувствовал. Зашёл в ванную, затем спустился вниз. Стальский сидел за компьютером за стойкой и попытался папироской.

– А-а-а!.. – зевнул я и спросил: – А где Мартка?

– А-а... – заразился зевотой Глеб и ответил: – В город уехала. Незаконченные юридические дела. Типа. Но мы-то знаем.

Я поморщился и ответил:

– Ничего мы не знаем. Думаешь, она встречается со своим адвокатом?

– Думаю, да. С нашим адвокатом, – уточнил Глеб.

Моё настроение было испорчено. До следующего понедельника делать как будто было нечего. Хотя как сказать.

– Слышь чё, – привлёк я внимание Глеба, усаживаясь напротив него. – Не будем откладывать в долгий ящик сбор материала для следующего номера. Лучше пусть будет что-то лишнее, что мы сможем потом выкинуть, заменив чем-то более интересным, чем будет сплошная вода. Да?

– Да-а-а!.. – снова зевнув, ответил Глеб. – Да. Да. Да. Чем займёмся? У нас куча желающих поместить рекламу. Можем с этого начать.

– Да, согласен, – перемещаясь на диван напротив камина, ответил я.

– Холодильник нужно купить. Бейджики можно сделать, такие, знаешь, с фотографиями, ламинированные, – рассеянно рассуждал Глеб, глядя на экран своего ноутбука.

– Точно, – принимая горизонтальное положение и прикрывая глаза, ответил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.